

1847
С. 481

Пермонта

СИБИРЬ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТИПОВЪ

3
14

6208295.

07 41038

Выпускъ третій.

СЛОВАРЬ
ЛИТЕРАТУРНЫХЪ
ТИПОВЪ.

ЛЕРМОНТОВЪ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„ВСХОДЫ“.

а) Повѣсти и рассказы.

Клегъ Келли. Ром. С. Кроккеттъ, въ пер. для дѣтей А. Н. Анненской. Изд. 2-е. Цѣна 50 коп.
Исторія одного мальчика. А. Додэ. Изд. 2-ое. 63 рис. Ц. 60 коп.
Удивительныя приключенія Тартарена Тарасконскаго. Его же. Изд. 2-ое. 13 рисунк. Цѣна 20 коп.
Воспоминанія одного американскаго школьника. Т. Белеля Олдрича. Изд. 2-е. 19 рис. Ц. 35 к.
Смѣлые мореплаватели. Повѣсть Рудіарда Киплинга. Изд. 2-ое. 21 рис. Ц. 40 коп.
Человѣкъ-волкъ. Индійскіе рассказы. Его же. 7 рис. Ц. 30 к.
Безъ призора. Пресансе. Изд. 2-ое. 6 рис. Ц. 30 коп.
Друзья. Повѣсть изъ быта пожарныхъ. А. Зарина. Изд. 2-ое. 7 рис. Ц. 30 к.
Потѣшные люди. Рассказъ изъ жизни акробатовъ. Его же. Изд. 2-ое. 6 рис. Ц. 30 к.
Антошка. Пов. К. Станюкевича. 34 рис. Цѣна 80 коп.
Ассанъ-хызъ. Пов. А. Алтаева. 15 рис. Ц. 75 к.

Дѣти напрокатъ. Разск. Миссъ Бредонъ. Ц. 25 коп.
Маленькій Джорджъ. Миссисъ Мекъ-Эмери Стюартъ. 5 рис. Ц. 20 коп.
Зимняя ночь и другіе рассказы. П. Розеггера. 21 рис. Ц. 25 коп.
Въ лѣсахъ Америки. Рассказы Эрнеста Томпсона-Ситона и Стюарта Эдуарда Уайта. 55 рис. Ц. 30 к.
Въ Альпахъ. П. Розеггера. Изд. 2-ое. 12 рис. Ц. 35 коп.
Дядя изъ Чикаго. Очерки школьной жизни въ Америкѣ. Лори. Изд. 2-ое. 22 рис. Цѣна 40 коп.
На родинѣ. Рассказы для дѣтей старшаго возраста. А. Свирскаго. Изд. 2-ое. 26 рис. Цѣна 1 р.
Принцъ и нищій. Марка Твена. 142 рис. Ц. 50 коп.
Приключенія Тома. Его же. 63 рис. Ц. 50 к.
Приключенія Финна. Его же. 63 рис. Ц. 50 к.
Завѣщаніе чудака. Жюль Верна. 60 рис. Ц. 1 р.
Похожденія Тима. Пов. Кетъ Уиггинъ. Изд. 2-ое. 6 рис. Ц. 20 к.

б) Естествознаніе.—Путешествія.

Море и его обитатели. Составл. по Брэму Келлеру и др. Э. Пименовой. Изд. 2-ое. 175 рис. Ц. 1 р.
Докторъ Мухоловинъ. Фантастическ. приключ. въ мірѣ насѣкомыхъ. Э. Маевскаго. 112 рис. 50 к.
Профессоръ Допотопновъ. Необыкновенныя приключенія въ недрахъ земли. Э. Маевскаго. Изд. 2-ое. 125 рис. Ц. 50 к.
Приключенія молодого натуралиста. Люсьена Біара. Изд. 2-ое. 123 рис. Ц. 75 к.
Въ странѣ чудесъ. Путешествіе по Индіи. Маеля. Изд. 2-ое. 40 рис. Ц. 60 к.
Голодовка у сѣвернаго полюса. Ист. одной полярной экспедиціи. Э. Пименовой. Изд. 2-ое. 21 рис. Ц. 25 к.
Воздушныя путешествія. Сост. по Тиссандье, Фалькенгорсту и др. Э. Пименова. Изд. 2-ое. 21 рис. Ц. 35 к.

Въ степяхъ Монголіи. Пов. В. Сѣрошевскаго. 50 рис. Ц. 60 к.
Въ странѣ цвѣтовъ. Пов. В. Сѣрошевскаго. 20 рис. Ц. 50 к.
Въ горахъ Тибета. Путешествіе по Тибету. С. Рингардтъ. 40 рис. Ц. 40 к.
Въ центральной Азіи. Путешествіе Свена Гедина 1893—1897 гг. въ Памиръ, Тибетъ и восточный Туркестанъ. Обработано А. Анненской. 38 рис. Ц. 1 р. 50 к.
Малайскій Архипелагъ. Страна органгъ утанга и райской птицы. А. Р. Уоллеса 31 рис. Ц. 40 к.
Подъ солнцемъ Индіи. Путевыя письма. Э. Геккеля. 70 рис. Ц. 35 к.
Колумбово яйцо. Сборн. игръ и развлеченій. Сост. И. Игнатъевъ съ многочисл. рис. въ текстѣ. Ц. 1 р.
Міръ животныхъ. Э. Пименовой. Изд. 2-ое. 250 рис. Ц. 1 р. 25 к.

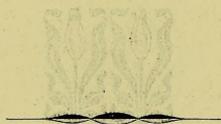
в) Исторія, истор. повѣсти и рассказы.—Биографіи.

Печать Цезаря. Истор. разск. А. Рамбо. Премировано Фран. Акад. Наукъ. Изд. 2-ое. 60 рис. Ц. 60 к.
За правое дѣло. Рассказъ изъ средневѣковой жизни. Коломбъ. Изд. 2-ое. 49 рис. Ц. 35 к.
Спортакъ. Истор. ром. Джіованіоли. Въ пер. Е. Гадмеръ. Ц. 50 к.
Скрипачъ. Повѣсть изъ послѣднихъ лѣтъ крѣпостного права. А. Зарина. Ц. 50 к.
Вамирэхъ. Человѣкъ каменнаго вѣка Рони. Изд. 2-ое. 15 рис. Ц. 35 к.

Янъ Гусъ. Ист. пов. А. Алтаева. Ц. 40 к.
Черная смерть. Пов. изъ Флорент. жизни XV вѣка А. Алтаева. 11 рис. Ц. 40 коп.
Въ лѣсахъ Литвы. Ист. пов. С. Минилова. 28 рис. Ц. 75 к.
Пушкинъ. Его жизнь и творчество. Н. Демидова 27 рис. Ц. 25 к.
Кольцовъ. Н. Носкова. 12 рисунковъ. Ц. 20 к.
Михаилъ Фарадей. А. Анненской. Изд. 2-ое. 14 рис. Ц. 25 к.

Словарь

литературныхъ типовъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ

ТИПЫ

ЛЕРМОНТОВА.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Томъ второй.

СЛОВАРЬ

ЛИТЕРАТУРНЫХЪ

ТИПОВЪ.

ЛЕРМОНТОВЪ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„ВСХОДЫ“.

891.71

Типографія «Россія». Басейная, 3.

1891.71.891.71

Третій выпускъ «Словаря» посвященъ литературнымъ типамъ Лермонтова. Общій планъ изданія остался безъ перемѣнъ.

Характеристики наиболѣе крупныхъ художественныхъ образовъ сгруппированы въ первой части выпуска въ алфавитномъ порядкѣ и составляютъ собственно „Словарь литературныхъ типовъ“. Большинство характеристикъ распадается на три самостоятельныхъ отдѣла: а) характеристика типа въ освѣщеніи автора, б) сводъ критическихъ мнѣній и в) библиографія предмета.

Въ характеристики вносились, по возможности, подлинныя опредѣленія самого автора. Изъ критическихъ отзывовъ бралось лишь то, что, такъ или иначе, обрисовываетъ и освѣщаетъ данный типъ. Приложенныя библиографическія указанія должны помочь лицамъ, пользующимся книгой, самимъ, ближе и въ болѣе полномъ объемѣ, ознакомиться съ отмѣченными произведеніями критической литературы.

Весь второстепенный, хотя и очень цѣнный, матеріалъ отнесенъ въ „Указатель“. Сюда, не столько ради полноты изданія, сколько въ прямомъ соотвѣтствіи съ главной цѣлью „Словаря“, введены *все* типы и образы изъ произведеній разсматриваемаго писателя. Типы и образы, характеристики которыхъ приведены въ „Словарѣ“, въ „Указатель“ сопровождаются лишь ссылкой на соотвѣтствующую страницу; при остальныхъ даны краткія характеристики въ томъ же „Указатель“.

Въ концѣ книги прилагается „Перечень произведеній“ и всѣхъ, входящихъ въ нихъ, дѣйствующихъ и упоминаемыхъ лицъ. Лица, характеристики которыхъ вошли въ „Словарь“, отмѣчены въ „Перечнѣ“ *курсивомъ*; все же, отнесенное въ „Указатель“, набрано простымъ шрифтомъ. Такимъ образомъ, въ то время какъ „Перечень“ служить алфавитнымъ index'омъ произведеній, «Указатель» является такимъ же алфавитнымъ index'омъ типовъ и, своего рода, ключемъ для изученія писателя, которому посвященъ выпускъ.

Исходя изъ той мысли, что художественныя произведенія не могутъ разсматриваться внѣ фона и времени, въ «Перечень» введены краткія историко-литературныя примѣчанія. Эти послѣднія, вмѣстѣ съ біографической канвой, приложенной въ началѣ выпуска, дадутъ возможность, пользующемуся „Словаремъ“ легко навести ту или другую справку, касающуюся жизни Лермонтова, условій его творчества и самаго творчества.

Весь матеріалъ во всѣхъ отдѣлахъ „Словаря“ расположенъ въ алфавитномъ порядкѣ. Въ алфавитъ же введенъ и приложенный къ изданію (см. Приложение 1) сводъ «нарицательныхъ именъ». И здѣсь мы стремились, по возможности, не сузить, а расширить рамки понятія „нарицательное имя“. Въ рубрику ихъ введены всѣ яркія, мѣткія т. н. „крылатыя слова“, которыя не только характеризуютъ стиль и манеру писателя, но и составляютъ его индивидуальное отличіе.

Въ общей работѣ по второму тому приняли участіе слѣдующія лица: *Игнатьевъ, Е. И., Каптеревъ, Н. А., Львовичъ, В., Л. Майеръ, Н. В., Носкова, Е. К. Носковъ, Н. Д., прив.-доц. Поварнинъ, С. И., Тумимъ, Г. Г.*

Редакція третьяго выпуска принадлежала *Н. Д. Носкову.*

The text on this page is extremely faint and illegible. It appears to be a list or a series of entries, possibly a table of contents or a directory, but the individual items cannot be discerned. The text is oriented vertically and spans most of the page's width.

М. Ю. Лермонтовъ.

(Биографическая канва).

- 1814 г. 3 октября родился въ Москвѣ Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ. Отецъ поэта, Юрій Петровичъ, капитанъ въ отставкѣ и небогатый помѣщикъ (село Кроптовка, Ефремовскаго у., Тульской г.); мать, Марья Михайловна, урожденная Арсеньева.—Родъ Л. ведетъ свою родословную отъ Георга Лермонта, выходца изъ Шотландіи, состоявшаго на польской службѣ; послѣ взятія крѣпости Бѣлой (теперь уѣздн. городъ Смоленской губ.), Г. Лермонтъ перешелъ на службу къ московскому царю [1613 г].
- 1816 г. Смерть матери.
- 1818—1824 г.г. Дѣтскіе годы въ домѣ бабушки, Елизаветы Алексѣевны Арсеньевой.—Село Тарханы (Пензенской губ., Чембарскаго у.).
- 1825 г. Поѣздка на Кавказъ. Пятигорскъ.
- 1827 г. Москва. Приготовленіе къ университетскому «благородному пансіону».
- 1828 г. Полупансіонеръ благороднаго пансіона.—Первые стихотворные опыты.—Семейство Лопухиныхъ.
- 1829 г. «Ужасная судьба отца и сына—жить разно»...—«Кавказскій Пльнникъ», «Корсаръ» и «Черкессы», первыя подражательныя поэмы.
- 1830 г. Л. студентъ «нравственно политическаго отдѣленія Московскаго университета».—Изученіе англійскаго языка.—«Испанцы».—Увлеченіе байронизмомъ.—В. А. Лопухина.
- 1831 г. «Ангель».—Драма «Люди и Страсти».—Смерть отца.
- 1832 г. Петербургъ. Отказъ въ зачетъ лѣтъ, проведенныхъ въ Московскомъ университетѣ. Требованіе вступительнаго экзамена.—Школа гвардейскихъ подпоручиковъ.—Юнкеръ лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка.
- 1833 г. Кругъ товарищей: Вонлярлярскій, Столыпинъ, Юрьевъ.
- 1834 г. Плоды юнкерской музыки: «Уланша», «Госпиталь», «Петергофскій праздникъ».—«Школьная Заря».—Новый Барковъ.—«Вадимъ».—Производство въ офицеры.—«Будущность, блистательная по внѣшности, въ сущности пошлая и пустая».
- 1835 г. «Хаджи-Абрекъ» появляется, безъ вѣдома автора, въ «Библ. для Чтенія».—Царское село и лейбъ-гвардіи Гусарскій полкъ.—Ек. Ал. Сушкова.—«Шутки и шалости».—Первая «исторія» въ свѣтѣ.—«Бнягиня Лиговская».—«Маскарадъ».—Тарханы.—«Два брата».
- 1836 г. «И тьмой и холодомъ объята душа усталая».—«Бояринъ Орша», «Сашка».
- 1837 г. «На смерть Пушкина».—Начало громкой извѣстности.—«Опальные стихи. —Арестъ Раевского и Лермонтова.—Переводъ въ армію. Нижегородскій драгунскій полкъ.—Закавказье.—Странствованіе то на перекладной, то верхомъ.—Дѣйствующій отрядъ.—«Пѣснь про царя Ивана Васильевича».—Переломъ.—Обработка старыхъ произведеній.—Знакомство съ декабристомъ А. И. Одоевскимъ.—Политическое настроеніе.—

- Хлопоты бабушки о прощениі Л.—Возвращеніе въ лейбъ-гвардіи Гродненскій полкъ.—Новгородъ.—«Селищевскія казармы».—Мечты о Меккѣ и Персіи.
- 1838 г. Петербургъ и лейбъ-гвардіи Гусарскій полкъ.—«Большой свѣтъ».—«Свѣтскій левъ».—«Смертная скука».—Литературныя знакомства: Жуковскій, Карамзинъ, Бѣлинскій, кн. Вл. Одоевскій, Краевскій.—«Казначейша» появляется въ «Современникѣ». Пѣсня про царя Ивана Васильевича, безъ имени автора, печатается въ «Лит. Прибавл. къ Инвалиду». Новая редакція «Демона» и «Мцыри».
- 1839 г. Производство въ поручики.—Отказъ въ отпускъ и переводъ на Кавказъ.—«Кружокъ шестнадцати».—«Отеч. Записки» («Бѣла», «Фаталистъ» и стихотворенія).
- 1840 г. «Первое января».—«Желѣзный стихъ, облитый горечью и злостью».—Вызовъ петербургскому высшему обществу.—Графъ Бенкендорфъ изъ защитника Л. дѣлается его врагомъ.—Дуэль съ де-Барантомъ.—Арестъ.—Военный судъ.—Свиданіе съ Бѣлинскимъ въ Ордонансъ-Гаузѣ. «Журналистъ, читатель и писатель».—Обвиненіе въ «бѣгствѣ» изъ подъ ареста и во вторичномъ вызовѣ де-Баранта.—Приговоръ суда: лишеніе всѣхъ правъ состоянія.—Резолюція Императора Николая I.—Переводъ поручикомъ въ Тенгинскій полкъ.—Вторая ссылка на Кавказъ.—Выходъ отдѣльнаго изданія (весной) «Героя нашего времени».—Участіе въ экспедиціяхъ противъ горцевъ.—«Валерикъ».—Представленіе къ наградѣ «за отмѣнное мужество и хладнокровіе».—Отказъ въ наградѣ изъ Петербурга.—Крымъ.—Отдѣльное изданіе «Стихотвореній»
- 1841 г. Отпускъ.—Пріѣздъ въ Петербургъ.—Желаніе выйти въ отставку.—Кружокъ Карамзиныхъ.—«Послѣднее новоселье».—Предписаніе, за истеченіемъ срока отпуска, выѣхать изъ столицы къ мѣсту службы въ 48 часовъ.—Разрѣшеніе ѣхать для лѣченія на минеральныя воды.—Пятигорскъ.—Семейство Верзилиныхъ.—Столкновеніе съ Мартыновымъ. Дуэль.—Смерть Л.—15 іюля: «цуля Мартынова попала въ правый бокъ и вышла изъ лѣваго на-вылетъ, пробивъ оба легкія».
-
- 1842 г. 21 апрѣля тѣло Л., временно похороненное на пятигорскомъ кладбищѣ было предано землѣ въ родныхъ Тарханахъ.
- 1856 г. Первое заграничное изданіе полного текста «Демона».
- 1873 г. Повѣсть «Вадимъ» появляется въ «Вѣстн. Европы».
- 1880 г. Изданіе «Юношескихъ драмъ» Л.
- 1882 г. «Княгиня Лиговская» («Русскій Вѣстникъ»).
- 1883 г. Открытіе «Лермонтовскаго музея» при Николаевскомъ Кавалерійскомъ училищѣ (бывшая «Школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ»).
- 1891 г. Окончаніе срока на литературную собственность наслѣдниковъ Л. «Первый выходъ дѣйствительно полного собранія сочиненій Л. въ трехъ изданіяхъ. [См. «Перечень»—Лермонтовъ].—Открытіе памятника въ Пятигорскѣ.

Словарь литературныхъ типовъ.

Арбенинъ, Евгеній Александровичъ («Маскарадъ»).—«Человѣкъ солидный, глядитъ ягненоккомъ». Игрокъ и шулеръ; «звѣрь» и «чортъ». Имѣлъ три тысячи душъ и «покровительство у знати». «Чиновъ онъ не хотѣлъ, а славы не добился». По собственному признанью, «рожденъ съ душой кипучею, какъ лава: покуда не растопится, тверда, какъ камень... но плоха забава съ ея потокомъ встрѣтиться». По словамъ Неизвѣстнаго (см. ¹), у А. «гордый умъ»; душа его «мрачна и глубока какъ двери гроба—чему, хоть разъ отворится она, то въ ней погребено на вѣки», «подозрѣнья ей стоятъ доказательства»...—Подозрѣвая свою жену въ обманѣ, Арбенинъ самъ берется «свершить надъ ней свой страшный судъ». Онъ поручаетъ «любимую» Нину Богу «всевидающему» и «незримому» и подсыпаетъ въ мороженое жены «порошокъ», который десять лѣтъ «хранилъ на черный день» «среди волненій жизни трудной, какъ талисманъ таинственный и чудный». Онъ холодно смотритъ на мученія Нины. «А мало ли мученій, которыя сильнѣй, ужаснѣе твоихъ»? «Жизнь вѣчность и смерть—лишь мигъ», говоритъ онъ; въ отвѣтъ на просьбу послать за докторомъ замѣчаетъ холодно: «не пошлю».—«Что жъ? развѣ умереть вамъ невозможно безъ доктора?» «Онъ радъ ея страданьямъ».

Плачь! Плачь! Но что такое, Нина,
Что слезы женскія?—вода...
Я жъ плакалъ—я, мужчина!

«Когда мужчина плачетъ»—«смерть у него въ рукахъ и адъ въ груди». Еще въ юности, «не зная цѣну жизни, онъ зналъ ужъ цѣну злата». Онъ былъ тогда «заносчивъ», опрометчивъ и рано испыталъ всѣ сладости порока и злодѣйства, и передъ ихъ лицомъ ни разу не дрожалъ». Въ кругу «обманщицъ милыхъ» Арбенинъ «напрасно и глупо юность погубилъ», «любимъ былъ часто пламенно и страстно, и ни одну изъ нихъ онъ не любилъ». «Романа не начавъ», онъ «зналъ уже развязку, и для другихъ сердецъ твердилъ слова любви, какъ няня сказку». Арбенинъ любилъ одну игру. Она приводила «кровь въ волненье, тревогой наполняла грудь». За картами онъ «смотрѣлъ съ волненіемъ нѣмымъ, какъ колесо вертѣлось счастья, и скоро онъ узналъ, что «счастья нѣтъ», но есть игра навѣрняка. Изъ простого картежника Арбенинъ сталъ шулеромъ. Для этого, по его словамъ,

...нужно испытать, ощупать безпристрастно
Свои способности и душу; по частямъ
Ихъ разобрать; привыкнуть ясно
Читать на лицахъ чуть знакомыхъ вамъ
Всѣ побужденья, мысли;—годы

¹) Далѣе сноска нигдѣ не дѣлается, т. к. въ „Указатель“ даны, болѣе или менѣе подробныя, характеристики *всѣхъ* дѣйствующихъ и упоминаемыхъ въ произведеніяхъ Лермонтова лицъ.

Употребить на упражненье рукъ;
 Все презирать: законъ людей, законъ природы;
 День думать, ночь играть, отъ мукъ не знать свободы
 И чтобъ никто не понялъ вашихъ мукъ!
 Не трепетать, когда близъ васъ искусствомъ равный;
 Удачи каждый мигъ постыдный ждать конецъ
 И не краснѣть, когда вамъ скажутъ явно:

«Подлецъ!»

Онъ бросилъ играть, потому, что понялъ все «насквозь», всѣ «тонкости» игры. Онъ былъ богатъ, но «тяжко стало жить» и «скучно жить». — Жизнь для Арбенина — «вещь пустая». Жизнь, «давно извѣстная шарада для упражненія дѣтей, гдѣ первое рожденье, гдѣ второе ужасный рядъ заботъ и муки тайныхъ ранъ, гдѣ смерть — послѣднее, а цѣлое обманъ». — «Вы жизнь мою спасли, сказалъ князь Звѣздичъ, благодаря за Арбенина за отыгрышъ. — «И деньги ваши тоже», отвѣтилъ Арбенинъ и прибавилъ: «А право трудно разрѣшить, которое изъ двухъ дороже». — «Богатъ и безъ гроша, онъ скукою томился, въ груди его «ужъ крылся холодъ, то адское презрѣнье ко всему, «которымъ» онъ «гордился». «Вездѣ» онъ «видѣлъ зло» и, гордый, передъ нимъ нигдѣ не преклонился. Постигъ друзей, коварную любовь», «все видѣлъ, все перечувствовалъ, все понялъ, все узналъ; «любилъ» онъ часто, — чаще ненавидѣлъ и болѣе всего страдалъ; сначала все хотѣлъ, потомъ все «презиралъ»; то самъ себя не понималъ, «то мѣръ его не понималъ». На своей жизни онъ «узналъ печать проклятья, и холодно закрылъ объятя для чувствъ и счастья земли»... Люди были ему «чужды» и онъ «имъ всѣмъ чужой». — «Совѣтъ лукавый» кто-то подаль Арбенину: жениться, и онъ женился, «сталъ баринъ и позабылъ товарищей своихъ». Онъ женился, чтобы «имѣть святое право ужъ ровно никого на свѣтѣ не любить»; уже женатый, глубже заглянувъ «въ душу мертвую свою», А. «вдругъ» увидѣлъ, что любить Нину и... «ужаснулся». «Опять мечты, опять любовь въ пустой груди бушуютъ на просторѣ», говоритъ онъ самъ себѣ. — «Изломанный челнокъ — я снова брошенъ въ море! Вернусь-ли къ пристани я вновь?» Онъ занятъ «любовью, не дѣлами». Наединѣ съ любимой женщиной, А. съ глубокимъ отвращеніемъ «мыслить» о «тяжелой черной старинѣ», «о дняхъ, отравленныхъ волненіемъ порочной юности». Онъ говоритъ Нинѣ:

Такъ, прежде я тебѣ цѣны не зналъ, несчастный;
 Но скоро черствая кора
 Съ моей души слетѣла — мѣръ прекрасный
 Моимъ глазамъ открылся не напрасно;
 И я воскресъ для жизни и добра.
 Но иногда опять какой-то духъ враждебный
 Меня уноситъ въ бурю прежнихъ дней,
 Стираетъ въ памяти моей
 Твой свѣтлый взоръ и голосъ твой волшебный.
 Въ борьбѣ съ собой, подъ грузомъ тяжкихъ думъ,
 Я молчаливъ, суровъ, угрюмъ.
 Боюсь осквернить тебя прикосновеніемъ;
 Боюсь, чтобы тебя не испугалъ ни стонъ,
 Ни звукъ, исторгнутый мученіемъ, —
 Тогда ты говоришь: меня не любить онъ!

Арбенинъ любитъ жену «такъ сильно, безконечно, какъ только можетъ человѣкъ любить». Онъ вѣритъ, что «Творецъ въ вознагражденіе съ своихъ небесъ послалъ къ нему Нину. «Все, что осталось мнѣ отъ жизни — это ты:

созданье слабое, но ангелъ красоты! Твоя любовь, улыбка, взоръ, дыханье... Я человекъ—пока они мои; безъ нихъ—нѣтъ у меня ни счастья, ни души, ни чувства, ни существованья!» Но Арбенинъ не увѣренъ въ чувствѣ жены:

«Ты молода лѣтами и душою,
Въ огромной книгѣ жизни ты прочла
Одинъ заглавный листъ, и предъ тобою
Открыто море счастья и зла.
Иди любой дорогой,
Надѣйся и мечтай—вдали надежды много,
А въ прошломъ жизнь твоя бѣла!
Ни сердца своего, ни моего не зная,
Ты отдалася мнѣ и любишь—вѣрю я—
Но безотчетно чувствами играя
И рѣзвась, какъ дитя».

«Я жить привыкъ безопасно и ревновать смѣшно», прибавляетъ Арбенинъ. Но онъ сознаетъ разницу между собственнымъ чувствомъ и чувствомъ Нины: «я сердцемъ слишкомъ старъ—ты слишкомъ молода». «Гордый умъ» Арбенина видитъ всюду обманъ. На женщину у Арбенина свой взглядъ: «побѣды новыя ей нужны ежедневно»; «глупецъ, кто въ женщинѣ одной мечталъ найти свой рай земной». —Послѣ маскарада и потери женою браслета, «точь въ точь такого, который онъ видѣлъ въ рукахъ у Звѣздича, страшное подозрѣнiе» волнуетъ Арбенина. «Ужель то было только сонъ? А это пробужденье?» задаетъ онъ вопросъ, и «маску чувствъ снимаетъ смѣло». На смѣхъ Нины надъ поднятой тревогой «изъ пустяковъ» онъ бросаетъ ей въ лицо страшную угрозу: —Дай Богъ, чтобъ это былъ твой не послѣднiй смѣхъ!» И тутъ же клянется ей въ любви «безконечной» и местию за обманъ: «закона я на мечь не призову, но самъ безъ слезъ и сожалѣнья двѣ наши жизни оборву». Ревнуя, онъ испытываетъ «почти всѣ муки ада». Смѣхъ Нины, смѣхъ «глупцовъ земныхъ, обманутыхъ мужей», преслѣдуютъ Арбенина. «Ни прощенья, ни жалости не знаетъ онъ, когда обиженъ,—мщенье, мщенье—вотъ цѣль его тогда и вотъ его законъ». «Оскорбленье», въ его душѣ, запавъ приноситъ плодъ». Онъ готовится убить Звѣздича, крадется въ его спальню, и—не можетъ. «—Да, это свыше силъ и воли... Я измѣнилъ себѣ, я задрожалъ впервые во всю жизнь», признается Арбенинъ, и самъ себя зоветъ «трусомъ» и презрѣннымъ человекомъ, изнемогшимъ «подъ гнетомъ просвѣщенья». Но онъ находитъ иной выходъ: «убійство ужъ не въ модѣ, убійцъ на площадяхъ казнятъ. Языкъ и золото, вотъ нашъ кинжалъ и ядъ!» Арбенинъ придумываетъ иную мечь: приглашаетъ Звѣздича на вечеръ въ карты, и среди игры наноситъ ему оскорбленье «противъ правилъ». Онъ уличаетъ Звѣздича въ подмѣнѣ карты: «конецъ игрѣ... Приличiй тутъ ужъ нѣтъ, вы шулеръ и подлецъ! и бросаетъ карты въ лицо Звѣздича. На вызовъ князя, Арбенинъ отвѣчаетъ: «стрѣляться? съ вами? мнѣ? вы въ заблужденьи!» Онъ издѣвается надъ Звѣздичемъ, совѣтуетъ убить его и, на вопросъ князя кто онъ, Арбенинъ, «человѣкъ иль демонъ», отвѣчаетъ кратко:—Я игрокъ.—Онъ отомщенъ. Онъ лишилъ навѣки Звѣздича «чести». Арбенинъ убѣжденъ, «что преграда рушена мсжду добромъ и зломъ», отъ Звѣздича «теперь весь свѣтъ съ презрѣньемъ отвратится». —«Намеки колкіе со всѣхъ сторонъ» рѣшаютъ участь Нины и самого Арбенина. «Нѣтъ, людямъ я ее (Нину) не уступлю... И насъ судить они не станутъ. Она умретъ; жить вмѣстѣ съ нею долѣ я не могу»...

. Рѣшено:
Она умретъ—я прежней твердой волѣ
Не измѣню.

Онъ увѣренъ, что его и Нину «разсудить только Божій судъ». — Но «есть граница мщенью» и Арбенинъ признается женѣ, что онъ «ея убійца», клянется въ своей любви, рыдаетъ надъ нею. — Въ отвѣтъ на проклятіе Нины, отвѣчаетъ: «Что пользы проклинать? Я проклять Богомъ». Онъ не вѣритъ въ невинность жены. «Я все жъ невинна передъ Богомъ», — послѣднія слова умирающей Нины. «Ложь!» восклицаетъ Арбенинъ. — Арбенинъ увѣренъ, что онъ «былъ страстный мужъ, но былъ судья холодный». Неизвѣстный и князь Звѣздичъ раскрываютъ Арбенину тайну: Нина была невинна.

Она невинна? Развѣ вы тутъ были?
 Смотрѣли въ душу вы мою?
 Какъ я теперь прошу, такъ и она молила.
 Ошибка... Я ошибся... Чтожъ
 Она мнѣ тоже говорила...
 Но я сказалъ, что это ложь.
 Я это ей сказалъ. Вотъ что я вамъ открою:
 Не я ея убійца...

«Ты скорѣй!» обращается Арбенинъ къ Неизвѣстному, и прощаетъ его...

Критика: 1) Арбенинъ (или все равно: «Мцыри», «Арсеній» и т. д.), это необузданная страстность, рвущаяся на широкій просторъ, почти-что безумная сила, воспитавшаяся въ дикихъ понятіяхъ (припомните воспитаніе Арбенина или Арбеньева, какъ названо это лицо въ извѣстномъ Лермонтовскомъ отрывкѣ, см. ниже «Указатель»), вопіющая противъ всякихъ общественныхъ понятій и исполненная къ нимъ ненависти или презрѣнія, сила, которая сознаетъ на себѣ «печать проклятыя» и гордо носитъ эту печать, сила отчасти звѣрская, и которая сама въ лицѣ «Мцыри» радуется братству съ барсами и волками. Пояснить возможность такого настроенія души поэта не можетъ, кажется мнѣ, одно вліяніе музы Байрона. Положимъ, что Лара, Манфредъ обаяніемъ своей поэзіи, такъ сказать, подкрѣпили, оправдали тревожныя требованія души поэта, — но самые элементы такого настроенія могли зародиться только или подъ гнетомъ обстановки, сдавливающей страстные порывы Мцыри и Арсенія, или на дикомъ просторѣ разгула и неистоваго произвола страстей, на которомъ выросли впечатлѣнія Арбенина. Представьте же подобнаго рода, подъ гнетомъ ли, на просторѣ ли развившіяся, стремленія — въ столкновеніи съ общежитіемъ, и притомъ съ условнѣйшею изъ условныхъ сферъ его, съ сферою свѣтскою! Если эти стремленія — точно то, за что они выдають себя, или, лучше сказать, чѣмъ они сами себѣ кажутся, — то они суть совсѣмъ противообщественныя стремленія, не только что противообщественныя въ смыслѣ условномъ; и — паденіе или казнь ждуть ихъ неминуемо. Мрачныя, зловѣщія предчувствія такого страшнаго исхода отражаются во многихъ изъ лирическихъ стихотвореній поэта и особенно ясно въ стихотвореніи: «Не смѣйся надъ моею пророческой тоскою». Если же въ этихъ стремленіяхъ есть извѣстная натяжка, извѣстная напряженность, — выросшія опять-таки подъ гнетомъ или на дикомъ просторѣ, среди своевольныхъ беззаконій обстановки, то первое, что закрадется въ душу человѣка, тревожимаго ими или всгрѣтившаго отпоръ имъ въ общежитіи, будетъ конечно, сомнѣніе, но еще не истинно-разумное сомнѣніе въ законности произвола личности, а только сомнѣніе въ силѣ личности, въ средствахъ ея [*Дн. Григорьевъ* ¹⁾]. Соч. т. I]. 2) По мнѣнію *И. Лажешина*, Арбенинъ списанъ не съ дѣйствительнаго міра, а съ даровитаго актера въ разныхъ роляхъ: то вы видите въ немъ Чацкаго, то Кина, то Гамлета, то Отелло. Арбенинъ сначала

¹⁾ Заглавія сочиненій критической литературы приводятся въ текстъ въ сокращеніи; подробнѣе см. «Перечень произведеній», гдѣ, подъ рубрикой «Лермонтовъ», данъ сводъ источниковъ для изученія произведеній поэта.

является холоднымъ резонеромъ; онъ съ холодною проникательностью замѣчаетъ пороки общества; съ спокойной стойкостью обыгрываетъ онъ шулеровъ, возвращаетъ князю Звѣздичу всѣ деньги, которыя тотъ проигралъ этимъ игрокамъ-ремесленникамъ; уклоняется отъ всякой благодарности, зато потомъ, по подозрѣніямъ въ волокитствѣ князя за его женою, хочетъ убить его соннаго, и только потому не исполняетъ этого намѣренія, что считаетъ такую смерть слишкомъ легкимъ мщеніемъ; коварно затащивъ Звѣздича въ игорный домъ, обыгрываетъ его, вдобавокъ даетъ пощечину и отказывается отъ поединка; отравляетъ ядомъ свою жену, подозрѣваемую въ измѣнѣ; жестоко издѣвается надъ ея предсмертными муками и съ какимъ-то адскимъ спокойствіемъ даетъ ей такъ умереть, не трогаясь ни простодушными жалобами, ни мольбами, ни угрозами суда Божія. Рядомъ съ той комнатою, гдѣ лежитъ прахъ несчастной жертвы людского безумія, разврата и злобы, происходитъ самая оскорбительная комическая сцена. Наконецъ, является князь съ какимъ-то неизвѣстнымъ, который нѣкогда былъ обыгранъ Арбенинымъ и который, какими-то тайными, ему только извѣстными средствами, устроилъ всю эту трагедію. Если бы ихъ сложить обоихъ, то они бы составили нѣчто въ родѣ «Сильвіо» Пушкина, только пониже.—Они обличаютъ Арбенина въ отравленіи жены, открываютъ искренность и чистоту ея; и—онъ сходитъ съ ума! Впрочемъ, надо признаться, что образъ Арбенина, несмотря на всю преувеличенность и неестественное сочетание несогласныхъ чертъ въ лицѣ его, есть самый полный изъ всѣхъ лицъ».

«Не ясно ли послѣ этого, что всѣ произведенія Лермонтова составляютъ развитіе личной его думы? Эта дума болѣе или менѣе отражается почти во всемъ, что онъ создалъ или произвелъ. Намъ скажутъ: поэтъ изображалъ людей своего вѣка, изображалъ для того, чтобъ дать живой интересъ своимъ произведеніямъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, рѣзкій урокъ современному обществу; но, къ сожалѣнію, онъ достигъ первой цѣли чисто насчетъ второй; потому-то поэтъ, дѣйствуя подъ вліяніемъ вѣка, или, по крайней мѣрѣ, подъ вліяніемъ той идеи, которую онъ создалъ себѣ о своемъ вѣкѣ, далъ этимъ представителямъ страстей, эгоизма, холоднаго презрѣнія къ добру и равнодушія къ злу и бѣдствіямъ людей какую-то нравственную силу и очарованіе; а тѣ лица, которыя должны бы проливать въ душу теплоту утѣшительную, или оставлять трогательное воспоминаніе, всегда остаются у него на дальнемъ планѣ, въ тѣни, и трогаются только на минуту; оттого, что въ нихъ нѣтъ нравственной силы, они гибнутъ безъ борьбы; такъ Леила въ «Хаджи Абрекѣ», Зара въ «Измаилъ-Бекѣ», Нина въ «Маскарадѣ».

3) Арбенинъ «игрокъ и плутъ», но только образумившійся, и нашедшій въ семейномъ счастіи еще нетронутый уголокъ, гдѣ можетъ прожить остатокъ своихъ дней спокойно и внѣшнимъ образомъ честно». А. «полюбилъ свою жену со страстью дикаго человѣка. Онъ, дѣйствительно, дикій человѣкъ, но не въ смыслѣ непосредственнаго дикаря, а дикаря цивилизованнаго, который способенъ на всѣ гадости, не по наивности, а по равнодушію или презрѣнію ко всему, что его окружаетъ. А. игрокъ, кутила, но, конечно, не низкаго пошиба. Онъ «звѣрь» и настоящій «чортъ», какъ его аттестуетъ одинъ изъ его пріятелей по игрѣ. Онъ извергъ и холодный мучитель, съ этимъ и самъ А. согласенъ...» ...«Передъ нами какая-то загадочная личность, стоящая, впрочемъ, не одиноко въ ряду другихъ лермонтовскихъ типовъ. Типъ А. логически выведенъ изъ тѣхъ посылокъ, какія даны Лермонтовымъ въ его прежнихъ поэмахъ, повѣстяхъ и драмахъ». «Лермонтовъ постепенно разочаровывалъ своихъ героевъ во всемъ: Волина—въ семьѣ, Арбенина [«Станный человѣкъ»]—въ семьѣ и дружбѣ, Радина—въ семьѣ дружбѣ и любви; у Вадима онъ отнялъ свободу, у Измаила—родину и вѣру. Такимъ образомъ, типъ, который легъ въ основаніе всѣхъ этихъ разочарованныхъ и обманутыхъ людей, естественно долженъ былъ дойти до тѣхъ степеней отрицанія всѣхъ чувствъ въ мірѣ, до какихъ дошелъ Арбенинъ, герой «Маскарада». Онъ долженъ былъ выродиться въ самаго страшнаго и индифферентнаго эгоиста. —Поставленный внѣ всякихъ духовныхъ свя-

зей съ обществомъ, человѣкъ съ бурными страстями, А. долженъ былъ все же хоть куда нибудь приложить тотъ запасъ силъ физическихъ и духовныхъ, какими его одарила природа». «Онъ долженъ былъ искать какого-нибудь поля дѣятельности и нашелъ его въ игрѣ, т. е. въ постоянномъ рискѣ, который шекоталъ его нервы. Волненіе ему было необходимо и ему было все равно, гдѣ и при какихъ условіяхъ онъ могъ найти его. Но прошло и это время: «тѣ дни блаженные прошли! Я вижу все насквозь, всё тонкости ихъ знаю, и вотъ зачѣмъ я нынче не играю». А. могъ сказать это не только объ одной игрѣ. Такое состояніе душевнаго «безочарованія» почти не поддается анализу—такъ оно туманно».——«Какъ въ «Демонѣ» Л. создалъ символическій типъ, такъ и въ «Маскарадѣ» онъ незамѣтно для самого себя перешелъ за границы дѣйствительнаго міра и, вмѣсто живого человѣка, создалъ снова какой-то полу-фантастическій образъ; одѣлъ своего Демона въ модный фракъ и замѣнилъ сказочную обстановку игорными домами и баломъ. Въ своихъ желаніяхъ А. туманенъ, какъ Демонъ. Злоба приводитъ его къ преступленію; дружба и любовь сведены либо къ расчету, либо къ празднои забавѣ. Онъ испыталъ «всѣ сладости порока и злодѣйства», и не осталось ни одного чувства, за которое этотъ человѣкъ могъ бы ухватиться, которое могло бы убѣдить его, что еще стоитъ жить на свѣтѣ. Какъ видимъ, настроеніе совсѣмъ сходное съ настроеніемъ Демона до его встрѣчи съ Тамарой. Въ этой любви заключено все эгоистическое счастье Арбенина. Съ ея исчезновеніемъ исчезаетъ и послѣдняя нить, привязывавшая этого человѣка къ жизни».——«Лермонтовъ, вѣрный своей привычкѣ отнимать у своихъ героевъ одно за другимъ всѣ чувства, за которыя душа цѣпляется въ борьбѣ съ жизнью, отнялъ и у Арбенина послѣдній смыслъ его существованія, а именно—его любовь».——«Типъ Арбенина долженъ былъ показать Лермонтову, что идти дальше въ этомъ направленіи некуда, что, несмотря на реальную обстановку, какой поэтъ началъ окружать своего героя, самъ герой сталъ кристаллизироваться и застывать въ не реальныхъ очертаніяхъ». Въ Арбенинѣ, по мнѣнію критика-біографа Л., «вѣкъ не отразился, отразился только самъ Лермонтовъ съ его тогдашнимъ неяснымъ состояніемъ духа, съ его творческой усталостью». [*Н. Котляревскій*. Лермонтовъ].

Бѣла (*«Герой нашего времени»*).—Дѣвушка лѣтъ шестнадцати, дочь стараго мирнаго князя. «Высокая тоненькая, глаза черные какъ у горной серны»; эти глаза, по словамъ Максима Максимыча, «такъ и заглядывали вамъ въ душу». Въ первое время пребыванія въ крѣпости у Печорина, сидѣла въ углу, закутавшись въ покрывало, не говорила и смотрѣла «пугливо какъ дикая серна», «молча и гордо отталкивала подарки» Печорина; мало-по-малу пріучилась на него смотрѣть, сначала исподлобья, искоса, и все грустила, напѣвала свои пѣсни вполголоса». Позднѣе призналась, что «съ того дня, какъ увидѣла Печорина, онъ часто грезился ей во снѣ, и что ни одинъ мужчина никогда не производилъ на нее такого впечатлѣнія», но долго «мучила его». «Дьяволь, а не женщина!» отзывался о Б. Печоринъ. На вопросъ Печорина: «развѣ ты любишь какого-нибудь чеченца? Если такъ я тебя сейчасъ отпущу домой», она «содрогнулась и чуть замѣтно покачала головой». Или, продолжалъ онъ, я тебѣ совершенно ненавистенъ?—Она вздохнула.—Или твоя вѣра запрещаетъ тебѣ полюбить меня? Она поблѣднѣла и молчала. Когда П. сказалъ ей, что Аллахъ для всѣхъ племенъ одинъ и тотъ же, и если онъ не запрещаетъ ему, Печорину, любить Бѣлу, то отчего же онъ можетъ запретить ей платить взаимностью, Бѣла посмотрѣла «пристально въ лицо» Печорину, какъ будто пораженная этой новой мыслью; въ глазахъ ея выразилась недовѣрчивость и желаніе убѣдиться». Въ отвѣтъ на вопросъ, станетъ ли Бѣла веселѣе, она задумалась, не спуская съ Печорина «черныхъ глазъ своихъ; потомъ улыбнулась ласково и кивнула головой въ знакъ согласія. Онъ взялъ ея руку и сталъ ее уговаривать, чтобъ она его поцѣловала; она слабо защищалась и только по-

вторяла: «поджалуста, поджалуста, не нада, не нада». Когда же «онъ сталъ настаивать; она задрожала, заплакала.—Я твоя плѣнница, говорила она: твоя раба; конечно, ты можешь меня принудить,—и опять слезы». Подарки, которыя накупилъ для нея Печоринъ, «подѣйствовали наполовину: она стала ласковѣе, до-вѣрчивѣе, да и только.—Бѣла! сказалъ ей Печоринъ, ты знаешь, какъ я тебя люблю. Я рѣшилъ тебя увести, думая, что ты, когда узнаешь меня, полюбишь; я ошибся:—прощай! оставайся полной хозяйкой всего, что я имѣю; если хочешь, вернись къ отцу,—ты свободна. Я виноватъ передъ тобой и долженъ наказать себя; прощай, я ѣду—куда? почему я знаю! Авось недолго буду гоняться за пулей или ударомъ шашки: тогда вспомни обо мнѣ и прости меня».—Онъ отвернулся и подаль ей руку на прощанье. Она не взяла руки, молчала. Смертельная блѣдность покрыла это милое личико, потомъ векочила, зарыдала и бросилась ему на шею». Когда Максимъ Максимовичъ допытывался о причинѣ ея тоски, она молчала. Случалось по цѣлымъ днямъ, кромѣ «да» да „нѣтъ“ отъ нея ничего больше нельзя было добиться. «О чемъ ты вздохнула, Бѣла? ты печальна»?—Нѣтъ.—«Тебѣ чего нибудь хочется»?—Нѣтъ. «Ты тоскуешь по роднымъ»?—У меня нѣтъ родныхъ.—Вѣсть о смерти отца (убитаго Казбичемъ) Б. встрѣтила твердо: «дня два поплакала, а потомъ забыла», но, когда Печоринъ ушелъ съ утра на охоту и не возвращался къ вечеру домой, она «цѣлый день думала, думала», придумывала разныя несчастья: «то, казалось Бѣлѣ, его ранилъ дикій кабанъ, то чеченецъ утащилъ въ горы». Мысль о томъ, что Печоринъ сталъ уходить изъ дома, п. ч. разлюбилъ ее, приводила ее въ ужасъ; она замѣтно начинала сохнуть, личико ея вытянулось, большіе глаза потускнѣли, она даже плакать перестала и «съ гордостью подняла голову». «Если онъ меня не любить, то кто ему мѣшаетъ отослать меня домой? Я его не принуждаю. А если это такъ будетъ продолжаться, то я сама уйду: я не раба его, я княжеская дочь!» На увѣщанія Максима Максимыча не грустить, потому что грустью Б. только скорѣе наскучитъ Печорину, отвѣчала: «Правда, правда! я буду весела». «И съ хохотомъ схватила свой бубенъ, начала пѣть, плясать и прыгать»... Но не надолго: «опять упала на постель, и закрыла лицо руками». Печорину она и вида не показала своей грусти: «бросилась ему на шею и ни одной жалобы, не одного упрека за долгое отсутствіе».—Раненая кинжаломъ Казбича въ спину, она чувствовала, что умереть. Какъ ни мучилъ ее лѣкаръ припарками и микстурой, «она была тиха, молчалива и послушна»; «ей не хотѣлось умирать. На утѣшенія и обѣщанія «вылѣчить ее непременно», Б. покачала головою и отвернулась къ стѣнѣ. Въ бреду она «говорила несвязныя рѣчи объ отцѣ, братѣ; ей хотѣлось въ горы, домой». Придя въ сознаніе, она думала только о Печоринѣ, печалились о томъ, что она не христіанка, и что на томъ свѣтѣ душа ея никогда не встрѣтится съ душою Григорія Александровича, и что иная женщина будетъ въ раю его подругой. На предложеніе Максима Максимовича «окреститься», Б. посмотрѣла на него «въ нерѣшимости» и долго не могла слова вымолвить; наконецъ, отвѣтила, что умереть въ той вѣрѣ въ какой родилась. «Б. ужасно мучилась, стонала, а только лишь боль начинала утихать; она старалась увѣрить Печорина, что ей лучше, уговаривала его итти спать, цѣловала его руку, не выпускала ея изъ своихъ. Почувствовавъ «тоску смерти», она попросила Печорина, «чтобы онъ ее поцѣловалъ». И когда, «онъ сталъ на колѣни возлѣ кровати», «она крѣпко обвила его шею дрожащими руками, будто въ этомъ поцѣлуѣ хотѣла передать ему свою душу».

Критика: 1) «И съ какимъ безконечнымъ искусствомъ обрисованъ граціозный образъ плѣнительной черкешенки! Она говоритъ и дѣйствуетъ такъ мало, а вы живо видите ее передъ глазами во всей опредѣленности живого существа, читаете въ ея сердцѣ, проникаете всѣ изгибы его... «Природа нигдѣ не противорѣчить себѣ, и глубокость чувства, достоинство и граціозность непосредственности такъ же иногда поражаютъ и въ дикой черкешенкѣ, какъ и въ образованной женщинѣ высшаго тона. Есть манеры столь граціозныя, есть слова

столь благоухающія, что одного или одной изъ нихъ достаточно, чтобы обрисовать всего человѣка, выказать наружу все, что кроется внутри его. Не правда ли: слыша это милое, простодушное «поджалуста, не нада, не нада!» вы видите передъ собою эту очаровательную черноокою Бэлу, полудикую дочь вольныхъ ущелій, и васъ такъ обязательно поражаетъ въ ней эта гармонія, эта особенность женственности, которая составляетъ всю прелесть, все очарованіе женщины?.. Бэла, это «одна изъ тѣхъ глубокихъ женскихъ натуръ, которыя полюбятъ мужчину тотчасъ, какъ увидятъ его, но признаются ему въ любви не тотчасъ, отдадутся не скоро, а отдавшись, уже не могутъ принадлежать ни другому ни самимъ себѣ... Поэтъ не говоритъ объ этомъ ни слова, но потому-то онъ и поэтъ, что, не говоря много, даетъ знать все»... [Бѣлинскій. Соч. т. V].

Анализируя отношенія Бэлы къ Печорину тотъ же критикъ замѣчаетъ: «Печоринъ охладѣлъ къ бѣдной Бэлѣ, которая любила его еще больше, но онъ «не знаетъ самъ причины своего охлажденія, хотя и силится найти ее. Да, нѣтъ ничего труднѣе, какъ разбирать языкъ собственныхъ чувствъ, какъ знать самого себя! И объясненія автора для насъ такъ же неудовлетворительны, какъ и для Максима Максимыча, которому онъ ихъ сообщилъ. Можетъ-быть, и тутъ та же причина, и въ отношеніи къ автору и въ отношеніи къ намъ: нѣтъ ничего труднѣе, какъ знать и понимать самихъ себя!... Но тѣмъ не менѣе мы предложимъ и наше рѣшеніе, или, лучше сказать, и наше гаданіе объ этомъ столько же общему, сколько и грустному феномену человѣческаго сердца, который особенно частъ и поразителенъ въ современномъ обществѣ. Въ числѣ причинъ скорого охлажденія Печорина къ Бэлѣ не было ли причиною его и то, что для безсознательнаго, чисто естественнаго, хотя и глубокаго, чувства черкешенки Печоринъ былъ полнымъ удовлетвореніемъ, далеко превосходящимъ самыя дерзкія ея требованія, тогда какъ духъ Печорина не могъ найти своего удовлетворенія въ естественной любви полудикаго существа? Къ тому же, вѣдь, одно наслажденіе далеко еще не составляетъ всѣхъ потребностей любви, а что могла дать Печорину любовь, кромѣ наслажденія? О чемъ могъ онъ говорить съ нею? что оставалось для него въ ней неразгаданнаго? Для любви нужно разумное содержаніе, какъ масло для поддержки огня: любовь есть гармоническое сліяніе двухъ родственныхъ натуръ въ чувство безконечнаго. Въ любви Бэлы была сила, но не могло быть безконечности; сидѣть съ глаза на глазъ съ возлюбленнымъ, ласкаться къ нему, принимать его ласки, предугадывать и ловить его желанія, млѣть отъ его лобзаній, замирать въ его объятіяхъ—вотъ все, чего требовала душа Бэлы; при такой жизни и вѣчность показалась бы для нея мгновеніемъ. Но Печорина такая жизнь могла увлечь не больше, какъ на четыре мѣсяца, и еще надо удивляться силѣ его любви къ Бэлѣ, если она была такъ продолжительна. Сильная потребность любви часто принимается за самую любовь, если представится предметъ, на который она можетъ устремиться; препятствія превращаютъ ее въ страсть, а удовлетвореніе уничтожаетъ. Любовь Бэлы была для Печорина полнымъ бокаломъ сладкаго напитка, который онъ и выпилъ заразъ, не оставивъ въ немъ ни капли; а душа его требовала не бокала, а океана, изъ котораго можно ежеминутно черпать, не уменьшая его»... [Бѣлинскій. Соч. Т. V]. 2) *Авдѣевъ* сопоставляетъ трехъ героинь «Героя нашего времени: Бэлу, Вѣру и княжну Мери. См. ниже: Вѣра и Мери.

Вернеръ („Герой нашего времени“).—Докторъ; хотя «его имя Вернеръ, но онъ русскій». Когда-то «имѣлъ практику въ Москвѣ». «Его наружность была изъ тѣхъ, которыя съ перваго взгляда поражаютъ непріятно, но которыя нравятся впоследствии, когда глазъ выучится читать въ неправильныхъ чертахъ отпечатокъ души испытанной и высокой». «Вернеръ былъ малъ ростомъ и худъ и слабъ, какъ ребенокъ; одна нога была у него короче другой, какъ у Байрона; въ сравненіи съ туловищемъ, голова его казалась огромна: онъ стригъ волосы подъ гребенку, и неровности его черепа, обнаженныя такимъ образомъ, пора-

зили бы френолога страннымъ сплетеніемъ противоположныхъ наклонностей. Его маленькіе черные глаза, всегда безпокойные, старались проникнуть въ ваши мысли. Въ его одеждѣ замѣтны были вкусъ и опрятность; его худощавыя, жилистые и маленькія руки красовались въ свѣтло-желтыхъ перчаткахъ. Его сюртукъ, галстукъ и жилетъ были постоянно чернаго цвѣта». — Вернеръ «страстно любилъ женщинъ». Онъ какъ-то сравнилъ ихъ съ заколдованнымъ лѣсомъ, о которомъ рассказываетъ Тассъ въ своемъ «Освобожденномъ Іерусалимѣ». «Только приступи», говорилъ Вернеръ, «на тебя полетятъ со всѣхъ сторонъ такіе страхи, что Боже упаси: долгъ, гордость, приличіе, общее мнѣніе, насмѣшка, презрѣніе... Надо только не смотрѣть, а итти прямо; мало-по-малу чудовища исчезаютъ, и открывается предъ тобой тихая и свѣтлая поляна, среди которой цвѣтетъ зеленый миртъ. За то бѣда, если на первыхъ шагахъ сердце дрогнетъ и обернешься назадъ!» Однако, предостерегаетъ Печорина «быть осторожнѣе» съ княжной. — «...Есть случаи, сказалъ Вернеръ хитро улыбаясь, въ которыхъ благородный человѣкъ обязанъ жениться, и есть маменьки, которыя, по крайней мѣрѣ, не предупреждаютъ этихъ случаевъ»... На водахъ «преопасный воздухъ»: даже Вернера хотѣли женить. «Именно, одна уѣздная маменька, у которой дочь была очень блѣдна». Вернеръ, какъ докторъ, «имѣлъ несчастіе сказать ей, что цвѣтъ лица возвратится послѣ свадьбы». Тогда ему «со слезами благодарности» были предложены рука дочери и «пятьдесятъ душъ». Онъ отвѣтилъ, что «къ этому неспособенъ». — Молодежь прозвала его Мефистофилемъ; «онъ показывалъ видъ, будто сердился за это прозваніе, но въ самомъ дѣлѣ оно льстило его самолюбію». «Вернеръ человѣкъ замѣчательный по многимъ причинамъ. Онъ скептикъ и матеріалистъ», «убѣжденъ только въ одномъ, что рано, или поздно, въ одно прекрасное время умретъ». Вмѣстѣ съ этимъ Вернеръ «поэтъ—и не на шутку: поэтъ на дѣлѣ, всегда и часто на словахъ, хотя въ жизнь свою не написалъ двухъ стиховъ. Онъ изучалъ всѣ живыя струны сердца человѣческаго, какъ изучаютъ жилы трупа, но никогда не умѣлъ онъ воспользоваться своимъ знаніемъ: такъ иногда отличный анатомикъ не умѣетъ вылѣчить отъ лихорадки! Обыкновенно Вернеръ исподтишка насмѣхался надъ своими больными»; но онъ же «плакалъ надъ умирающимъ солдатомъ»... «Онъ былъ бѣденъ, мечталъ о милліонахъ, а для денегъ не сдѣлалъ бы лишняго шага»: онъ, по собственнымъ словамъ, «скорѣе сдѣлаетъ одолженіе врагу, чѣмъ другу, потому-что это значило бы продавать свою благотворительность, тогда какъ ненависть только усилится соразмѣрно великодушію противника». У него злой языкъ:—«я васъ не поздравляю», сказалъ Вернеръ Грушницкому, только что произведенному въ офицеры. «Отчего?»—«Оттого, что солдатская шинель къ вамъ очень идетъ»... «Видите-ли, вы до сихъ поръ были исключеньемъ, а теперь подойдете подъ общее правило». Подъ вывѣскою эпиграммы Вернера «не одинъ добрякъ прослылъ пошлымъ дуракомъ; его соперники, завистливые водяные медики, распустили слухъ, будто онъ рисуетъ карикатуры на своихъ больныхъ,—больные взбѣленились, почти всѣ ему отказали. Его пріятели, то-есть, всѣ истинно порядочные люди, служившіе на Кавказѣ, напрасно старались возстановить его упавшій кредитъ». Въ числѣ этихъ пріятелей былъ и Печоринъ. — Вернеръ и Печоринъ встрѣтились въ первый разъ въ С... среди многочисленнаго и шумнаго круга молодежи. Среди философско-метафизическаго разговора, оба сказали какой-то «вздоръ», и оба сознали, «что никто ничего умнѣе не сказалъ. Они сразу «отличили въ голѣ другъ друга»; въ Пятигорскѣ они «часто сходились вмѣстѣ и толковали вдвоемъ объ отвлеченныхъ предметахъ очень серьезно, пока не замѣчали оба, что взаимно морочатъ другъ друга». Тогда оба «начинали хохотать и, нахохотавшись, расходились довольные своимъ вечеромъ». Въ «галиматѣй» Печорина Вернеръ открывалъ «идеи», Печоринъ убѣждался, что имъ вдвоемъ нельзя разговаривать: «они читали въ душѣ другъ у друга». — Секундантъ Печорина на дуэли съ Грушницкимъ, Вернеръ долго не могъ разгадать «тайны» Печорина. Послѣдній принималъ условія дуэли на шести шагахъ, несмотря на предупрежденіе Вер-

562806

нера, что «секунданты противника хотятъ зарядить пулею одинъ пистолеть Грушницкаго». Для Вернера «это было немножко похоже на убійство, но въ военное время, и особенно въ азиатской войнѣ, хитрости позволяютъ». Передъ дуэлью Вернеръ былъ печаленъ.—«Послушайте, сказалъ онъ Печорину съ явнымъ безпокойствомъ, вы вѣрно забыли про ихъ заговоръ?.. Я не умѣю зарядить пистолета, но въ этомъ случаѣ...»—Онъ называетъ Печорина «страннымъ челоувкомъ» и прибавляетъ:—«Что за охота! Подстрѣлятъ васъ, какъ птицу.»—Я вамъ удивляюсь, сказалъ Вернеръ и крѣпко пожалъ руку Печорину, когда они взбирались на узенькую площадку.—Передъ самымъ выстрѣломъ Вернеръ, «давшій слово не мѣшать», дернулъ за рукавъ Печорина и шепнулъ: «пора!»—«Посмотрите, онъ ужъ заряжаетъ... если вы ничего не скажете, то я самъ...»—«Какое вамъ дѣло? Можетъ быть, я хочу быть убитъ»... отвѣтилъ Печоринъ. Вернеръ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.—«О, это другое!.. только на томъ свѣтѣ не жалуйтесь...»—Послѣ перваго выстрѣла «бѣдный докторъ» былъ блѣднѣ Грушницкаго, «когда тотъ цѣлилъ» Печорину въ лобъ. «*Finita la comedia*», сказалъ Печоринъ, когда все было кончено, но Вернеръ ничего «не отвѣчалъ и съ ужасомъ отвернулся». Въ запискѣ Печорину онъ писалъ: «Все устроено какъ можно лучше»... Доказательствъ противъ васъ нѣтъ никакихъ, и вы можете спать спокойно... если можете»... Когда Вернеръ пришелъ къ Печорину «предупредить его», «лобъ у него былъ нахмуренъ противъ обыкновенія». Онъ не протянулъ руки.—«Прощайте. Можетъ быть, васъ ушлютъ куда нибудь». Онъ на порогѣ остановился и—вышелъ.

Критика: «Въ беллетрическомъ смыслѣ, это лицо превосходно, но въ художественномъ довольно блѣдно. Мы больше видимъ, что хотѣлъ сдѣлать изъ него поэтъ, нежели что онъ сдѣлалъ изъ него въ самомъ дѣлѣ». [*Бѣлинскій. Соч. Т. V*].

Вѣра, Г—ва («*Герой нашего времени*»).—Родственница княгини Лиговской по мужу. Единственная женщина, которая, по словамъ Печорина, «поняла его совершенно», воспоминаніе о которой «останется навсегда неприкосновеннымъ въ его душѣ». По отзыву Вернера, «хорошенькая средняго роста блондинка, съ правильными чертами, цвѣтъ лица чахоточный, а на правой щекѣ черная родинка». Лицо Вѣры поражало «своею выразительностью». Она «очень больна, хотя въ этомъ не признается»; Печоринъ боялся, чтобы не было у нея чахотки, или той болѣзни, которую называютъ «*viegre lente*».—Онъ любилъ Вѣру «ветарину». Вышла замужъ вторично «для сына» за хромого старичка, котораго «уважаетъ какъ отца» и пріѣхала съ мужемъ на кавказскія воды.—Встрѣчѣ съ Печоринымъ Вѣра не удивилась.—«Я знала, что вы здѣсь», сказала она и «посмотрѣла ему въ глаза своими глубокими и спокойными глазами: въ нихъ выражалась недовѣрчивость и что-то похожее на упрекъ».—«Мы давно не видались», сказалъ я, (т. е. Печоринъ).—«Давно, и перемѣнились оба во многомъ! «Стало-быть, ужъ ты меня не любишь?..»—Я замужемъ!..—сказала она. «Опять? Однако, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, эта причина также существовала, но между тѣмъ...» Она выдернула свою руку изъ моей, и щеки ея запылали.—«Можетъ-быть, ты любишь своего второго мужа?..» Она не отвѣчала и отвернулась.—«Или онъ очень ревнивъ?» Молчаніе. «Что-жь? Онъ молодъ, хорошъ, особенно, вѣрно, богатъ, и ты боишься...» Я взглянулъ на нее и испугался: ея лицо выражало глубокое отчаяніе, на глазахъ сверкали слезы.—«Скажи мнѣ,—наконецъ, прошептала она,—тебѣ очень весело меня мучить? Я бы тебя должна ненавидѣть. Съ тѣхъ поръ, какъ мы знаемъ другъ друга, ты ничего мнѣ не далъ, кромѣ страданій... Ея голосъ задрожалъ, она склонилась ко мнѣ и опустила голову на грудь мою.»—«Небу было угодно испытать ее вторично», и Вѣра «не вынесла этого испытанія; ея «слабое сердце покорилося снова знакомому голосу». Она «не заставляла» Печорина «клясться въ вѣрности, не спрашивала любилъ ли» онъ «другихъ, съ тѣхъ поръ», какъ

они разстались. «Она ввѣрилась» Печорину «снова съ прежней безпечною.— «Ты не будешь презирать меня за это, не правда ли?» позднѣе задаетъ вопросъ Вѣра. Любовь къ нему «срослась съ ея душой; «она потемнѣла, но не угасла»; «любовь ея жертва собою» «истинно несчастливому» Печорину.—«Ты увѣренъ, что я твоя раба, я никогда не умѣла тебѣ противиться». Она знаетъ, что за это «будетъ наказана: «ты меня разлюбишь». Но она хочетъ», по крайней мѣрѣ, «сберечь свою репутацію». Печоринъ долженъ познакомиться, съ Лиговскими и, и ухаживая за княжной Мери, отвлечь вниманіе отъ Вѣры; она не желаетъ знакомить его со своимъ мужемъ. «—Никто тебя не видалъ?»—первый вопросъ Вѣры, когда Печоринъ ночью прокрался въ ея домъ. — Она проситъ Печорина не мучить ее по прежнему пустыми сомнѣніями и притворной холодностью:— «Я, можетъ быть, скоро умру—говоритъ Вѣра,—я чувствую, что слабѣю со дня на день... и, несмотря на это, я не могу думать о будущей жизни; я думаю только о тебѣ... Вы, мужчины, не понимаете наслажденій взора, пожатія руки... а я, клянусь тебѣ, я прислушиваясь къ твоему голосу, чувствую такое глубокое, странное блаженство, что самые жаркіе поцѣлуи не могутъ замѣнить его.»— «Печоринъ, по ея словамъ, все можетъ, все, что хочетъ». Въ его природѣ есть что-то особенное, одному ему свойственное», что-то гордое и таинственное, «въ его голосѣ власть непобѣдимая...»—«Глубокая грусть изобразилась на болѣзненномъ лицѣ Вѣры, когда она замѣтила то «напряженное, даже нѣжное вниманіе», съ какимъ княжна Мери слушала Печорина. Но стоило ему тутъ-же рассказать драматическую, подъ вымышленными именами, исторію всего знакомства съ Вѣрой, изобразить свою любовь, восторги, безпокойство за нее, какъ Вѣра простила ему «зочетство съ княжной». Наединѣ она мучила его «ревностью, упреками, жалобами. Она требовала, чтобъ онъ ей «во всемъ повинился», говорила, что съ «покорностью перенесетъ его измѣну, потому-что хочетъ единственно его счастья». И, успокоенная его клятвами, спрашивала:—Такъ, ты не женишься на Мери? Ты не любишь ее? А она думаетъ... знаешь ли она влюблена въ тебя до безумія, бѣдняжка!»—Узнавъ отъ мужа о дуэли Печорина съ Грушницкимъ, Вѣра «едва не упала безъ памяти при мысли», что Печоринъ долженъ драться, и «что она этому причиной». «Мнѣ казалось», пишетъ Вѣра, въ прощальномъ письмѣ-исповѣди, «что я сойду съ ума». «Мой мужъ, продолжаетъ она, долго ходилъ по комнатѣ. Я не знаю, что онъ мнѣ говорилъ, не помню, что я ему отвѣчала... вѣрно я ему сказала, что я тебя люблю. Помню, только, что, подъ конецъ нашего разговора, онъ оскорбилъ меня ужаснымъ словомъ и вышелъ. Я слышала, какъ онъ велѣлъ закладывать карету»... «Вотъ ужъ три часа, какъ я сижу у окна и жду твоего возврата... Но ты живъ, ты не можешь умереть!.. Карета почти готова... Прощай, прощай... Я погибла,—но что за нужда? Если-бъ я могла быть увѣрена, что ты всегда меня будешь помнить,—не говорю ужъ любить,—нѣтъ, только помнить... Прощай; идуть... я должна спрятать письмо»... Она увѣрена, что причина ея отъѣзда, покажется Печорину «маловажной», «потому-что касается до нея одной; по ея признанью, она все надѣялась, что Печоринъ «когда нибудь оцѣнитъ» эту жертву, «пойметъ ея «глубокую нѣжность, не зависящую ни отъ какихъ условій». Разставаясь «съ Печоринымъ навѣки», Вѣра убѣдилась, что то была «надежда напрасная», она поняла всѣ «тайны души» Печорина. Она ни въ чемъ его не обвиняетъ: онъ поступилъ такъ съ ней, «какъ поступилъ-бы всякій другой мужчина: «Ты любилъ меня какъ собственность, какъ источникъ радостей, тревогъ и печалей, смѣнявшихся взаимно, безъ которыхъ жизнь скучна и однообразна». Вѣра поняла это «сначала». Но Печоринъ былъ «несчастливъ и она пожертвовала собою». «Душа ея истощила на Печорина всѣ свои сокровища, свои слезы и надежды» и «никогда не будетъ любить другого». «Любившая разъ тебя не можетъ смотрѣть безъ нѣкотораго презрѣнія на другихъ мужчинъ не потому, чтобы ты былъ лучше ихъ, о, нѣтъ!..» ——Послѣдній ея вопросъ и просьба къ Печорину: «Не правда-ли, ты не любишь Мери? ты не женишься на ней?»—

Послушай, ты долженъ мнѣ принести эту жертву: «я для тебя потеряла все на свѣтѣ...»

Критика: По мнѣнію Бѣлинскаго, въ повѣсти «Княжна Мери» всѣхъ слабѣе обрисованы лица женскія, потому что на нихъ то особенно отразилась субъективность взгляда автора. Лицо Вѣры особенно неуловимо и неопредѣленно. Это скорѣе сатира на женщину, чѣмъ женщина. Только что начинаете вы ею интересоваться и очаровываться, какъ авторъ тотчасъ же и разрушаетъ ваше участіе и очарованіе какою-нибудь совершенно произвольною выходкою. Отношенія ея къ Печорину похожи на загадку. То она кажется вамъ женщиною глубокою, способною къ безграничной любви и преданности, къ героическому самоотверженію; то видите въ ней одну слабость и больше ничего. Особенно ощутителенъ въ ней недостатокъ женственной гордости и чувства своего женственнаго достоинства, которыя не мѣшаютъ женщинѣ любить горячо и беззавѣтно, но которыя едва ли когда допускаютъ истинно-глубокую женщину сносить тиранство любви. Она любитъ Печорина, а въ другой разъ выходитъ замужъ, и еще за старика, слѣдовательно, по расчету, по какому бы то ни было; измѣнивъ для Печорина одному мужу, измѣняетъ и другому, и скорѣе по слабости, чѣмъ по увлеченію чувства. Она обожаетъ въ Печоринѣ его высшую природу, и въ ея обожаніи есть что-то рабское. Вслѣдствіе всего этого она не возбуждаетъ къ себѣ сильнаго участія со стороны автора и, подобно тѣни, прѣскользаетъ въ его воображеніи». [*Бѣлинскій. Соч. т. V.*] 2) «Бѣдная и любящая Вѣра, по словамъ *Авдѣева*, оставлена въ тѣни и слабо обрисована Лермонтовымъ. Причина, по которой она полюбила Печорина, высказанная ею въ прощальной запискѣ къ нему, болѣе уважаема, чѣмъ причина княжны Мери, потому-что болѣе основана на нравственныхъ, нежели наружныхъ качествахъ. Въ этой причинѣ много ошибочнаго, много навязаннаго увлеченіемъ страсти, много, съ хладнокровной точки зрѣнія, вызывающаго улыбку, но въ каждомъ словѣ самой записки видно столько женственности, преданности и искренняго чувства, что мы охотно прощаемъ этой «многой любви» ея заблужденія того времени. По крайней мѣрѣ Вѣра не торговалась со своею страстью. Она ей многимъ пожертвовала и еще большимъ рисковала. Она обманывала своего перваго мужа, обманула и второго. Когда этотъ обманъ открылся впоследствии, она могла потерять не только семейное спокойствіе, но и средства жизни,—хуже того, она могла остаться и остается во власти мужа, который изъ боязни огласки не броситъ ее, за то будетъ весь вѣкъ пилить и попрекать измѣной. Прибавимъ къ этому, что любовь Печорина, по словамъ Вѣры, ничего ей не дала, кромѣ страданій. Но поставимъ эту страстно любящую женщину въ положеніе княжны Мери. Что если-бы Печоринъ внушилъ ей любовь и вздумалъ обнять въ то время, когда она была еще дѣвушкой? Мы увѣрены, что и Вѣра точно также заговорила бы объ оскорбленіи и спросила бы Печорина, когда онъ обратится къ маменькѣ?—какъ это сдѣлала Мери, точно также какъ мы увѣрены, что любовь Мери къ Печорину не помѣшаетъ ей выйти замужъ за другого. Вѣдь не помѣшала же Вѣрѣ эта любовь, да еще страстная, выйти замужъ во второй разъ, хотя, какъ она выражается, женщина, полюбившая Печорина, не можетъ безъ нѣкотораго презрѣнія смотрѣть на другихъ мужчинъ! Все это показываетъ намъ, что женщины, выведенныя въ романѣ Лермонтова, были обыденныя явленія. Онѣ съ своею любовью напоминаютъ намъ міръ, гдѣ играютъ роль мундиры, помада, интересные мужчины со взоромъ, общающимся пропасть блаженства, міръ, гдѣ свободныя дѣвушки оскорбляются, если имъ нашептываютъ о любви, не предлагая руку и сердце, а любящія женщины обманываютъ мужей, живя на ихъ счетъ и не отказывая другимъ въ ласкахъ; міръ, отъ котораго мы уже, по крайней мѣрѣ въ литературѣ, начали отвекать. Намъ могутъ возразить, что этотъ міръ и доселѣ существуетъ и не только существуетъ, но составляетъ огромное большинство въ такъ называемомъ образо-

ванномъ классѣ. Совершенно справедливо. Но въ наше время уже не толкуютъ про этотъ міръ и эти отношенія. Имъ уже не занимаются, какъ образцовымъ и возбуждающимъ зависть «высшимъ свѣтомъ», и все что можетъ онъ желать для себя лучшаго, чтобы его оставили спокойно забавляться его грошовыми интересами». [М. В. Авдѣевъ. Наше общество].

Грушницкій («Герой нашего времени»).—Юнкеръ. «Онъ только годъ на службѣ». «Находился въ дѣйствующемъ отрядѣ и былъ раненъ въ ногу». «Носить, по особому роду франтовства, толстую солдатскую шинель. У него георгиевскій крестикъ. Онъ хорошо сложенъ, смуглъ и черноволосъ; ему на видъ можно дать двадцать пять лѣтъ, хотя ему едва-ли двадцать одинъ». «Какъ всѣ мальчики», имѣетъ претензію быть старикомъ; онъ думаетъ, что на его лицѣ слѣды глубокіе страстей замѣняютъ отпечатокъ лѣтъ». «Онъ закидываетъ голову назадъ, когда говоритъ, «и поминутно крутитъ усы» и «принимаетъ драматическую позу». «Говоритъ онъ скоро и вычурно: онъ изъ тѣхъ людей, которые на всѣ случаи жизни имѣютъ готовые пышныя фразы» и «закидываетъ словами», какъ скоро разговоръ выходитъ «изъ круга обыкновенныхъ понятій»; «спорить съ нимъ невозможно: онъ отвѣчаетъ на ваши возраженія, онъ васъ не слушаетъ. Только что вы остановитесь, онъ начинаетъ длинную тираду, повидимому, имѣющую какую-то связь съ тѣмъ, что вы сказали, но которая на самомъ дѣлѣ есть только продолженіе его собственной рѣчи». «Онъ довольно остеръ: эпиграммы его часто забавны, но никогда не бываютъ мѣткі и злы: онъ никого не убьетъ однимъ словомъ». Въ минуты когда онъ «сбрасываетъ трагическую мантию», Грушницкій довольно милъ и забавенъ.—Грушницкій принадлежитъ къ тѣмъ людямъ, которыхъ просто-прекрасное не трогаетъ, и которые важно драпируются въ необыкновенныя чувства, возвышенныя страсти и исключительныя страданія». Цѣль Грушницкаго «сдѣлаться героемъ романа». Печоринъ увѣренъ, что, накануне отъѣзда изъ отцовской деревни, Грушницкій «говорилъ съ мрачнымъ видомъ какой-нибудь хорошенькой сосѣдкѣ, что онъ ѣдетъ не такъ, просто, служить, но что ищетъ смерти, потому что... тутъ онъ, важно, закрывъ глаза рукою, продолжаетъ такъ:—нѣтъ, вы (или ты) этого не должны знать. Ваша чистая душа содрогнется! Да и къ чему? поймете-ли вы меня?» Грушницкій самъ признавался Печорину, что причина, побудившая его вступить въ К. полкъ, останется вѣчною тайною между нимъ и небомъ». «Романтическій фанатизмъ», по опредѣленію Печорина, привелъ Грушницкаго на Кавказъ». «Производитъ эффектъ—наслажденіе такихъ людей, какъ Грушницкій; «они нравятся романтическимъ провинціалкамъ до безумія. Подъ старость они дѣлаются либо мирными помѣщиками, либо пьяницами,—иногда тѣмъ и другимъ». «Въ ихъ душѣ много добрыхъ свойствъ, но ни на грошъ поэзіи». Они заняты «цѣлую жизнь однимъ собою». «Грушницкій такъ часто старался увѣрить другихъ въ томъ, что онъ существо не созданное для міра, обреченное какимъ-то тайнымъ страданіемъ, что онъ самъ почти въ этомъ увѣрился. «Оттого-то онъ такъ гордо носитъ свою солдатскую шинель», «печать отверженія», по его словамъ, и желаетъ казаться «разжалованнымъ».—О, эпoletы, эпoletы! ваши звѣздочки—путеводительныя звѣздочки... говоритъ Грушницкій, и чувствуетъ себя совершенно счастливымъ въ офицерскомъ мундирѣ; «самодовольствіе и вмѣстѣ нѣкоторая неувѣренность изображались на его лицѣ». Его страсть декламировать: «Женщины! Женщины!», говоритъ онъ. «Кто ихъ пойметъ? Ихъ улыбки противорѣчатъ взорамъ, ихъ слова обѣщаютъ и манятъ, а самый звукъ голоса отталкиваетъ. То онъ въ минуту постигаютъ и угадываютъ самую потаенную нашу мысль, то не понимаютъ самыхъ ясныхъ намековъ». — «Онъ не знаетъ людей и ихъ слабыхъ струнъ». Печорина онъ дѣлаетъ повѣреннымъ своихъ тайнъ, не замѣчая его смѣха и улыбки.—Собою онъ всегда доволенъ. На вопросъ Печорина относительно его «дѣлъ» съ княжной, онъ «смутился и задумался: ему хотѣлось похвастаться, солгать, и было совѣстно, а вмѣстѣ съ этимъ стыдно признаться въ истинѣ»; Грушницкій, на словахъ,

«озлобленъ противъ всего рода человѣческаго», онъ не желаетъ знакомиться Лиговскими, п. ч. «эта гордая знать» «смотреть на армейцевъ какъ на дикихъ», и ищетъ знакомства съ «приятнымъ домомъ». Онъ гордится своей толстой солдатской шинелью, которой онъ, «быть можетъ, обязанъ вниманьемъ княжны и стыдится этой «презрѣнной» шинели. Онъ считаетъ Печорина своимъ «приятелемъ» и становится во главѣ «враждебной» ему шайки. Слабость характера и самолюбие—главныя черты Грушницкаго.—Грушницкій слыветъ отличнымъ храбрецомъ». По словамъ Печорина, который «видѣлъ его въ дѣлѣ», «это не русская храбрость»: «онъ махаетъ шашкой, кричитъ и бросается впередъ, замуря глаза». Передъ дуэлью съ Печоринымъ «тусклая блѣдность покрывала его щеки»; «во взглядѣ его было какое-то безпокойство, избличавшее внутреннюю борьбу», но она была непродолжительна. Принимаетъ предложеніе Печорина «стрѣляться на смерть»; бросивъ жребій «кому стрѣлять первому», Грушницкій «отвелъ капитана въ сторону и сталъ что-то говорить ему съ большимъ жаромъ»; «посинѣвшіе губы его дрожали», но капитанъ отъ него отвернулся съ презрительной улыбкой.—Ты дуракъ! сказалъ онъ Грушницкому довольно громко: ничего не понимаешь! Отправимесь-ка господа». Онъ принимаетъ отъ секунданта оружіе, зная что въ пистолетѣ Печорина нѣтъ пули и, по данному знаку, «началъ поднимать пистолетъ, цѣля прямо въ лобъ противника». «Вдругъ онъ опустилъ дуло пистолета и, поблѣднѣвъ какъ полотно, повернулся къ своему секунданту.—«Не могу», сказалъ онъ глухимъ голосомъ.—Трусъ! отвѣчалъ капитанъ. Выстрѣлъ раздался. Послѣ заявленія Печорина, что «эти господа, вѣроятно, второпяхъ забыли положить пулю въ пистолетъ», Грушницкій стоялъ, опустивъ голову на грудь, смущенный и мрачный».—Оставь ихъ. Вѣдь, ты знаешь, что они правы, сказалъ онъ капитану.—Стрѣляйте! отвѣтилъ онъ Печорину:—я себя презираю, а васъ не навизу. Если вы меня не убьете, я васъ зарѣжу ночью изъ-за угла. Намъ на землѣ вдвоемъ нѣтъ мѣста».

Критика: По художественному выполненію, это лицо стоитъ Максима Максимыча; подобно ему, это типъ, представитель цѣлаго разряда людей, имя нарицательное. Грушницкій—идеальный молодой человѣкъ, который щеголяетъ своей идеальностью, какъ записные франты щеголяютъ моднымъ платьемъ, а «львы»—ослиною глупостью. Онъ носитъ солдатскую шинель изъ толстаго сукна; у него георгиевскій солдатскій крестикъ. Ему очень хочется, чтобы его считали не юнкеромъ, а разжалованнымъ изъ офицеровъ: онъ находитъ это очень эффектнымъ и интереснымъ. Вообще, «производить эффектъ»—его страсть. Онъ говоритъ вычурными фразами,—словомъ, это одинъ изъ тѣхъ людей, которые особенно плѣняютъ чувствительныхъ, романическихъ и романтическихъ провинціальныхъ барышень, одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ, по прекрасному выраженію автора записокъ, «не трогаетъ просто-прекрасное, и которые важно драпируются въ необыкновенныя чувства, возвышенныя страсти и исключительныя страданія». «Въ ихъ душѣ,—прибавляетъ онъ,—часто много добрыхъ свойствъ, но ни на грошъ поэзіи». Но вотъ самая лучшая и полная характеристика такихъ людей, сдѣланная авторомъ же журнала: «подъ старость они дѣлаются либо мирными помѣщиками, либо пьяницами,—иногда тѣмъ и другимъ». Мы къ этому очерку прибавимъ отъ себя только то, что они страхъ какъ любятъ сочиненія Марлинскаго, и чуть зайдетъ рѣчь о предметахъ сколько-нибудь не житейскихъ, стараются говорить фразами изъ его повѣстей. [*Бѣлинскій. Соч. т. V*].

Демонъ („*Демонъ*“).—«Печальный» и «мрачный», «гордый» и «лукавый», «безпокойный» и «порочный», «адскій духъ»—„духъ изгнанья» и «сомнѣнья». «Вѣнецъ изъ радужныхъ лучей не украшалъ его кудрей». «Онъ былъ похожъ на вечеръ ясный: ни день, ни ночь, ни мракъ, ни свѣтъ». «Онъ былъ могучъ какъ вихоръ шумный, блисталъ какъ молніи струя».——По собствен-

ной характеристикѣ, онъ «тотъ, чей взоръ надежду губить, едва надежда расцвѣтетъ,» «кого никто не любитъ, и все живущее клянеть». Онъ «бичъ рабовъ земныхъ», онъ «царь познанья и свободы», онъ «врагъ небесъ» и «зло природы». — Проклятый Богомъ, «давно отверженный» «прежними друзьями», «изгнанникъ рая», «вольный сынъ эфира», онъ «блуждалъ въ пустыни міра безъ приюта». «Какъ эдемъ» міръ для Демона сталъ глухъ и нѣмъ, «природы жаркія объятія навѣкъ остыли» для него. Кромѣ зависти холодной, «природы блескъ» не возбуждалъ въ груди изгнанника безплотной ни новыхъ чувствъ, ни новыхъ силъ, — и все, что предъ собой онъ видѣлъ онъ презиралъ, или ненавидѣлъ». Онъ позналъ:

... „горькое томленіе
 Всю жизнь, вѣка, безъ раздѣленья
 И наслаждаться, и страдать,—
 За зло похвалъ не ожидать,
 Ни за добро вознагражденья:
 Жить для себя, скучать собой,
 И этой вѣчною борьбой
 Безъ торжества, безъ примиренья,
 Всегда желать, и не желать,
 Все знать, все чувствовать, все видѣть,
 Стараться все возненавидѣть,
 И все на свѣтѣ презирать!..“

«Ничтожной властвуя землей,» „гдѣ нѣтъ ни истиннаго счастья, ни долговѣчной красоты, гдѣ преступленья лишь да казни, гдѣ страсти мелкой только жить, гдѣ не умѣютъ безъ боязни ни ненавидѣть, ни любить», онъ сѣялъ зло безъ наслажденья, нигдѣ искусству своему онъ не встрѣчалъ сопротивленья, — «и зло наскучило ему». И онъ «людьми не долго правилъ, грѣху не долго ихъ училъ, все благородное безславилъ и все прекрасное хулилъ»; «пламень чистой вѣры легко навѣкъ» онъ залилъ въ нихъ...» Демонъ скрылся «въ ущельяхъ горъ и сталъ бродить, какъ метеоръ, во мракѣ полночи глубокой...», предаваясь злобѣ. «Но злобы мрачныя забавы не долго нравились» ему. Онъ одного желалъ: «въ толпѣ стихій мятежной сердечный ропотъ заглушить, спастись отъ думы неизбежной, и незабвенное забыть!» «Забвенья не далъ Богъ, да онъ и не взялъ-бы забвенья». — При видѣ Тамары Демонъ вспомнилъ, о «прежнемъ счастьѣ» «прежнихъ братій». «Неизъяснимое волненіе» въ себѣ почувствовалъ онъ вдругъ. Онъ «тайно вдругъ возненавидѣлъ безсмертіе и власть» свою. Онъ «позавидовалъ невольно неполной радости земной», «въ безкровномъ сердцѣ лучъ нежданной опять затеплился живѣй, и грусть на днѣ старинной раны зашевелилася какъ змѣй»... Нѣмой души его пустыню наполнилъ благодатный звукъ, и вновь постигнулъ онъ святыню любви, добра и красоты». «Прикованный незримой силой», „онъ съ новой грустью сталъ знакомъ, въ немъ чувство вдругъ заговорило роднымъ когда-то языкомъ». «Мечтой коварной» Демонъ возмутилъ князя Синодала; „мечтой пророческой и странной“ онъ смутилъ «мысли» Тамары. «Тоску любви, ея волненья постигнулъ Демонъ въ первый разъ». Тamarъ принесъ онъ «въ умиленьи молитву тихую любви», «земное первое мученіе» и «слезы первыя». «Онъ все бывшее бросилъ въ прахъ». По увѣренію Демона, Тамара «добру и небесамъ» возвратитъ его «могла бы словомъ: любви святымъ покровомъ одѣтый», онъ предсталъ бы тамъ, «какъ новый ангелъ въ блескѣ новомъ». Онъ полюбилъ Тамару «не здѣшней страстью», «всѣмъ упоенъ, всю властью безсмертной мысли и мечты».

Въ душѣ моей съ начала міра
 Твой образъ былъ напечатлѣнъ,
 Передо мной носился онъ

Въ пустыняхъ вѣчнаго эфира.
 Давно тревожа мысль мою,
 Мнѣ имя сладкое звучало;
 Во дни блаженства мнѣ въ раю
 Одной тебя не доставало.

«Мой рай, мой адъ, въ твоихъ очахъ». «Я рабъ твой, я тебя люблю». «Не жить, какъ ты, мнѣ стало больно, и страшно—розно жить съ тобой». «Въ любви, какъ въ злобѣ» онъ «неизмѣненъ и великъ». Тамарѣ онъ клянется:

Отрекся я отъ старой мести,
 Отрекся я отъ гордыхъ думъ;
 Отнынѣ ядъ коварной лести
 Ничей ужъ не встревожитъ умъ.
 Хочу я съ небомъ примириться,
 Хочу любить, хочу молиться,
 Хочу я вѣровать добру;
 Слезой раскаянья сотру
 Я на челѣ, тебя достойномъ,
 Слѣды небеснаго огня,
 И міръ въ невѣдѣнны покойномъ
 Пусть доцвѣтаетъ безъ меня!

Соблазна полными рѣчами онъ отвѣчалъ ея мольбамъ“. „Смертельный ядъ его лобзанья мгновенно въ грудь ея проникъ“. „И проклялъ Демонъ побѣжденный мечты безумныя свои и вновь остался онъ, надменный, одинъ, какъ прежде во вселенной, безъ упованья и любви!“ И, когда онъ встрѣтился въ „пространствѣ синяго эфира съ душой Тамары,—кто бъ его узналъ?“

Какимъ смотрѣлъ онъ злобнымъ взглядомъ,
 Какъ полонъ былъ смертельнымъ ядомъ
 Вражды, незнающей конца,
 И вѣяло могильнымъ хладомъ
 Отъ неподвижнаго лица...

Критика: 1) «Демонъ—не сатана, а одинъ изъ его подначальныхъ. Сатанинскаго отрицанія въ немъ нѣтъ; онъ служитъ духу тьмы скорѣе изъ разчета, такъ какъ пользуется на его службѣ большей свободой, чѣмъ та, которой бы онъ могъ располагать на небѣ.—Небо ему дорого только какъ воспоминаніе дѣтства. Въ немъ нѣтъ достаточнаго смиренія, чтобы стать ангеломъ, ни достаточно злобы и отрицанія, чтобы стать бѣсомъ. Въ бѣсовской іерархіи онъ стоитъ на довольно скромной ступени—что и позволяетъ ему ощущать чисто-земныя чувства, какъ, напр., любовь и раскаяніе. У него нѣтъ даже ироніи и смѣха, этого безпощаднаго оружія, которымъ надѣленъ каждый бѣсъ, сознающій свою силу. Правда, сила есть у лермонтовскаго Демона, но она—сила физическая. Способность превращенія, произвольнаго перемѣщенія и разрушенія находится въ его власти, но у него нѣтъ способности перерожденія. Онъ—человѣкъ, поступившій въ услуженіе духу тьмы, но не забывшій старыхъ привычекъ. Земля его привлекаетъ, женщина трогаетъ его сердце и потеря этой женщины сердитъ, несмотря на «язвительную улыбку», какой онъ укоряетъ побѣдоноснаго ангела. Мы застаемъ героя поэмы въ минуту, для него очень печальную,—въ минуту наплыва воспоминаній о томъ, какъ онъ жилъ безъ злобы, безъ сомнѣнія, неопытный, но любящій и любимый. Такъ мы живемъ въ нашемъ дѣтствѣ. Теперь онъ возмужалъ и сталъ силенъ. Какъ жилъ онъ въ недавнемъ прошломъ, что дѣлалъ до той минуты, когда мы съ нимъ встрѣчаемся,—мы не знаемъ. Мы знаемъ только, что онъ жилъ скучно, одиноко, сѣялъ зло безъ наслажденія, и что, наконецъ,

это зло ему наскучило. Оно могло, вѣроятно, наскучить ему потому, что не было принципомъ его жизни.» —

«Нѣкогда этотъ Демонъ оболѣтилъ и погубилъ одну смертную, любимую ангеломъ. Любилъ онъ эту смертную, очевидно, больше изъ ревности къ своему противнику, и потому скоро бросилъ. Теперь, скучающій отъ бездѣлья, разочарованный въ любви и пресыщенный сознаниемъ своей силы, онъ предался безплодному странствованію, сначала среди людей, а затѣмъ среди пустынной природы. Люди ему скоро надѣли своей пустотой и своимъ развратомъ; онъ сталъ ихъ презирать за мелочность и ненавидѣть за развратъ, забывая, что ненависть къ людямъ для демона—слишкомъ человѣческое чувство. Природа ему нравилась больше. Онъ «вникъ въ нее глубокимъ взглядомъ и обѣялъ душою ея жизнь», но не надолго. Она перестала вызывать въ немъ новыя чувства и новыя силы, и скоро его презрѣніе и ненависть распространились и на нее. Онъ утратилъ, такимъ образомъ, послѣдній интересъ къ чему бы то ни было. Онъ былъ спокоенъ, такъ какъ не имѣлъ желаній, ничего не боялся и ничѣмъ не восхищался. Но, какъ нерѣдко бываетъ въ такихъ случаяхъ, это спокойствіе, послѣ цѣлаго ряда бурь, было затишьемъ передъ новой бурей. Какое чувство могло вызвать новую бурю въ сердцѣ настоящаго Демона, сказать трудно; но въ сердцѣ человѣка, при одинаковыхъ условіяхъ, душевныя волненія всего легче вызываются любовью или, вѣрнѣе, любовной горячкой. Такъ случилось и съ лермонтовскимъ Демономъ. Появленіе любимой женщины, той ли, въ которую былъ влюбленъ ангелъ, или испанской монахини или, наконецъ, Тамары—сразу перерождаетъ нашего героя. Чѣмъ легендарнѣе становится съ этого момента повѣсть, тѣмъ правдоподобнѣе и человѣчнѣе становятся чувства Демона. При видѣ Тамары онъ сразу «постигаетъ святыню любви, добра и красоты». Какая-то новая грусть зарождается въ его сердцѣ,—грусть, вызванная частью воспоминаніями, частью сомнѣніемъ въ возможности возрожденія. Но это сомнѣніе ничтожно передъ силой пробудившейся любви; оно исчезаетъ вмѣстѣ съ холоднымъ презрѣніемъ, пресыщенной скукой и озлобленной ненавистью. Другими словами, Демонъ находитъ, наконецъ, цѣль бытія, которой онъ можетъ посвятить богатый запасъ своихъ силъ. Онъ прежде всего пользуется физической силой для устраненія соперника, затѣмъ своей нравственной силой для утѣшенія овдовѣвшей невѣсты. Знаменитый монологъ «не плачь, дитя» показываетъ намъ, какъ можетъ быть любезенъ и завлекателенъ этотъ мнимый демонъ. Мы ошибемся, если сочтемъ его рѣчь, за предательское оболѣженіе. Онъ мыслитъ, что для него пришла «желанная пора новой жизни», и онъ, какъ влюбленный ребенокъ, живетъ самъ въ этомъ фантастическомъ мірѣ чудесъ, которымъ старается заманить невинную душу. Произнося этотъ монологъ, онъ, «ада духъ ужасный», становится похожимъ на ясный вечеръ; не забудемъ къ тому же, что онъ поэтъ, т. е. обладаетъ силой прикрыть поэтическими сравненіями самыя обыкновенныя рѣчи. «Не плачь, дитя» есть, дѣйствительно, самый обыкновенный любовный лепетъ, который мы можемъ подслушать въ любое время у любого влюбленнаго, только, конечно, не въ такой формѣ. Но вѣдь сила поэта и заключается въ томъ, что она, какъ сказалъ Мюссе, простую слезу преобразуетъ въ жемчужину. Мы могли бы подумать, что этотъ поэтический бредъ Демона былъ рассчитанъ на чувствительную и дѣтскую натуру Тамары, и что Демонъ легко могъ бы говорить съ несчастной невѣстой, у которой онъ отнял жениха, приблизительно тѣмъ же языкомъ, какимъ Ричардъ III говоритъ съ Анной у гроба ея мужа. Намъ кажется, однако, что на такую коварную и извилистую рѣчь онъ былъ неспособенъ. Его любовь, хотя и недолговѣчна, но настолько сильна и искренна въ данную минуту, что онъ неспособенъ ни на какую хитрость, ни на одинъ софизмъ, ни на какія убѣжденія; онъ ограничивается общими мѣстами о покоѣ загробной жизни и сразу переходитъ къ картинѣ блаженства, которое ожидаетъ его возлюбленную «на воздушномъ океанѣ». — Демонъ настолько человѣченъ и чистъ

въ своихъ чувствахъ, что въ самую рѣшительную минуту, передъ тѣмъ какъ войти въ келью Тамары, онъ начинаетъ колебаться, какъ всякій честный чело-вѣкъ въ подобныхъ обстоятельствахъ. Онъ знаетъ, что она будетъ жертвой, и вопросъ, что онъ можетъ ей дать взамѣнъ ея преданности, начинаетъ беспокоить его:

...Долго онъ не смѣлъ
Святыню мирнаго приюта
Нарушить и—была минута,
Когда, казалось, онъ готовъ
Оставить умыселъ коварный.

Эта единственная минута сознанія промелькнула какъ молнія, и пѣснь Тамары погружаетъ его снова въ томительно-сладкое настроеніе, и—

Онъ хочетъ въ страхъ удалиться,
Его зрыло не шевелится.

Онъ входитъ въ келью и встрѣчается съ ангеломъ. Мы снова въ мірѣ аллегорій. Этотъ ангель, въ которомъ мы должны признать добраго генія Тамары или, другими словами, ея невинную душу, вполне сознаетъ, съ какимъ врагомъ онъ встрѣтился. Женское сердце иногда инстинктивно разгадываетъ тайну мужского, что, конечно, можетъ раздражить каждаго сильнаго чело-вѣка. Разгнѣвался и Демонъ, почувствовавъ сопротивленіе тамъ, гдѣ ожидалъ встрѣтить одну покорность. Разгнѣвался онъ, какъ подобаешь демону; но въ его положеніи и у простаго чело-вѣка могло шевельнуться нѣчто демоническое въ сердцѣ:

Злой духъ коварно усмѣхнулся,
Зардѣлся ревностію взглядъ
И вновь въ душѣ его проснулся
Старинной ненависти ядъ.

Однако, сопротивленіе, оказанное ему, было очень слабо; и можетъ показаться странной та поспѣшность, съ какой ангель поторопился, взмахнувъ крылами, утонуть въ эфирѣ неба. Тамара сдалась слишкомъ скоро и весь послѣдующій ея разговоръ съ Демономъ уже не борьба, а рядъ нарочно высказанныхъ опасеній, съ цѣлью въ нихъ разубѣдиться,—діалогъ схожій съ пытливыми разспросами Маргариты о религіозныхъ взглядахъ Фауста. Вообще же, весь разговоръ Тамары и Демона—перлъ блестящей художественной риторики въ стилѣ Виктора Гюго. Психологическая задача, сама по себѣ очень несложная и обыденная, получаетъ совершенно оригинальную окраску отъ этого нагроможденія поэтическихъ сравненій, этого приподнятаго тона, гдѣ переливы величавой, подчасъ возвышенной, мысли чередуются съ мелодичными напѣвами нѣжной любви и вновь заглушаются дикими словами перекипѣвшей страсти». «Демонъ одержалъ побѣду и, вмѣстѣ съ этой побѣдой, утратилъ вновь и спокойствіе, и цѣль жизни. Житейская драма кончилась, и эпилогъ былъ разыгранъ уже на небѣ. Фантастичность этого эпилога и его содержаніе были Лермонтову продиктованы традиціонной легендой. [*Н. Котляревскій. Лермонтовъ*]. 2) По мнѣнію *Вл. С. Соловьева*, герой поэмы есть «главный демонъ самого Лермонтова — «демонъ гордости». «Но въ поэмѣ онъ ужасно идеализованъ (особенно въ послѣдней ея обработкѣ), хотя, несмотря на эту идеализацію, образъ его дѣйствій, если судить безпристрастно, скорѣе приличествуетъ юному гусарскому корнету, нежели особѣ такого высокаго чина и такихъ древнихъ лѣтъ». «Идеализованный демонъ вовсе ужъ не тотъ духъ зла, который такими правдивыми чертами былъ описанъ въ прежнихъ стихотвореніяхъ геніальнаго отрока—Демонъ поэмы не только прекрасенъ, но до чрезвычайности благороденъ и, въ сущности, вовсе не золъ. Когда то у него произошло загадочное недоразумѣніе съ Всевышнимъ, но онъ тяготится размолвкой и желаетъ примириться. Случай къ этому представляется, когда демонъ видитъ прекрасную

грузинскую княжну Тамару, пляшущую и поющую на кровлѣ родительскаго дома. По библіи и по здравой логикѣ,—что одно и тоже—увлеченіе сыновъ Божіихъ красотою дочерей человѣческихъ есть паденіе, но для демонизма это есть начало возрожденія. Однако, возрожденія не происходитъ. Послѣ смерти жениха и удаленія Тамары въ монастырь, Демонъ входитъ къ ней, готовый къ добру, но, видя ангеля, охраняющаго ея невинность воспламеняется ревностью, соблазняетъ ее, убиваетъ и, не успѣвши завладѣть ея душою, объявляетъ, что онъ хотѣлъ стать на другой путь, но что ему не дали, и съ сознаниемъ своего полного права становится уже настоящимъ Демономъ. Такое рѣшеніе вопроса находится въ слишкомъ уже явномъ противорѣчьи съ логикою, чтобы стоило его опровергать». [*Вл. С. Соловьевъ. Сочиненія, т. 8*].

3) «Легендарный и субъективный элементъ поэмы съ самаго начала были тѣсно соединены, отчасти противорѣча одинъ другому, и вмѣстѣ съ тѣмъ это соединеніе было привлекательно для поэта, который стремился дать грандіозное олицетвореніе обуревавшему его разладу съ жизнью. Отсюда происходила эта усиленная работа надъ сюжетомъ, когда прежнія обработки его не удовлетворяли: измѣнялось не только мѣсто дѣйствія и обстановка, но частію и настроеніе главнаго лица. Легендарный Демонъ остается невыдержаннымъ. Это, во всякомъ случаѣ, духъ подначальный и онъ не только способенъ къ человѣческимъ чувствамъ, какъ самая любовь къ Тамарѣ, но иногда обнаруживаетъ даже несвойственную Демону мягкость чувства; и если поэтъ съ перваго юношескаго опыта занять былъ этимъ сюжетомъ до послѣднихъ лѣтъ своей жизни, когда наступила болѣе зрѣлая пора творчества, естественно предположить, что его привлекала къ сюжету именно эта сторона его—отраженіе его личной внутренней борьбы». [*Пытинъ. Истор. русск. лит. т. IV*]. 4) Для другого критика, «нѣтъ сомнѣнія, что поэтъ въ «Демонѣ» отразилъ съ огромной силой многія свойства» того духа сомнѣнія и отрицанія, который составлялъ характеристичную черту того времени въ цивилизованномъ мірѣ». «Но, представляется вопросъ: разъяснилъ ли онъ этотъ духъ, сказалъ ли по меньшей мѣрѣ,—зло ли онъ, или добро. Демонъ ли это искуситель, или болѣе доброе начало? Мы думаемъ, что поэтъ и самъ не рѣшилъ для себя этого вопроса, и потому образъ его лишень определенности». [*Введенскій. Общ. самоознаніе въ русск. лит.*].

5) Всю свою неудовлетворенность жизнью, т. е. здѣшнюю жизнь, а не тогдашнимъ обществомъ, всю исполинскую глубину своихъ чувствъ, превышающихъ обыденныя человѣческія чувства, всю необъятность своей скучающей на землѣ фантазіи,—Лермонтовъ постарался излить устами Демона. Концепція этого фантастическаго образа была счастливымъ, удачнымъ дѣломъ его творчества. Тѣ свойства, которыя казались напыщенными и даже отчасти карикатурными въ такихъ дѣйствующихъ лицахъ, какъ гвардеецъ Печоринъ, свѣтскій дэнди Арбенинъ, или черкесъ Измаиль-Бей, побывавшій въ Петербургѣ,—всѣ эти свойства (личные свойства поэта) прилились по мѣркѣ только фантастическому духу, великому падшему ангелу.—Строго говоря, Демонъ даже не падшій ангелъ; причина его паденія осталась въ туманѣ; это скорѣе—ангелъ, упавшій съ неба на землю, которому досталась жалкая участь: «ничтожной властвовать землей». Короче, это самъ поэтъ». — «Этотъ скорбящій и могучій ангелъ представляетъ изъ себя тотъ удивительный образъ фантазіи, въ которомъ мы по неволѣ чувствуемъ воплощеніе чего-то божественнаго въ какія-то близкія намъ человѣческія черты. Онъ привлекателенъ своею фантастичностью и въ то же время въ немъ нѣтъ пустоты сказочной аллегоріи». Его фигура изъ траурной дымки почти осязаема». «То не былъ ада духъ ужасный,—о нѣтъ! спѣшитъ добавить авторъ и ищетъ къ нему нашего сочувствія. Демонъ, ни въ чемъ опредѣленномъ не провинившійся, имѣетъ, однако, нѣкоторую строптивость противъ неба; онъ иронизируетъ надъ другими ангелами, давая имъ эпитеты «безстрастныхъ», онъ еще на небѣ невыгодно выдѣлился между другими тѣмъ, что былъ «познанья жаднымъ», онъ и въ раю испытывалъ, что ему чего то недостаетъ», «онъ, преисполненъ громадною энер-

гією, глубокимъ знаніемъ человѣческихъ слабостей, отъ него пышетъ самыми огненными чувствами. И все это приближаетъ его къ намъ.» [С. Андреевскій. «Литер. очерки»].

ДѢВУШКА (*Герой нашего времени*).—«Изъ мирнаго круга *честныхъ контрабандистовъ*. Ей, «казалось, не болѣе 18 лѣтъ». «Она была далеко не красавица, но, по словамъ Печорина, онъ никогда подобной женщины не видывалъ». «Необыкновенная гибкость ея стана, особенное, ей только свойственное, наклоненіе головы, длинные русые волосы, какой-то золотистый отливъ ея слегка загорѣлой кожи на шеѣ и плечахъ, и особенно правильный носъ»,—все это было «обворожительно», «хотя въ ея косвенныхъ взглядахъ читалось что-то дикое и подозрительное, хотя въ ея улыбкѣ было что-то неопредѣленное.— Печоринъ нашелъ въ ней «Гётеву Миньону», «настоящую русалку», «и точно, между ними было много сходства: тѣ же быстрые переходы отъ величайшаго безпокойства къ полной неподвижности, тѣ же загадочныя рѣчи, тѣ же прыжки, странныя пѣсни»... То тихая и безмолвная, то настоящая, «бѣсъдѣвка», по опредѣленію казака-денщика. При первой встрѣчѣ «пристально посмотрѣла въ глаза» Печорину», «потомъ небрежно улыбнулась и тихо пошла къ пристани. На вопросы Печорина не отвѣчала, а «убѣгала коварно улыбаясь», но цѣлый день вертѣлась около его квартиры».—«Вся «она была страннымъ существомъ. На лицѣ ея не было никакихъ признаковъ безумія; напротивъ, глаза ея смотрѣли съ бойкою проницательностію, и эти глаза, казалось, были одарены какою-то магнетическою властью и всякій разъ они какъ будто бы ждали вопроса.»—Когда Печоринъ спросилъ: «скажи-ка мнѣ, красавица, что ты дѣлала сегодня на кровлѣ?» она отвѣтила:—«А смотрѣла, откуда вѣтеръ дуетъ.—«За чѣмъ тебѣ?»—Откуда вѣтеръ, оттуда и счастье. — «Что же? развѣ ты пѣсней зазывала счастье?»—Гдѣ поется, тамъ и счастливится.—«А какъ неравно напоешь себѣ горе?»—Ну что-жъ? гдѣ не будетъ лучше, тамъ будетъ хуже, а отъ худа до добра опять не далеко.—«Кто же тебя выучилъ этой пѣснѣ?»—Никто не выучилъ; вздумается—запою; кому услышать, тотъ услышитъ; а кому не должно слышать, тотъ не пойметъ.—«А какъ тебя зовутъ, моя пѣвунья?»—Кто крестилъ, тотъ знаетъ.—«А кто крестилъ?»—Ночему я знаю. Разговоръ у нея особенный:—«Много видѣли, да мало знаете; а что знаете, такъ держите подъ замочкомъ», отвѣтила она Печорину, открывшему тайну ея ночныхъ хожденій на берегъ, и «не измѣнилась въ лицѣ, не пошевелила губами, какъ будто не объ ней дѣло, и захохотала во все горло». Когда же Печоринъ «съ серьезной, даже строгой, миной», заявилъ, что онъ могъ бы донести коменданту, она вдругъ прыгнула, запѣла и скрылась какъ птичка, спугнутая изъ кустарника.—«Лицо ея было покрыто «тусклой блѣдностію», когда она сама вновь пришла къ Печорину, и вдругъ «вскочила, обвила шею его руками», «какъ змѣя скользнула между его руками, шепнувъ ему на ухо: «нынче ночью, какъ всѣ уснутъ, выходи на берегъ», и стрѣлой выскочила изъ комнаты».—«Я тебя люблю» говорила она въ лодкѣ Печорину, и какъ кошка вцѣпилась въ его одежды».—Чего ты хочешь? закричалъ Печоринъ крѣпко сжавъ ея маленькія руки.—Ты видѣлъ, отвѣчала она, ты донесешь! и вступила въ яростную борьбу. «Пальцы ея хрустѣли, но она не вскрикнула, ея змѣиная натура выдерживала пытку».—«Янко, все пропало!» сказала она, и ушла съ нимъ «туда, гдѣ вѣтеръ воетъ и море шумить, «потому-что въ Тамани, по словамъ Янко, ей было нельзя оставаться».

Критика: 1) Это какая-то дикая сверкающая красота, обольстительная какъ сирена, неуловимая какъ ундица, страшная какъ русалка, быстрая какъ прелестная тѣнь или волна, гибкая какъ тростникъ. Ее нельзя любить, нельзя и ненавидѣть, но ее можно только и любить и ненавидѣть вмѣстѣ. Какъ чудно-хороша она, когда, на крышѣ своей кровли, съ распущенными волосами, защитивъ глаза ладонью, пристально вематривается вдоль, и то смѣется и рас-

суждаетъ сама съ собой, то запѣваетъ полную раздолья и отваги удалую пѣсню. [*Бѣлинскій. Соч. т. V.*] 2) Въ этомъ причудливомъ созданіи «отчасти слились воздушная неопредѣленность очертанія Гетевой Миньоны, на что намекаетъ и самъ авторъ, и граціозная дикость Эсмеральды Гюго». [*С. Шевыревъ*].

Калашникова, Алена Дмитріевна («*Пѣсня про царя Ивана Васильевича*»).—«Въ семьѣ родилась купеческой». «Перевѣчана съ молодымъ купцомъ по закону» «христіанскому». По словамъ Кирибѣевича:

На святой Руси, нашей матушкѣ,
Не найти, не сыскать такой красавицы:
Ходитъ плавно—будто лебедушка,
Смотритъ сладко—какъ голубушка,
Молвить слово—соловей поетъ;
Горятъ щеки ея румяныя,
Какъ заря на небѣ Божіемъ;
Косы русыя, золотистыя,
Въ ленты яркія заплетенныя,
По плечамъ бѣгутъ, извиваются,
Съ грудью бѣлою цалуются.

Мужъ для Алены Дмитревны «государь красно-солнышко». Кромѣ него ей не на кого положиться. Онъ одинъ не дастъ своей вѣрной жены «злымъ охульникамъ» въ поруганіе. «На бѣломъ свѣтѣ» она сиротинушка: «родной батюшка ужъ въ сырой землѣ, рядомъ съ нимъ лежитъ «матушка»; старшій братъ пропалъ безъ вѣсти, а «меньшой «дитя малое», неразумное». Немилость мужа страшнѣе для Алены Дмитревны «смерти лютыя» и «людской молвы». На угрозы Калашникова «запереть за желѣзный замокъ» за позоръ его «имени честнова», «задрожала вся», «затряслась какъ листочекъ осиновый», «горько-горько восплакалась, въ ноги мужу повалилася», «горючими слезами заливалася». «Его рѣчи»—будто острый ножъ, отъ нихъ сердце разрывается». «Иль убей меня, или выслушай! говоритъ Алена Дмитревна и открываетъ ему, что «слуга царя Грознаго» «опозорилъ», «осрамилъ» ее «честную, непорочную», когда отъ вечерни домой шла она по улицѣ одинешенька:

И ласкалъ онъ меня, цѣловалъ меня;
На щекахъ моихъ и теперь горятъ,
Живымъ пламенемъ разливаются
Поцѣлуи его окаянныя...
А смотрѣли въ калитку сосѣдушки;
Смѣючись на насъ пальцемъ показывали...

«И что скажутъ злыя сосѣдушки? И кому на глаза покажусь теперь?» спрашиваетъ Алена Дмитревна.

Калашниковъ, Степанъ Парамоновичъ («*Пѣсня про царя Ивана Васильевича*»).—Молодой купецъ, «статный молодецъ». «Очи соколиныя», плечи «могутныя», борода «кудрявая». Родился отъ честнова отца и жилъ по закону господнему: «не позорилъ «чужой жены», «не разбойничалъ ночью темною, не таился отъ свѣта небеснаго». Братьямъ младшимъ былъ «второй отецъ», женѣ вѣрный мужъ. «За прилавкою» сидѣлъ въ гостинномъ дворѣ, «шелковые товары» раскладывалъ, «рѣчью ласковой гостей» заманивалъ, «серебро, злато» пересчитывалъ; «на ночь закрывалъ свою лавочку дверью дубовою, да замкомъ нѣмецкимъ со пружиною», «злаго пса на желѣзную цѣпь привязывалъ. «Но лиха бѣда приключилася»: ночью темною вернулась домой «молода жена»,—«сама блѣдная, простоволосая, косы русыя расплетенныя, снѣгомъ инеемъ пересыпаны»

Ужъ ты, гдѣ, жена, жена, шаталася?
На какомъ дворѣ, на площади?

Ужъ гуляла ты, пировала ты,
Чай съ сынками все боярскими?

Грозить Степанъ Парамонычъ женѣ:

Какъ запру я тебя за желѣзный замокъ,
За дубовую дверь окованную,
Чтобы свѣту Божьяго ты не видѣла,
Мое имя честное не порочила...

«Обиды не стерпѣть душѣ», «не вынести сердцу молодецкому». Не Алена Дмитревна, а «злой опричникъ царскій», «изъ славной семьи изъ Малютиной опозорилъ семью честную». Не дастъ Степанъ Парамонычъ «свою вѣрную жену злымъ охульникамъ въ поруганіе». «За святую правду-матушку готовъ Калашниковъ на смерть биться, до послѣднихъ силъ «со слугою царя Грозного». «Чему быть суждено—то и сбудется; постою за правду до послѣднева». «Не шутку-шутить, не лждей смѣшнить»—вышелъ «онъ на страшный бой, на послѣдній бой», съ лучшимъ бойцомъ царя Ивана Васильевича. «Горятъ очи его соколиныя, на опричника смотрятъ пристально».—«По одномъ изъ насъ, говоритъ онъ въ отвѣтъ Кирибѣевичу, будутъ панихиду пѣть, и не позже какъ завтра въ часъ полуденный».—Отъ удара Кирибѣевича «затрещала грудь молодецкая», погнулся «мѣдный крестъ» и вдавился въ грудь, «какъ роса изъ подъ него кровь закапала». «Изловчился онъ (Калашниковъ), приготовился, собрался со всею силою, и ударилъ своего ненавистника прямо въ лѣвый високъ со всего плеча».—Отвѣчаетъ царю «по правдѣ, по совѣсти», что убилъ Кирибѣевича «вольной волею»,

А за что, про что—не скажу тебѣ,
Скажу только Богу единому.

Онъ готовъ «нести на плаху» свою «головушку повинную» и просить царя не оставить лишь малыхъ дѣтушекъ, да молодую вдову, да двухъ братьевъ «послѣднею милостію». Прощаясь передъ казнью съ братьями, велитъ поклониться Алени Дмитревнѣ, заказать «ей меньше печалиться», про отца его «дѣтушкамъ не сказывать»...

Критика: Калашниковъ, по опредѣленію Бѣлинскаго, одинъ изъ тѣхъ упругихъ и тяжелыхъ характеровъ, которые тихи и кротки только до тѣхъ поръ, пока обстоятельства не расколыхаютъ ихъ,—одна изъ тѣхъ желѣзныхъ натуръ, которыя и обиды не стерпятъ и сдачи дадутъ». Послѣ боя съ Кирибѣевичемъ, вѣроятно, Калашниковъ могъ бы еще спасти себя ложью но для этой благородной души, дважды такъ потрясенной—и позоромъ жены, разрушившимъ его семейное блаженство, и кровавой местию врагу, не возвратившей ему прежняго блаженства—для этой благородной души жизнь уже не представляла ничего обольстительнаго, а смерть казалась необходимой для уврачеванія ея неисцѣлимыхъ ранъ... Есть души, которыя довольствуются кое-чѣмъ—даже остатками бывшаго счастья; но есть души, лозунгъ которыхъ—все или ничего, которыя не хотятъ запятнаннаго блаженства разъ потемненной славы: такова была и душа удалаго купца, статнаго молодца, Степана Парамоновича Калашникова! онъ сказалъ царю всю правду, скрывъ однако причину своего мнѣнія:—«А за что, про что—не скажу тебѣ! Скажу только Богу единому!» Какая дивная черта глубокаго знанія сердца человѣческаго и древнихъ нравовъ! Какая высокая трагическая черта! [*Бѣлинскій. Соч. т. 5.*]

Кирибѣевичъ («Пѣсня про царя Ивана Васильевича»). — Вѣрный слуга, «любимый опричникъ» и «лучшій боецъ» царя Ивана Грознаго. Изъ рода Скуратовыхъ, «семьею вскормленъ Малютиной». Очи у него «темныя»,

«грудь широкая», «плечи могучія», «голова кудрявая». Аргамакъ его «степной ходитъ весело, какъ стекло горитъ сабля вострая».

Какъ я сяду-поѣду на лихомъ конѣ
 За Москву-рѣку покатайся,
 Кушачкомъ подтянусь шолковымъ,
 Заломлю на бочокъ шапку бархатную,
 Чернымъ соболемъ отороченную—
 У воротъ стоятъ, у тесовыхъ
 Красны дѣвушки да молодухи,
 И любятъся, глядя, перешоптываясь;
 Лишь одна не глядитъ, не любитъся,
 Полосатой фатой закрывается...

Какъ увидитъ ее Кирибѣевичъ—«самъ не свой»: «опускаются руки сильныя, помрачаются очи бойкія, тяготитъ голова плечи богатырскія и сама къ сырой землѣ клонится». «Сердца жаркаго не залить виномъ, думу черную не запотчивать». — «На царскомъ пиру одинъ Кирибѣевичъ не мочилъ усовъ» въ золотомъ ковшѣ; «опустилъ онъ въ землю очи темныя, опустилъ головушку на широку грудь, а въ груди его была дума крѣпкая». «Опостылѣли ему кони легкіе, опостылѣли наряды парчевые: «скучно, грустно» ему «одному по свѣту маяться». — «На святой Руси, нашей матушкѣ, не сыскать такой красавицы», какъ Алена Дмитриевна, признается царю Кирибѣевичъ, но «красавица въ церкви Божіей перевѣнчана», «перевѣнчана съ молодымъ купцомъ по закону нашему христіанскому»... Тянетъ его въ «степи приволжскія» на житье вольное, на казацкое», чтобы тамъ сложить «буйную головушку на копье басурманское». «Съ кѣмъ казною своей подѣлюсь теперь. Передъ кѣмъ удалство покажу свое? Передъ кѣмъ я нарядомъ похвастаюсь? — «Удалой боецъ», «буйный молодецъ», говорилъ онъ Аленѣ Дмитревнѣ «на улицѣ одинешенькой» «тихимъ шепотомъ»: — «Я не воръ какой, душегубъ лѣсной, я слуга царя, царя грознаго». И, цѣлуя ее приговаривалъ:

Моя милая, драгоценная!
 Хочешь золота, али жемчуга?
 Хочешь яркихъ камней, аль цвѣтной парчи?
 Какъ царицу, я наряжу тебя,
 Станутъ всѣ тебѣ завидовать.
 Лишь не дай мнѣ умереть смертью грѣшною:
 Полюби меня, обними меня
 Хоть единый разъ на прощаніе! —

— «Въ кулачномъ бою нѣтъ Кирибѣевичу равнаго противника. «Трижды громкій кличъ прокликали — ни одинъ боецъ и не тронулся, лишь стоятъ да другъ-друга поталкиваютъ.» «Не родилась, по словамъ Кирибѣевича, та рука заколдованная ни въ боярскомъ роду, ни въ «купеческомъ», которая бы сбила его съ ногъ «въ кулачномъ бою». Предъ взоромъ Грознаго царя, когда, царь, «словно ястребъ, взглянулъ съ высоты небесъ на молодого голубя сизокрылаго», — «не поднялъ глазъ молодой боецъ», не вздрогнулъ онъ и тогда, когда «объ землю царь стукнулъ палкою, и дубовый полъ на полчетверти онъ желѣзнымъ пробилъ наконечникомъ». — «Не кори ты раба недостойнаго, отвѣчаетъ Кирибѣевичъ Грозному... — А прогнѣвалъ я тебя — воля царская: прикажи казнить, рубить голову»... Но въотвѣтъ на вызовъ Калашникова, «Кирибѣевичъ поблѣднѣлъ въ лицѣ какъ осенній снѣгъ; бойки очи его затуманились, между сильныхъ плечъ пробѣжалъ морозъ, на раскрытыхъ устахъ слово замерло», и оба бойца молча разошлись въ разныя стороны. «Размахнулся» Кирибѣевичъ «и ударилъ въ первой купца Калашникова, «и ударилъ его посередь груди». «Прямо въ лѣвый високъ, со всего плеча», ударилъ Калашниковъ «своего ненавистника». «И опричникъ молодой застоналъ слегка, закачался, упалъ замертво, «будто сосенка, будто сосенка во сыромъ бору, подъ смолистый подъ корень подрубленная».

Критика: «Какая сильная, могучая натура! Ея страсть—лава, ея горестъ тяжела и трудна; это удалое, разгульное отчаяніе, которое въ молодечествѣ, въ подвигѣ крови и смерти ищетъ своего утоленія! Сколько поэзіи въ словахъ этого опричника, какая глубокая грусть дышитъ въ нихъ,—эта грусть, которая разрываетъ сильную душу, но не убиваетъ ея, эта грусть, которая составляетъ основной элементъ, родную стихію, главный мотивъ нашей національной поэзіи! Любовь Кирибѣевича—не шуточное дѣло, не простое волокитство, но страсть природы сильной, души могучей. Вы понимаете, что для этого человѣка нѣтъ середины: или получить, или погибнуть! онъ вышелъ изъ-подъ опеки естественной нравственности своего общества, а другой, болѣе высшей, болѣе человѣческой, не приобрѣлъ: такой развратъ, такая безнравственность въ человѣкѣ съ сильной натурой и дикими страстями опасны и страшны». Выписавъ картины боя, когда Кирибѣевичъ палъ мертвымъ, Бѣлинскій задаетъ вопросъ: «Не правда ли: вамъ жаль удалого, хотя и преступнаго бойца? съ невыразимой тоской повторите вы за поэтомъ жалобную мелодію, которой выразилъ онъ его паденіе?.. А между тѣмъ вы же сами желали побѣды благородному купцу и гибели его преступному оскорбителю?.. Таково обаяніе великихъ натуръ; какъ бы ни было велико ихъ преступленіе, но, наказанныя, онѣ привлекаютъ все удивленіе и всю любовь нашу:—мы видимъ въ нихъ жертвы неотразимой судьбы, и братскимъ поцѣлуемъ прощанія и прощенія въ холодныя, посинѣлыя уста ихъ запечатлѣваемъ торжество возстановленной смертью гармоніи общаго, которую нарушили было онѣ своей виной.» [*Бѣлинскій. Соч. т. 5*].

Максимъ Максимовичъ (*«Герой нашего времени»*).—Штабсъ-капитанъ третьяго линейнаго батальона. «Онъ казался лѣтъ пятидесяти; смуглый цвѣтъ лица его показывалъ, что оно давно знакомо съ закавказскимъ солнцемъ, и преждевременно посѣдѣвшіе усы не соотвѣтствовали его твердой походкѣ и доброму виду». Старый холостякъ и человѣкъ совсѣмъ одинокій: «объ отцѣ и матери лѣтъ двѣнадцать ужъ не имѣлъ извѣстій, а заpastись женой не догадался раньше», а потомъ стало «и не къ лицу». «Съ женщинами» вообще «никогда не обращался» и въ ихъ обществѣ испытывалъ «пренепріятное положеніе», не зная какъ и о чемъ говорить. Даже Бѣлу, думалъ-думалъ чѣмъ утѣшить, и ничего не придумалъ». Только глядя на любовь ея къ Печорину, М. М. стало досадно, что не одна женщина» его «такъ не любила». На линію пріѣхалъ подпоручикомъ еще при Ермоловѣ и «при немъ получилъ слѣдующіе два чина за дѣла противъ горцевъ. Лѣтъ десять стоялъ въ Чечнѣ въ крѣпости съ ротою. Подпоручикомъ чуть было не угодилъ подъ судъ: «подгуляли между собой, а ночью сдѣлалась тревога, вотъ мы и вышли передъ фронтъ навеселъ». Съ тѣхъ поръ М. М. «далъ себѣ заклятье». «Другой разъ цѣлый годъ живешь, никого не видишь, да какъ тутъ еще водка—пропадный человѣкъ». — Къ свисту пуль можно привыкнуть, то есть привыкнуть скрывать невольное біеніе сердца». «Для старыхъ воиновъ это все же потому и пріятно, поясняетъ М. М., что сердце бьется сильнѣе. Объ «азіатахъ» онъ невысокаго мнѣнія. Ужъ эта мнѣ Азія! Что люди, то рѣчки—никакъ нельзя положиться!» «ужасныя бестіи эти азіаты», «ужасныя плуты» и «мошенники», и любятъ деньги драть съ проѣзжающихъ. Осетины, по его мнѣнію, «жалкіе люди», преглупый народъ «ничего не умѣютъ и не способны ни къ какому образованію», и къ оружію никакой охоты нѣтъ, порядочнаго кинжала ни на одномъ не увидишь». Кабардинцевъ или чеченцовъ М. М. хотя и называетъ «разбойниками», «голышами», за то они «молодцы», отчаянныя башки Натянутся бузы, и пошла рѣзня». Однако, среди этихъ азіатовъ у М. М. было много «кунаковъ»-пріятелей, которыхъ онъ считалъ обязанностью у себя дома «потчивать чаемъ», п. ч., хотя «и разбойникъ онъ», а все-таки «кунакъ». Впрочемъ, и объ англичанахъ М. М. былъ не лучшаго мнѣнія: «они всегда были отъявленные пьяницы». Татары тѣ—лучше: «тѣ хоть непыющіе. Самъ М. М. вина въ ротъ не бралъ, но не выпускалъ изъ

рта «маленькой кабардинской трубочки, обдѣланной въ серебро». Къ «азиаткѣ» Бэлѣ привязался какъ къ дочери и «бѣгалъ за нею какъ нянька». Вспоминая объ ея пляскѣ, даже сравненій съ губернскими барышнями не допускалъ. «Куда имъ! Совсѣмъ не то!» Однако, когда Бѣла увидѣла Казбича подлѣ крѣпости на отцовской лошади «и задрожала какъ листъ и глаза ея сверкали», М. М. подумалъ: «Ага, и въ тебѣ, душенька, не молчитъ разбойничья кровь». На вопросъ слушателя: «пріучилъ-ли Печоринъ Бѣлу къ себѣ, или она зачала въ въ неволѣ, съ тоски по родинѣ?» М. М. изумленно отвѣтилъ:—«помилюйте, отчего же съ тоски по родинѣ? Изъ крѣпости видны были тѣ же горы, что изъ аула, а этимъ дикарямъ больше ничего не надобно». Однако, за долгое отсутствіе Печорина разсердился и имѣлъ съ нимъ длинное объясненіе; ему было досадно, что Печоринъ перемѣнился къ этой бѣдной дѣвчкѣ. — М. М. проявлялъ «способность русскаго человѣка примѣняться къ обычаямъ тѣхъ народовъ, среди которыхъ ему случалось жить». Такъ онъ находить, что Казбичъ убившій отца Азамата и Бѣлы «былъ совершенно правъ», «конечно, по ихнему». Впрочемъ и похищеніе Бѣлы Казбичемъ М. М. объясняетъ по своему: «эти черкесы извѣстной воровской породы! что плохо лежитъ, не могутъ не стянуть, другое и не нужно, а все украдутъ... ужъ въ этомъ прошу ихъ извинить! Да при томъ она ему нравилась. — Съ подчиненными офицерами М. М. держался просто, по-товарищески. Печорина, переведеннаго въ крѣпость, гдѣ съ ротою стоялъ М. М. встрѣтилъ радостно. По новенькому мундиру М. М. тотчасъ догадался», что Печоринъ на Кавказѣ недавно. — «Вы вѣрно переведены сюда изъ Россіи?» спросилъ М. М. — «Точно такъ, господинъ штабсъ-капитанъ», отвѣчалъ Печоринъ. М. М. «взялъ его за руку и сказалъ:» — Очень радъ, очень радъ. Вамъ будетъ немножко скучно. Ну да мы съ вами будемъ жить по-пріятельски. Да, пожалуйста, зовите меня Максимъ Максимычъ и, пожалуйста, къ чему эта полная форма? Приходите ко мнѣ всегда въ фуражкѣ». Максимъ Максимовичъ привязывался къ людямъ прочно, — такъ съ Печоринымъ «славнымъ малымъ,» но человѣкомъ, съ большими странностями, онъ скоро сдѣлался „закадычнымъ пріателемъ“, хотя, по мнѣнію М. М. они не были „нарою“. Но, когда съ Печоринымъ случилось одна изъ «необыкновенныхъ вещей», въ которой и самъ М. М. принималъ косвенное участіе (разсказавъ Печорину подслушанный имъ разговоръ Азамата съ Казбичемъ), М. М. вспомнилъ о формѣ: надѣлъ эполеты, шпагу и пошелъ къ Печорину. Онъ былъ убѣжденъ, что Печоринъ «сладилъ нехорошее дѣло», въ которомъ и на немъ, М. М., какъ на начальникѣ, лежитъ отвѣтственность. Въ дверяхъ М. М. «началъ кашлять и постукивать каблуками о порогъ». — «Господинъ прапорщикъ», сказалъ М. М. «какъ можно строже, развѣ вы не видите, что я къ вамъ пришелъ?» Когда же Печоринъ назвалъ его какъ всегда Максимомъ М., онъ отвѣтилъ: — Извините, я не Максимъ Максимычъ: я штабсъ-капитанъ. — Господинъ прапорщикъ, вы сдѣлали проступокъ, за который и я могу отвѣчать. «—И, полноте, что-жъ за бѣда? Вѣдь, у насъ давно все пополамъ». — Что за шутки! пожалуйста вашу шпагу! Исполнивъ долгъ свой, сѣлъ я, — рассказываетъ М. М., къ нему на кровать и сказалъ: Послушай, Григорій Александровичъ; признайся, что не хорошо? — Что не хорошо? — Да то, что ты увезъ Бѣлу... Ужъ эта мнѣ бестія Азаматъ!.. Ну, признайся, сказалъ я ему. — «Да когда она мнѣ нравится?» — Ну что прикажете отвѣчать на это? Я сталъ втупикъ. Однако-жъ, послѣ нѣкотораго молчанія, я ему сказалъ, что если отецъ станетъ требовать, надо будетъ ее отдать. — Вовсе не надо. — Да онъ узнаетъ, что она здѣсь. — А какъ онъ узнаетъ? Я опять сталъ втупикъ. — Послушайте, Максимъ Максимычъ, — сказалъ Печоринъ, приподнявшись, — вѣдь, вы добрый человѣкъ, а если отдадимъ дочь этому дикарю, онъ ее зарѣжетъ или продастъ. Дѣло сдѣлано, не надо только охотою портить; оставьте ее у меня, а у себя мою шпагу... — Да покажите мнѣ ее, (Бѣлу) сказалъ М. М. и почувствовалъ, что есть люди, съ которыми непременно должно соглашаться». Передъ кончиной Бѣлы, когда «она начала печалиться, что она не христіанка», М. М. пришло на мысль окрестить ее». Его, «видѣв-

шаго много какъ люди умираютъ въ госпиталяхъ и на полѣ сраженія», глубоко поразила смерть Бэлы. Онъ присутствовалъ при ея кончинѣ, «закрывъ лицо руками и сталъ читать молитву», какую не помнитъ М. М., одно только въ воспоминаніяхъ о ней печалило его: то, что Бэла передъ смертью ни разу не вспомнила «о немъ». Но тутъ же прибавляетъ: «Что же я такое, чтобы обо мнѣ вспоминали передъ смертью». Поведеніе Печорина его изумляло: М. М. бы «на его мѣстѣ умеръ съ горя». И когда М. М., «больше для приличія», желая утѣшить его, началъ говорить»,—Печоринъ вдругъ засмѣялся. У М. М. морозъ пробѣжалъ по кожѣ отъ этого смѣха, какъ тогда, когда при новой встрѣчѣ, Печоринъ только пожалъ ему руку. Съ этихъ поръ М. М. никогда не говорилъ съ Печоринымъ о Бэлѣ: „онъ видѣлъ, что это будетъ непріятно“ другу, но, при свиданіи во Владикавказѣ, не утерпѣлъ и напомнилъ:—„А помните наше житье-бытье въ крѣпости? Славная страна для охоты! Вѣдь вы страстный охотникъ стрѣлять... А Бэла?!.“ Ему „столько хотѣлось сказать“ Печорину, столько распросить. Онъ ждалъ этой встрѣчи, и въ глазахъ его сверкала радость, когда онъ готовился къ свиданію „со своимъ другомъ закадычнымъ“,— ради него М. М. „въ первый разъ отроду бросилъ дѣла службы для собственной надобности“.—Онъ не находилъ словъ.—«А... ты?.. а вы? пробормоталъ со слезами на глазахъ старикъ... сколько лѣтъ сколько дней»... «Онъ хотѣлъ кинуться на шею Печорину», и „остолбенѣлъ“, когда тотъ „довольно холодно“ протянулъ руку, „но М. М. потомъ жадно схватилъ его руку обѣими руками“. Послѣ отъѣзда Печорина М. М. „старался“ принять равнодушный видъ, хотя слеза досады по временамъ сверкала на его рѣсницахъ:—„конечно, мы были пріатели“, говорилъ онъ, —„ну да что пріатели въ нынѣшнемъ вѣкѣ. Что ему во мнѣ? Я не богатъ, не чиновенъ, да и по лѣтамъ совсѣмъ ему не пара“. „Я всегда зналъ, говорилъ М. М., что онъ (т. е. Печоринъ) вѣтренный человекъ, на котораго нельзя положиться“, и „глаза его поминутно наполнялись слезами“. „Гдѣ намъ необразованнымъ старикамъ, за вами гоняться! Вы молодежь свѣтская, гордая: еще покамѣсть подъ черкесскими пулями, такъ вы туда-сюда, а послѣ встрѣтитесь, такъ стыдитесь и руку протянуть нашему брату!“ И добрый М. М. сдѣлался опять «упрямымъ, сварливымъ штабсъ-капитаномъ».

Критика. М. М.—одно изъ интереснѣйшихъ лицъ романа. «Это типъ чисто-русскій, который художественнымъ достоинствомъ созданія напоминаетъ оригинальнѣйшіе изъ характеровъ въ романахъ Вальтеръ-Скотта и Купера, но который, по своей новости, самобытности и чисто-русскому духу, не походитъ ни на одинъ изъ нихъ. Искусство поэта должно состоять въ томъ, чтобы развить на дѣлѣ задачу, какъ данный природою характеръ долженъ образоваться при обстоятельствахъ, въ которыя поставитъ его судьба. Максимъ Максимычъ получилъ отъ природы человѣческую душу, человѣческое сердце, но эта душа и это сердце отлились въ особую форму, которая такъ и говоритъ намъ о многихъ годахъ тяжелой и трудной службы, о кровавыхъ битвахъ, о затворнической и однообразной жизни въ недоступныхъ горныхъ крѣпостяхъ, гдѣ нѣтъ другихъ человѣческихъ лицъ, кромѣ подчиненныхъ солдатъ да заходящихъ для мѣны черкесовъ. И все это высказывается въ немъ не въ грубыхъ поговорахъ, въ родѣ «чортъ возьми», и не въ военныхъ восклицаніяхъ, вродѣ «тысяча бомбъ», безпрестанно повторяемыхъ, не въ попойкахъ и не въ куреніи табака,— а во взглядѣ на вещи, приобрѣтенномъ обычаемъ и родомъ жизни, и въ этой манерѣ поступковъ и выраженія, которыя должны быть необходимымъ результатомъ взгляда на вещи и привычки. Умственный кругозоръ Максима Максимыча очень ограниченъ; но причина этой ограниченности не въ его натурѣ, а въ его развитіи. Для него «жить»—значитъ «служить»; и служить на Кавказѣ; «азіаты»—его природныя враги: онъ знаетъ по опыту, что всѣ они большіе плуты, и что самая ихъ храбрость есть отчаянная удаля разбойничья, подстреканная надеждою грабежа; онъ не дается имъ въ обманъ, и ему смертельно

досадно, если они обманутъ новичка и еще выманять у него на водку. И это совсѣмъ не потому, чтобы онъ былъ скупъ,—о нѣтъ! онъ только бѣденъ, а не скупъ, и сверхъ того, кажется, и не подозрѣваетъ цѣны деньгамъ, но онъ не можетъ видѣть равнодушно, какъ плуты «азіаты» обманываютъ честныхъ людей. Вотъ чуть ли не все, что онъ видитъ въ жизни, или, по крайней мѣрѣ, о чемъ чаще всего говоритъ. Но не спѣшите вашимъ заключеніемъ о его характерѣ: познакомьтесь съ нимъ поглубже,—и вы увидите, какое теплое благородное, даже нѣжное сердце бьется въ желѣзной груди этого, повидимому, очерствѣвшаго человѣка; вы увидите, какъ онъ, какимъ-то инстинктомъ, понимаетъ все человѣческое и принимаетъ въ немъ горячее участіе; какъ, вопреки собственному сознанию, душа его жаждетъ любви и сочувствія,—и вы отъ души полюбите простого, добраго, грубаго въ своихъ манерахъ, лаконическаго въ словахъ М. М». — «Не правда ли, вы такъ свыклись съ нимъ, такъ полюбили его, что никогда уже не забудете его, и если встрѣтите подъ грубой наружностью, подъ корою зачерствѣлости отъ трудной и скудной жизни—горячее сердце, подъ простою, мѣщанскою рѣчью—теплоту души, то вѣрно скажете: «это Максимъ Максимычъ»... И дай Богъ вамъ побольше встрѣтить на пути нашей жизни М. М!..» «Поэтъ хотѣлъ изобразить характеръ, и превосходно успѣлъ въ этомъ: его Максимъ Максимычъ можетъ употребляться не какъ собственное, но какъ нарицательное имя, наравнѣ съ Онѣгиными, Ленскими, Загорѣцкими, Иванами Ивановичами, Иванами Никифоровичами, Аванасіями Ивановичами, Чацкими, Фамусовыми и проч. [*Вѣлискій. Соч. т. V*].

Мери, княжна Лиговская («Герой нашего времени»). — «Московская княжна». Единственная дочь княгини Лиговской. Мать называла ее, на англійскій манеръ, Мери. Милая и кокетливая, капризная и «прехорошенькая дѣвушка съ подвижной фізіономіей», съ дерзкой миной, презрительной улыбкой и разсѣяннѣмъ взглядомъ «большихъ бархатныхъ», «безъ блеска, глазъ». Нижнія и верхнія рѣсницы такъ длинны, что лучи солнца не отражаются въ ея зрачкахъ». «Одѣвается со вкусомъ». «Ея легкая, но благородная походка имѣла въ себѣ нѣчто-дѣвственное, ускользающее отъ опредѣленія, но понятное для взора». «Отъ княжны, по словамъ Печорина, вѣяло тѣмъ «неизъяснимымъ ароматомъ, которымъ дышетъ иногда записка милой женщины». — По характеристикѣ матери, дочь ея «невинна, какъ голубь» и воспитана такъ, что составить счастье мужа». Княгиня «питала уваженіе» «къ уму и знаніямъ дочки, которая читала Байрона и знаетъ алгебру». Княжна «шутила очень мило; ея разговоръ былъ остеръ, безъ притязанія на остроу, живъ и свободенъ; ея замыслы глубоки». Находить, что «томность» идетъ къ ней и выдерживаетъ роль. На молодыхъ людей смотритъ съ презрѣніемъ и ищетъ «необыкновеннаго». «Они всѣ прескучные,» отзывается княжна о своихъ поклонникахъ. «Сѣрая шинель» Грушницкаго выцѣляетъ его въ глазахъ княжны въ «разрядъ несчастныхъ». Увѣрена, что Грушницкій разжалованъ въ солдаты за дуэль и съ любопытствомъ слушаетъ свѣтскія сплетни о похожденияхъ Печорина. «Дерзкій лорнетъ» Печорина ее «разсердилъ не на шутку». При встрѣчахъ ея взгляды выражали досаду, стараясь выразить равнодушіе»: ей «ужасно странно, что Печоринъ, который такъ коротокъ съ ея петербургскими кузинами и тетусками», не старается познакомиться съ нею. «Неслыханная дерзость» Печорина ее «ужасно разсердила» — (Mon, Dieu, un circassien, воскликнула княжна въ ужасѣ. — Ne craignez rien, madame, — je suis plus dangereux que votre cavalier (т. е. Грушницкій). Когда же, на балу Печоринъ подошелъ къ княжнѣ и пригласилъ ее вальсировать, «она едва могла не улыбнуться и скрыть свое торжество», ей удалось, однако, довольно скоро принять равнодушный и даже строгій видъ». На желаніе Печорина доказать, что княжна ошибается относительно него, отвѣтила съ «иронической гримаской»:—Вамъ это будетъ довольно трудно, и дала ему понять, что «двери ихъ дома» для него «закрыты». — По характеристикѣ

Печорина, княжна «одна изъ тѣхъ женщинъ, которыя любятъ, чтобы ее забавляли». По собственному признанію, «не любить повтореній». Печоринъ ей казался» опаснымъ человѣкомъ, хуже убійцы», но его разсказъ «о своей участи съ самаго дѣтства» пробудилъ въ ней чувство состраданія: «оно впустило свои когти въ ея неопытное сердце». «Она была недовольна собою» и обвиняла себя въ холодности къ «несчастному». На вопросъ Печорина: «любили-ли вы? княжна «посмотрѣла на него пристально, покачала головой». Сама первая признается Печорину, въ томъ, что любитъ его, и «въ рѣшительности ея взора и голоса было что-то страшное». Она готова простить «все» Печорину, просить его говорить только правду.—«Видите ли, я много думала, стараясь оправдать ваше поведеніе, сказала княжна — можетъ быть, вы боитесь препятствій со стороны моихъ родныхъ... Это ничего: когда они узнаютъ... (ея голосъ задрожалъ) я ихъ упрошу. Или ваше собственное положеніе... но, знайте, что я всѣмъ могу пожертвовать для того, котораго люблю... О, отвѣчайте скорѣй,—сжальтесь... Вы меня не презираете, не правда-ли?» Когда Печоринъ высказалъ ей «всю истину», ея губы слегка поблѣднѣли.—«Оставьте меня, сказала она едва внятно». «Печаль тайная убиваетъ ее», но даже матери она не открываетъ причины своихъ страданій. При послѣдней встрѣчѣ съ Печоринымъ, «ея большіе глаза, казалось, искали» въ его глазахъ «что-нибудь похожее на надежду; ея блѣдныя губы напрасно старались улыбнуться», на щекахъ ея былъ «болѣзненный румянецъ, ея нѣжныя руки, сложенные на колѣняхъ, были такъ худы и прозрачны», что Печорину «стало жаль ее».—«Не правда ли, если даже вы меня любили, то съ этой минуты презираете?»—закончилъ Печоринъ свое объясненіе... Она обернулась къ нему, «блѣдная какъ мраморъ, только глаза ея чудесно сверкали.— Я васъ ненавижу.. сказала она».

Критика: Это дѣвушка неглупая, но и не пустая. Ея направленіе нѣсколько идеально, въ дѣтскомъ смыслѣ этого слова: ей мало любить человѣка, къ которому влекло бы ее чувство, непременно надо, чтобы онъ былъ несчастенъ и ходилъ въ толстой и сѣрой солдатской шинели. Печорину очень легко было оболстать ее: стоило только казаться непонятнымъ и таинственнымъ, и быть дерзкимъ. Въ ея направленіи есть нѣчто общее съ Грушницкимъ, хотя она и несравненно выше его. Она допустила обмануть себя; но когда увидѣла себя обманутою, она, какъ женщина, глубоко почувствовала свое оскорбленіе, и пала его жертвою, безотвѣтною, безмолвно страдающею, но безъ униженія,— и сцена ея послѣдняго свиданія съ Печоринымъ возбуждаетъ въ ней сильное участіе и обливаетъ ея образъ блескомъ поэзіи. Но, несмотря на это, и въ ней есть что-то какъ будто бы недосказанное, чему опять причиною то, что ея тяжбу съ Печоринымъ судило не третье лицо, какимъ бы долженъ былъ явиться авторъ. [*Вълчинскій*. Соч. т. V].

Мцыри („*Мцыри*“). — Юноша-послушникъ; ребенкомъ былъ взятъ „изъ горъ“ русскимъ генераломъ. „Душой дитя, судьбой монахъ“, онъ мало жилъ и жилъ въ плѣну“. Такихъ двѣ жизни за одну, но только полную тревогъ“, онъ „промѣнялъ-бы если-бъ могъ“. Онъ съ дѣтства зналъ одной лишь думы власть“, „одну лишь пламенную страсть“; она, по признанью Мцыри:

... Какъ червь во мнѣ жила,
Изгрызла душу и сожгла.
Она мечты мои звала
Отъ келій душныхъ и молитвъ
Въ тотъ чудный міръ тревогъ и битвъ,
Гдѣ въ тучахъ прячутся скалы,
Гдѣ люди вольны, какъ орлы.
Я эту страсть во тьмѣ ночной
Вскормилъ слезами и тоской...

Ее „предъ небомъ и землей» громко признаетъ умирающей Мцыри, и „не молитъ о прошенъ“. Эта страсть: „тоска по родинѣ святой“; желаніе „узнать прекрасна ли земля; узнать для воли иль тюрьмы на этотъ свѣтъ, родимся мы“; „хотя на мигъ, когда-нибудь свою пылающую грудь прижать съ тоской къ груди другой, хоть незнакомой, но родной“. — „Слезы не зналъ“ онъ „никогда“. Онъ „никому не могъ сказать священныхъ словъ: отецъ и мать. Но „этихъ сладостныхъ именъ“, Мцыри не въ силахъ былъ забыть. „Звукъ ихъ былъ рожденъ со мной“, говоритъ онъ. „Я видѣлъ у другихъ отчизну, домъ, друзей, родныхъ, а у себя не находилъ не только милыхъ думъ—могилъ“ „За нѣсколько минутъ между крутыхъ и темныхъ скалъ, гдѣ“ онъ «въ ребячествѣ игралъ“, онъ бѣ „рай и вѣчность промѣнялъ“. „Печать свою тюрьма“-монастырь на немъ оставила. Монастырскій колоколь „не разъ стогаялъ видѣнья сновъ живыхъ про милыхъ, близкихъ и родныхъ, про волю дикую степей, про легкихъ бѣшеныхъ коней, про битвы чудныя межъ скалъ, гдѣ всѣхъ одинъ“ онъ „побѣждалъ“. — „Ты жилъ, старикъ!“ говоритъ Мцыри монаху своему воспитателю. — Тебѣ есть въ мірѣ, что забыть; ты жилъ, — я также могъ бы жить!“ Онъ долго „тайный замыселъ ласкалъ, терпѣлъ, томился и страдалъ“. И „въ часъ ночной ужасный часъ“, „пустыхъ не тратя слезъ“, бѣжалъ. Межъ бурнымъ сердцемъ и грозою“ Мцыри чувствовалъ „живую дружбу“. Онъ „какъ братъ обняться съ бурей былъ бы радъ, глазами тучи“ онъ „слѣдилъ, рукою молніи ловилъ“. „Онъ былъ одинъ“. Ни одна звѣзда не освѣщала путь“. Но „страхъ не сжалъ души“. Онъ самъ какъ звѣрь, былъ чуждъ людей и ползъ и прятался какъ змѣй“. „И смерть казалась не страшна“. Въ пустынѣ встрѣтя барса, „онъ ждалъ минуту битвы. Сердце вдругъ зажглося жаждою борьбы и крови“...

И мы, сплетаясь какъ пара змѣй,
Обнявшись крѣпче двухъ друзей,
Упали разомъ, и во мглѣ
Бой продолжался на землѣ.
И я былъ страшенъ въ этотъ мигъ;
Какъ барсъ пустынный, золь и дикъ,
Я пламенѣлъ, визжалъ, какъ онъ:
Какъ будто самъ я былъ рожденъ
Въ семействѣ барсовъ и волковъ
Подъ свѣжимъ пологомъ лѣсовъ.
Казалось, что слова людей
Забылъ я,—и въ груди моей
Родился тотъ ужасный крикъ,
Какъ будто съ дѣтства мой языкъ
Къ иному звуку не привыкъ...

Мцыри увѣренъ въ томъ, что „быть бы могъ въ краю отцовъ не изъ послѣднихъ удальдовъ“. „Безъ словъ“ ему былъ внятень разговоръ ручья, „немолчный рокотъ, вѣчный споръ съ упрямой грудю камней.“ Онъ угадалъ „думы“ темныхъ скалъ, когда потокъ ихъ раздѣлялъ“. — „Ты хочешь знать, что дѣлалъ я на волѣ“? спрашиваетъ Мцыри монаха. „Жилъ, и жизнь моя, безъ этихъ трехъ блаженныхъ дней была—бѣ печальной и мрачнѣй, безсильной старости твоей... И было сердцу моему легко, не знаю, почему...“ говоритъ Мцыри. Все, что онъ „чувствовалъ тогда, тѣ думы—имъ ужъ нѣтъ слѣда“. „Воспоминанья тѣхъ минутъ во мнѣ, — говоритъ Мцыри“, — со мной пускай умрутъ.“ „Рука судьбы“ его „вела инымъ путемъ“: и „тщетно спорилъ“ онъ „съ судьбой“: она смѣялась надъ нимъ. Онъ сбился съ прямой дороги отклонился отъ цѣли и долженъ былъ „унести въ могилу за собой тоску по родинѣ святой, надеждъ обманутыхъ, укоръ“, познать что бесполезно „тайный замыселъ ласкалъ“: и онъ умретъ ему рабомъ и сиротой“.

Да, заслужилъ я жребій мой!
 Могучій конь, въ степи чужой
 Плохого сбросивъ сѣдока,
 На родину издалека
 Найдеть прямой и краткій путь...
 Что я предъ нимъ?—Напрасно грудь
 Полна желаньемъ и тоской:
 То жаръ безсильный и пустой,
 Игра мечты, болѣзнь ума.

«Едва взошла заря палящій лучъ ея обжогъ въ тюрьмѣ воспитанный цвѣтокъ». — Поднятый монахами Мцыри «на допросъ не отвѣчалъ» и «гордо» слушалъ увѣщанія «чернеца»: «мои дѣла не много пользы вамъ узнать, а душу можно-ль рассказать? Последнее его желанье-воля:

«Когда я стану умирать,—
 И вѣрь, тебѣ не долго ждать,—
 Ты перенеси меня вели
 Въ нашъ садъ, въ то мѣсто, гдѣ цвѣли
 Акаціи бѣлыхъ два куста...
 Трава межъ ними такъ густа,
 И свѣжій воздухъ такъ душистъ,
 И такъ прозрачно золотистъ
 Играющій на солнцѣ листъ!
 Тамъ положить вели меня.
 Сіяньемъ голубаго дня
 Упьюся я въ послѣдній разъ.
 Оттуда виденъ и Кавказъ!
 Быть можетъ, онъ съ своихъ высотъ
 Привѣтъ прощальный мнѣ пришлетъ
 Пришлетъ съ прощальнымъ вѣтеркомъ...
 И близъ меня передъ концомъ
 Родной опять раздастся звукъ!
 И стану думать я, что другъ
 Иль братъ, склонившись надо мной,
 Отеръ внимательной рукой
 Съ лица кончины хладный потъ,
 И что въ-полголоса поетъ
 Онъ мнѣ про милую страну...
 И съ этой мыслью я засну,
 И никого не прокляну!..

Критика. 1) По словамъ Н. А. Котляревскаго, Лермонтовъ «довѣрилъ Мцыри всѣ думы и чувства послѣднихъ лѣтъ своей жизни». «Кто не узнаетъ въ этомъ Мцыри самого автора? За исключеніемъ монастырской жизни, которая обрисована въ поэмѣ слишкомъ мрачными красками, не соответствовавшими той обстановкѣ, въ которой жилъ поэтъ,—все остальное взято прямо изъ личныхъ воспоминаній: одинокое дѣтство, мечтательность, жажда великихъ подвиговъ и тоска по любви и свободѣ». — Все, что вынесъ Мцыри изъ своей отчаянной попытки вырваться на волю, было: трехдневная жизнь съ природой, сонъ любви и безплодный геройскій подвигъ—убійство—невиннаго звѣря. Не то же ли самое вынесъ и Лермонтовъ изъ своей кочевой жизни на Кавказѣ?» 2) «Черты демонизма въ творчествѣ Л.: гордая душа, отчужденіе отъ міра и небесъ, презрѣніе къ мелкимъ страстямъ и малодушію. Демону міръ тѣсенъ и жалокъ; для «Мцыри»—міръ ненавистенъ, потому что въ немъ нѣтъ воли,

нѣтъ воплощенія идеаловъ, воспитанныхъ страстнымъ воображеніемъ сына природы, нѣтъ исхода могучему пламени, съ юныхъ лѣтъ живущему въ груди. «Мцыри» и «Демонъ» пополняютъ другъ друга. Разница между ними—не психологическая, а внѣшняя историческая. Демонъ богатъ опытомъ, онъ цѣлые вѣка наблюдалъ человѣчество—и научался презирать людей сознательно и равнодушно. Мцыри гибнетъ въ цвѣтущей молодости, въ первомъ порывѣ въ волѣ и счастью; но этотъ порывъ до такой степени рѣшителенъ и могучъ, что юный узникъ успѣваетъ подняться до идеальной высоты демонизма. Нѣсколько лѣтъ томительнаго рабства и одиночества, потомъ нѣсколько часовъ восхищенія свободой и величіемъ природы подавили въ немъ голосъ человѣческой слабости. Демоническое міросозерцаніе, стройное и логическое въ рѣчахъ Демона, у Мцыри—крикъ преждевременной агоніи. Демонизмъ—общее поэтическое настроеніе, слагающееся изъ гнѣва и презрѣнія; тѣмъ зрѣлѣе становится талантъ поэта, тѣмъ реальнѣе выражается это настроеніе, и аккордъ разлагается на болѣе частные, но за-то и болѣе опредѣленные мотивы». [Ив. Ивановъ. «Лермонтовъ»].

Печоринъ, Григорій Александровичъ («Герой нашего времени»).— «Съ перваго взгляда ему казалось» не болѣе двадцати трехъ лѣтъ. «Онъ былъ средняго роста; стройный, тонкій станъ его и широкія плечи доказывали крѣпкое сложеніе, способное переносить всѣ трудности кочевой жизни и переменны климатовъ, непобѣжденное ни развратомъ столичной жизни, ни бурями душевными. «Его походка была небрежна и лѣнива», «онъ не размахивалъ руками». «Въ его улыбкѣ было что-то дѣтское. Его кожа имѣла какую-то женскую нѣжность; бѣлокурые волосы, выющіеся отъ природы, такъ живописно обрисовывали его блѣдный благородный лобъ, на которомъ только по долгомъ наблюденіи можно было замѣтить слѣды морщинъ, пересѣкавшихъ одна другую». «Несмотря на свѣтлый цвѣтъ его волосъ, усы его и брови были черные—признакъ породы въ человѣкѣ, такъ, какъ черная грива и черный хвостъ у бѣлой лошади». «У него былъ немного вздернутый носъ, зубы ослѣпительной бѣлизны и каріе глаза»; «они не смѣялись; когда онъ смѣялся». «Изъ-за полупущенныхъ рѣсницъ они сіяли какимъ-то фосфорическимъ блескомъ, если можно такъ выразиться. То не было отраженіе жара душевнаго, или играющаго воображенія, то былъ блескъ, подобный блеску гладкой стали, ослѣпительный, но холодный; взглядъ его—непродолжительный, но пронизательный и тяжелый—оставлялъ по себѣ непріятное впечатлѣніе нескромнаго вопроса, и могъ бы казаться дерзкимъ, если-бъ не былъ столь равнодушно-спокоенъ». Печоринъ былъ «вообще очень не дуренъ и имѣлъ одну изъ тѣхъ оригинальныхъ фізіономій, которыя нравятся женщинамъ». — По характеристикѣ Максима М., «славный малый», «только немножко со странностями человѣкъ». «Въ дождикъ, въ холодъ цѣлый день на охотѣ; всѣ иззябнуть, устанутъ—а ему ничего. А другой разъ сидитъ у себя въ комнатѣ, вѣтеръ пахнетъ, увѣряетъ, что простудился; ставнемъ стукнетъ, онъ вздрогнетъ и поблѣднѣетъ»,—а то «ходилъ на кабана одинъ на одинъ», «по цѣлымъ часамъ слова не добьешься, за то иногда какъ начнетъ рассказывать такъ животики надорвешь со смѣха»... «Одинъ изъ тѣхъ людей, у которыхъ на роду написано, что съ ними должны случаться разныя необыкновенныя вещи». По собственному признанію, въ молодости, съ той минуты, когда «вышелъ изъ опеки родныхъ», сталъ наслаждаться бѣшенно всѣми удовольствіями, которыя можно достать за деньги, удовольствія эти «опротивѣли». «Потомъ пустился «въ большой свѣтъ, и скоро общество» «также надѣло; влюблялся въ свѣтскихъ красавицъ, и былъ любимъ—но ихъ любовь только раздражала воображеніе и самолюбіе, а сердце осталось пусто»... «Сталъ читать, учиться—науки также надѣли». Онъ пришелъ къ заключенію, «что ни слава, ни счастье отъ нихъ не зависятъ нисколько, потому что самые счастливые люди—невѣжды, а слава—удача, и, чтобъ добиться ея, надо только быть ловкимъ».

Самое «счастлиное время» провелъ на Кавказѣ въ «дѣйствующемъ отрядѣ»; лѣчился на водахъ, за дуэль съ Грушинскимъ былъ присланъ въ N-скую крѣпость. На Кавказъ пріѣхалъ въ надеждѣ, что «скука не живетъ подъ чеченскими пулями», но «черезъ мѣсяцъ» «такъ привыкъ къ ихъ жужжанью и къ близости смерти», что скоро «обращалъ больше вниманія на комаровъ,—ему стало еще скучнѣе прежняго, потому что онъ потерялъ почти послѣднюю надежду». — «Тихія радости и спокойствіе душевное» не по немъ. Онъ самъ сравниваетъ себя съ матросомъ, «рожденнымъ и выросшимъ на палубѣ разбойничьяго брига, душа котораго слилась съ бурями и битвами». «Изъ жизненной бури» вынесъ «только нѣсколько идей, и ни одного чувства»; «изъ горнила страстей» вышелъ «твердъ и холоденъ какъ желѣзо, но утратилъ навѣки пылъ благородныхъ стремленій—лучшій цвѣтъ жизни», хотя «еще не осушилъ чаши страданій». Давно уже живетъ «не сердцемъ, а головою»; «взвѣшиваетъ, разбираетъ свои собственныя страсти и поступки со строгимъ любопытствомъ, но безъ участія.» «Жизнь сдѣлала «его нравственной калѣжкой». «Одна половина души высохла, испарилась, умерла», и онъ самъ ее отрѣзалъ и бросилъ,—тогда какъ другая шевелилась и жила къ услугамъ каждаго, и никто это не замѣтилъ». У Печорина несчастный характеръ: «воспитаніе ли меня сдѣлало такимъ, Богъ ли такъ меня создалъ, не знаю; знаю только то, что если я причиною несчастія другихъ, то и самъ не менѣе несчастливъ», говорилъ онъ. Душа его «испорчена свѣтомъ, воображеніе безпокойное, сердце ненасытное», ему все мало: къ печали онъ также легко привыкаетъ какъ къ наслажденію». «Живетъ по ваушенію минуты». Онъ сравниваетъ себя и свою жизнь съ человѣкомъ, «звѣвающимъ на балѣ, который не ѣдетъ спать только потому, что еще нѣтъ его кареты». Жить для Печорина, «значитъ быть всегда на стражѣ. Ловить каждый взглядъ, значеніе каждаго слова, угадывать намѣренія, разрушать заговоры, притворяться обманутымъ, и вдругъ, однимъ толчкомъ, опрокинуть все огромное и многотрудное зданіе хитростей и замысловъ». — Онъ не скучаетъ «въ пустынѣ съ самимъ собою». Печоринъ «не способенъ къ дружбѣ»: «изъ двухъ друзей всегда одинъ рабъ другого, хотя часто ни одинъ изъ нихъ въ этомъ себѣ не признается». Рабомъ, и въ дружбѣ и въ любви, Печоринъ быть не можетъ, а повелѣвать въ этомъ случаѣ—для него «трудъ утомительный», потому что надо вмѣстѣ съ этимъ и обманывать». — «Размѣна чувства и мыслей между нами не можетъ быть: мы знаемъ одинъ о другомъ все, что хотимъ знать, и знать больше не хотимъ», говоритъ онъ Вернеру, котораго считаетъ «умнымъ», «замѣчательнымъ во всѣхъ отношеніяхъ человѣкомъ» и своимъ «пріателемъ». — Вотъ насъ двое умныхъ людей; мы знаемъ заранѣе, что обо всемъ можно спорить до безконечности, и потому не споримъ; мы знаемъ почти всѣ сокровенныя мысли другъ друга; одно слово—для насъ цѣлая исторія; видимъ зерно каждаго нашего чувства сквозь тройную оболочку». «Намъ рѣшительно нельзя разговаривать, прибавляетъ Печоринъ: мы читаемъ въ душѣ другъ друга». Людей и ихъ «слабыя струны» Печоринъ хорошо знаетъ и находитъ, что «безъ дураковъ на свѣтѣ было бы скучно». «Болѣе чѣмъ друзья любить враговъ, «хотя не по-христіански»: они «забавляютъ, волнуютъ кровь». — Подчинять своей волѣ все, что его окружаетъ—«первое удовольствіе» Печорина. «Возбуждать къ себѣ чувство любви, преданности и страха, не есть ли первый признакъ и величайшее торжество власти? Быть для кого-нибудь причиною страданій и радости, не имѣя на то никакого положительнаго права, не самая ли это сладкая пища нашей гордости?» спрашиваетъ онъ самого себя. «Счастье Печорина—«насыщенная гордость». Онъ былъ бы счастливъ, «если бы самъ «почиталъ себя лучше, могущественнѣе всѣхъ на свѣтѣ», но онъ привыкъ во всемъ себѣ признаваться, и въ то же самое время въ немъ живетъ «болѣзнь показаться смѣшнымъ самому себѣ». — Высшее самопознаніе человѣка: тѣ душевныя грозы, когда душа «проникается своей собственной жизнью, делѣетъ и наказываетъ себя, какъ любимаго ребенка». Только въ этомъ высшемъ состояніи самопознанія человѣкъ можетъ оцѣнить правосудіе

Божіе». «Страсти не что иное, какъ идеи при первомъ своемъ развитіи: онѣ принадлежность юности сердца, и глупецъ тотъ, кто думаетъ ими цѣлую жизнь любоваться. «Спокойствіе», по убѣжденію Печорина, «признаетъ великой, хотя скрытой силы»; «полнота и глубина чувствъ и мыслей не допускаетъ бѣшеныхъ скачковъ: душа, страдая и наслаждаясь, даетъ во всемъ себѣ строгій отчетъ и убѣждается въ томъ, что такъ должно», но «звѣзда счастья долго вѣрно служила его прихотямъ». «Присутствіе энтузіаста обдаетъ его крещенскимъ холодомъ, а частыя сношенія съ вялымъ флегматкомъ, по убѣренію Печорина, сдѣлали бы изъ него страстнаго мечтателя».

У него, „врожденная страсть противорѣчить“; вся его жизнь была только цѣпью грустныхъ и неудачныхъ противорѣчій сердцу и разсудку. «Разсудокъ говорилъ, что уже прошелъ тотъ періодъ жизни душевной, когда ищутъ только счастья, когда сердце чувствуетъ необходимость любить сильно и страстно кого-нибудь». Сердце говорило иное, жаждало счастья.—Въ Печоринѣ живутъ два человѣка: «одинъ живетъ въ полномъ смыслѣ этого слова, другой мыслить и судить его». — „Ничего не любить“ кромѣ самого себя и женщинъ; онъ ихъ не боится—постигъ ихъ мелкія слабости“, но всегда готовъ имъ жертвовать спокойствіемъ, честолюбіемъ, жизнью“, даже „честью“, готовъ „на всѣ жертвы, кромѣ одной: жертвы сволюбой. И въ тоже время убѣжденъ, что «его любовь никому не принесла счастья, потому что онъ не жертвовалъ для тѣхъ, кого любилъ: „я любилъ для себя, для собственнаго удовольствія; я только удовлетворялъ странную потребность сердца, съ жадностью поглощая ихъ чувства, ихъ нѣжность, ихъ радости и страданія—и никогда не могъ насытиться. «Для Печорина „есть необъятное наслажденіе въ обладаніи молодой едва распустившейся души! Она какъ цвѣтокъ, котораго лучшій ароматъ испаряется навстрѣчу первому лучу солнца; его надо сорвать въ эту минуту и, подышавъ имъ до сыта, бросить на дорогѣ: авось, кто-нибудь подниметъ!» „Я, пишетъ Печоринъ, чувствую въ себѣ эту ненасытную жадность, поглощающую все, что встрѣчается на пути; я смотрю на страданія и радости другихъ только въ отношеніи къ себѣ, какъ на пищу, поддерживающую силы“. У него бывають минуты, когда онъ понимаетъ Вампира. Самыя страданія другихъ доставляютъ ему „необъятное наслажденіе. Жажда обладанія молодой душой“ заставляетъ его „упорно добиваться любви молоденькой дѣвочки (Мери)—которую обольстить“ онъ не хочетъ и на которой увѣренъ, что „никогда не женится“. «Зачѣмъ? Къ чему это женское кокетство? «задаетъ вопросъ Печоринъ. На признаніе княжны Мери онъ молчалъ. Онъ зналъ, что ее беспокоило это молчаніе, но „покаялся не говорить ни слова изъ любопытства“. Ему „хотѣлось видѣть какъ она выпутается изъ затруднительнаго положенія“. Онъ не оправдывается, не желаетъ объяснять своихъ поступковъ, но прямо говоритъ ей „всю истину“:—„я васъ не люблю“. Когда онъ ошибся въ своемъ чувствѣ къ Белѣ онъ также прямо признается Максиму Максимовичу:—„Если вы хотите, я ее еще люблю, я ей благодаренъ за нѣсколько минутъ довольно сладкихъ, я за нее отдамъ жизнь, только мнѣ съ нею скучно“.

По собственнымъ словамъ, онъ глупо созданъ, ничего не забываетъ: „ни одного отгѣнка, ни одной черты не стерло время“. „Нѣтъ въ мірѣ человѣка, надъ которымъ прошедшее пріобрѣтало-бы такую власть, какъ надо мною. Всякое напоминаніе о минувшей печали, или радости, пишетъ Печоринъ, болѣзненно ударяетъ въ мою душу и извлекаетъ изъ нея все тѣ же звуки“. „Ужасная грусть стѣснила его сердце“, когда Вернеръ рассказалъ ему про встрѣчу съ Вѣрой. По легкимъ признакамъ, нарисованнаго Вернеромъ портрета Вѣры, Печоринъ узналъ „женщину которую любилъ въ старину“ и сердце его билось сильнѣе обыкновеннаго“. „Забутый трепетъ пробѣжалъ по его жиламъ при звукѣ этого милаго голоса“. Онъ знаетъ, что Вѣра единственная женщина, которая любить его такъ какъ никто не будетъ любить и которую онъ не въ силахъ былъ-бы обмануть. Воспоминаніе о ней „останется неприкосновеннымъ въ

душѣ“, хотя онъ увѣренъ, что они оба пойдутъ разными путями до гроба. Онъ „хочетъ быть любимымъ“, ищетъ одной постоянной привязанности и знаетъ, что „никогда не дѣлался рабомъ любимой женщины“, но «всегда приобрѣталъ надъ ихъ волей и сердцемъ непобѣдимую власть, вовсе объ этомъ не стараясь». «Любившая разъ тебя не можетъ смотрѣть безъ нѣкотораго презрѣнія на другихъ мужчинъ, не потому, чтобъ ты былъ лучше ихъ, о, нѣтъ! но въ твоей природѣ есть что-то особенное, тебѣ одному свойственное, что-то гордое и таинственное; въ твоемъ голосѣ, что бы ты ни говорилъ, есть власть непобѣдимая; никто не умѣетъ такъ постоянно хотѣть быть любимымъ; ни въ комъ зло не бываетъ такъ привлекательно; ни чей взоръ не обѣщаетъ столько блаженства; никто не умѣетъ лучше пользоваться своими преимуществами, и никто не можетъ быть такъ истинно несчастливъ, какъ ты, потому что никто столько не старается увѣрить себя въ противномъ»,—таковъ отзывъ Вѣры, «единственной женщины,» которая, по признанью Печорина, „поняла его совершенно“. «Состраданіе» къ его несчастьямъ покорило ему сердце княжны Мери. Дикарка Бѣла передъ смертью печалилась, что „иная женщина будетъ въ раю подругой Печорина. Самъ Печоринъ увѣренъ, что женщина все „сдѣлаетъ, чтобы огорчить соперницу“, что „нѣтъ ничего парадоксальнѣе женскаго ума“; разсудокъ у нихъ не дѣйствуетъ, но языкъ, глаза и вслѣдъ за ними, сердце, если оное имѣется. „Не въ припадкѣ досады и оскорбленнаго самолюбія“ онъ старается „сдернуть съ нихъ то волшебное покрывало, съвозъ которое лишь привычный взоръ проникаетъ,„. „Онъ постигъ ихъ мелкія слабости“ и полюбилъ женщинъ съ тѣхъ поръ во сто разъ больше“.

Сердце его болѣзненно сжалось послѣ свиданія съ Вѣрой, какъ послѣ перваго разставанья“. Онъ считаетъ Вѣру единственной женщиной „понявшей его совершенно“, и «женское кокетство» влечетъ его къ Мери. „Зачѣмъ?“ „Неужто я влюбленъ, — я такъ глупо созданъ, что этого можно отъ меня ожидать!“ — допытывается онъ самого себя. Записка Вѣры, мысль не заставъ ее въ Пятигорскѣ, какъ „молоткомъ“ ударили въ сердце. „При возможности потерять ее навѣки, Вѣра стала для него дороже всего на свѣтѣ—дороже жизни, или счастья“. И когда измученный, конь палъ и Печоринъ, остался не достигнувъ цѣли, одинъ въ степи, онъ „упалъ на мокрую траву и какъ ребенокъ заплакалъ“, „не стараясь удерживать слезъ и рыданій“. „Душа обезсилила, разсудокъ замолкъ“.—Когда онъ увидѣлъ Бѣлу въ своемъ домѣ“, когда онъ цѣловалъ ея локоны, онъ подумалъ, что это ангелъ, посланный ему сострадательной судьбой“. Онъ „опять ошибся“. Онъ вынесъ только одно убѣжденіе, что «любовь дикарки немногимъ лучше любви знатной барыни; невѣжество и простосердечіе одной также скоро надобѣдаетъ, какъ и кокетство другой“. Но послѣ смерти Бѣлы, «онъ былъ долго нездоровъ и исхудалъ».—

Онъ вѣритъ въ предчувствія: они „никогда его не обманывали“, вѣритъ въ предопредѣленіе и сомнѣвается во всемъ. Это расположеніе не мѣшаетъ рѣшительности характера; напротивъ, что до меня касается, говоритъ Печоринъ, то я всегда иду смѣлѣе впередъ, когда не знаю, что меня ожидаетъ.» «Онъ убѣжденъ въ одномъ, что хуже смерти ничего не случится, а смерти не минуешь.» Какихъ либо прочныхъ убѣжденій у Печорина нѣтъ.» «Люди часто, по его словамъ, принимаютъ за убѣжденіе обманъ чувствъ или промахъ разсудка», но его томитъ мысль: «Зачѣмъ я жилъ? я для какой цѣли родился?» спрашиваетъ Печоринъ и, вмѣсто отвѣта, одни предположенія: „вѣрно она (т.-е. цѣль жизни) существовала и вѣрно было мнѣ назначеніе высокое, потому что я чувствую въ душѣ моей силы необъятныя“. Но онъ „не угадалъ этого назначенія“, увлекся приманками страстей пустыхъ и неблагонадежныхъ“. И въ то же самое время, онъ говоритъ, что «довольно равнодушенъ ко всему. «Печальное ему смѣшно», «смѣшное, грустно». Онъ «не принадлежалъ къ толпѣ, а если не сталъ ни злодѣемъ, ни святымъ, то отъ лѣни». Онъ самъ знаетъ, что одни «почитаютъ» его «хуже, другіе лучше», чѣмъ онъ «въ самомъ дѣлѣ».

«Одни скажутъ добрый малый, другіе мерзавецъ». Изъ опыта жизни онъ вынесъ одно отчаяніе:—«не то отчаяніе, которое лѣчатъ дуломъ пистолета, но холодное безсильное отчаяніе, прикрытое любезностью и добродушной улыбкой».

—У него скрытный характеръ; онъ знаетъ, что когда умерла Бѣла, лицо Печорина не „выражало ничего особеннаго“. На утѣшенія „больше изъ приличія“ Максима Максимовича, Печоринъ поднималъ голову и засмѣялся. Но когда тотъ же Максимъ Максимовичъ напомнилъ ему, встрѣчѣ во Владикавказѣ, о Бѣлѣ, Печоринъ „чуть-чуть поблѣднѣлъ и отвернулся“.—Да, помню!—сказалъ онъ, почти тотчасъ принужденно зѣвнувъ, „Радости забываются, печали никогда“.—Природа и поэзія дѣйствуютъ на него сильнѣе всего. „Нѣтъ женскаго взора, котораго бы онъ не забылъ при видѣ кудрявыхъ горъ, озаренныхъ солнцемъ, при видѣ голубого неба, или внимая шуму потока, падающаго съ утеса на утесъ“.

«Какая бы горестъ не лежала на сердцѣ, какое бы безпокойство ни томило мысли,—все въ минуту разсѣется; на душѣ станетъ легко...—Зачѣмъ тутъ страсти, желаніе, сожалѣніе? когда „воздухъ чистъ и свѣжъ на поцѣлуй ребенка; солнце ярко, небо сине,—чего бы, кажется, больше?“ Передъ поединкомъ, готовясь къ смерти, онъ можетъ забыться „увлеченный волшебнымъ вымысломъ“ Вальтеръ - Скотта, „любопытно всматриваться въ каждую росинку“ Смерти онъ не боится, онъ постоянно рискуетъ жизнью, но „безъ спора не подставитъ свой лобъ“ подъ пулю противника“.

— „Умереть такъ умереть!—говоритъ онъ. — Потеря для міра не большая“. Но и думая о смерти онъ думаетъ, объ одномъ себѣ о тѣхъ двухъ людяхъ, которые живутъ въ немъ: первый, быть можетъ „простится съ міромъ навѣки, а второй... второй?..“ Жизнь „для него становится пустѣе съ каждымъ днемъ“. Онъ считаетъ, что ему осталось одно средство: «путешествовать», но только не по Европѣ, авось, умереть «гдѣ нибудь на дорогѣ». «Всеякому своя дорога», говоритъ Печоринъ на прощанье Максиму Максимовичу, отправляясь «въ Персію и далѣе».—На возвратномъ пути изъ Персіи «Печоринъ умеръ».

Критика: 1) Самъ *Лермонтовъ* считалъ «Героя Нашего времени» портретомъ, но не одного человѣка: это „портретъ составленный изъ пороковъ всего нашего поколѣнія, въ полномъ ихъ развитіи“. Авторъ рисовалъ „современнаго человѣка“, какимъ онъ его понимаетъ и „слишкомъ часто встрѣчалъ“, *Лермонтовъ*. (Предисловіе ко 2-му изданію „Героя Нашего времени“). — Мнѣнія критики на печоринскій типъ раздѣлились. Одни считали Печорина человѣкомъ съ великою силою духа, но загубленнымъ обстоятельствами жизни, (Бѣлинскій) другіе, видѣли въ немъ—типъ свѣтскаго фата со слабою волею достаточно пошлаго и ведущаго безцѣльное существованіе (Добролюбовъ). Источникъ этого разногласія Котляревскій видитъ въ туманности самого образа, въ томъ, что образъ, взятый изъ современной жизни и поставленный въ такую реальную обстановку, тѣмъ не менѣе образъ слишкомъ общій».

2) Въ Печоринѣ,—говоритъ Бѣлинскій,—два человѣка «первый дѣйствуетъ, второй смотритъ на дѣйствіе перваго, и разсуждаетъ о нихъ или, лучше сказать, осуждаетъ ихъ, потому что они дѣйствительно достойны осужденія. Причины этого раздвоенія, этой ссоры съ самимъ собою, очень глубоки, и въ нихъ же заключается противорѣчіе между глубокостью натуры и жалкостью дѣйствій одного и того же человѣка.» Печоринъ, ошибочно дѣйствуя, еще ошибочнѣе судитъ себя. «Онъ смотритъ на себя, какъ на человѣка, вполне развившагся и опредѣлившагся: удивительно ли что и его взглядъ на человѣка вообще мраченъ, желченъ и ложенъ?.. Онъ какъ будто не знаетъ, что есть эпоха въ жизни человѣка, когда ему досадно, зачѣмъ дуракъ глупъ, подлець низокъ, зачѣмъ толпа пошла, зачѣмъ на сотню пустыхъ людей едва

встрѣтишь одного порядочнаго человѣка... Онъ какъ будто не знаетъ, что есть такія пылкія и сильныя души, которыя въ эту эпоху своей жизни находятъ неизъяснимое наслажденіе въ сознаніи своего превосходства, мстятъ посредственности за ея ничтожность, вмѣшиваются въ ея расчеты и дѣла, чтобы мѣшать ей, разрушая ихъ... Но еще болѣе, онъ какъ будто бы не знаетъ, что для нихъ приходитъ другая эпоха жизни—результатъ первой, когда они или равнодушно на все смотрятъ, не сочувствуя добру, не оскорбляясь зломъ, или увѣряются, что въ жизни и зло необходимо, какъ и добро, что въ арміи общества человѣческаго рядовыхъ всегда должно быть больше, чѣмъ офицеровъ, что глупость должна быть глупа, потому что она глупость, а подлость подла, потому что она подлость, и они оставляютъ ихъ идти своею дорогою, если не видятъ въ нихъ зла, или не видятъ возможности помѣшать ему, и повторяютъ про себя то съ радостью, то съ грустною улыбкою: «и все то благо, все добро!» Увы, какъ дорого достается уразумѣніе самыхъ простыхъ истинъ!.. Печоринъ еще не знаетъ этого, и именно потому, что думаетъ, что все знаетъ».

«Печорина обвиняютъ,—продолжаетъ тотъ же критикъ, въ томъ, что въ немъ нѣтъ вѣры. Прекрасно! но вѣдь, это то же самое, что обвинять нищаго за то, что у него нѣтъ золота: онъ бы и радъ имѣть его, да не дается оно ему. И притомъ развѣ Печоринъ радъ своему безвѣрію? развѣ онъ гордится имъ? развѣ онъ не страдалъ отъ него? развѣ онъ не готовъ цѣною жизни и счастья купить вѣру, для которой еще не настала часъ его?.. Вы говорите, что онъ эгоистъ?—Но развѣ онъ не презираетъ и не ненавидитъ себя за это? развѣ сердце его не жаждетъ любви чистой и безкорыстной? Нѣтъ, это не эгоизмъ: эгоизмъ не страдаетъ, не обвиняетъ себя, но доволенъ собою, радъ себѣ. Эгоизмъ не знаетъ мученія; страданіе есть удѣлъ одной любви. Душа Печорина не каменная почва, но засохшая отъ зноя пламенной жизни земля: пусть взрыхлитъ ея страданіе и ороситъ благодатный дождь,—и она произраститъ изъ себя пышные, роскошныя цвѣты небесной любви... Этому человѣку стало больно и грустно, что всѣ его не любятъ,—и кто же эти «всѣ?»—пустые, ничтожные люди, которые не могутъ простить ему его превосходства надъ ними. А его готовность задуть въ себѣ ложный стыдъ, голосъ свѣтской чести и оскорбленнаго самолюбія, когда онъ за признаніе въ клеветѣ готовъ былъ простить Грушницкому,—человѣку, сейчасъ только выстрѣлившему въ него пулею и безстыдно ожидавшему отъ него холостого выстрѣла? А его слезы и рыданія въ пустынной степи, у тѣла издохшаго коня?—нѣтъ, все это не эгоизмъ! Но его—скажете вы—холодная расчетливость, систематическая разсчитанность, съ которою онъ обольщаетъ бѣдную дѣвушку, не любя ея, и только для того, чтобы посмѣяться надъ нею, и чѣмъ-нибудь занять свою праздность?—Такъ, но мы и не думаемъ оправдывать его въ такихъ поступкахъ, ни представлять его образцомъ, высокимъ идеаломъ чистѣйшей нравственности; мы только хотимъ сказать, что въ человѣкѣ должно видѣть человѣка, и что идеалы нравственности существуютъ въ однихъ классическихъ трагедіяхъ и морально-сентиментальныхъ романахъ прошлаго вѣка. Судя о человѣкѣ, должно брать въ разсмотрѣніе обстоятельства его развитія и сферу жизни, въ которую онъ поставленъ судьбою. Въ идеяхъ Печорина много ложнаго, въ ощущеніяхъ его есть искаженіе; но все это выкупается его богатою натурою. Его, во многихъ отношеніяхъ, дурное настоящее обѣщаетъ прекрасное будущее. Вы восхищаетесь быстрымъ движеніемъ парохода, видите въ немъ великое торжество духа надъ природою—и хотите потомъ отрицать въ немъ всякое достоинство, когда онъ сокрушаетъ, какъ зерно жерновъ, неосторожныхъ, попавшихъ подъ его колеса: не значить ли это противорѣчить самимъ себѣ? опасность отъ парохода есть результатъ его чрезмѣрной быстроты; слѣдовательно, порокъ его выходитъ изъ его достоинства. Бываютъ люди, которые отвратительны при всей безукоризненности своего поведенія, потому что она въ нихъ есть слѣдствіе безжизненности и слабости духа. Порокъ возмутителенъ и въ великихъ людяхъ; но на-

казанный, онъ приводитъ въ умиленіе вашу душу. Это наказаніе только тогда есть торжество нравственного духа, когда оно является не извнѣ, но есть результатъ самого порока, отрицаніе собственной личности индивидуума въ оправданіе вѣчныхъ законовъ оскорбленной нравственности. Авторъ разбираемаго нами романа, описывая наружность Печорина, когда онъ съ нимъ встрѣтился на большой дорогѣ, вотъ что говоритъ о его глазахъ: «Онѣ не смѣялись, когда онъ смѣялся... «Вамъ не случалось замѣчать такой странности у нѣкоторыхъ людей? Это признакъ или злого нрава, или глубокой, постоянной грусти. Изъ-за полупущенныхъ рѣсницъ они сіяли какимъ-то фосфорическимъ блескомъ, если можно такъ выразиться. То не было отраженіе жара душевнаго или играющаго воображенія: то былъ блескъ, подобный блеску гладкой стали, ослѣпительный, но холодный; взглядъ его—непродолжительный, но пронзительный и тяжелый, оставлялъ по себѣ непріятное впечатлѣніе нескромнаго вопроса, и могъ казаться дерзкимъ, еслибъ не былъ столь равнодушно спокоенъ». Согласитесь, что какъ эти глаза, такъ и вся сцена свиданія Печорина съ Максимъ Максимычемъ показываютъ, что если это и порокъ, то совсѣмъ не торжествующій, и надо быть рожденнымъ для добра, чтобъ такъ жестоко быть наказану за зло?.. Торжество нравственного духа гораздо поразительнѣе совершается надъ благородными натурами, чѣмъ надъ злодѣями...

«Печоринъ,—по словамъ Бѣлинскаго,—это Онѣгинъ, нашего времени, герой нашего времени. Несходство ихъ между собою гораздо меньше разстоянія между Онѣгою и Печорою. Иногда въ самомъ имени, которое истинный поэтъ даетъ своему герою, есть разумная необходимость, хотя, можетъ быть, и невидимая самимъ поэтомъ. Со стороны художественнаго выполненія, нечего и сравнивать Онѣгина съ Печоринымъ. Но какъ выше Онѣгинъ Печорина въ художественномъ отношеніи, такъ Печоринъ выше Онѣгина, по идеѣ. Впрочемъ, это преимущество принадлежитъ нашему времени, а не Лермонтову».

«Печоринъ, въ противоположность Онѣгину не равнодушно, не апатически несетъ свое страданіе: бѣшено гоняется онъ за жизнью, ища ея повсюду; горько обвиняетъ онъ себя въ своихъ заблужденіяхъ. Въ немъ неумолчно раздаются внутренніе вопросы, тревожатъ его, мучатъ, и онъ въ рефлексіи ищетъ ихъ разрѣшенія: подсматриваетъ каждое движеніе своего сердца, разсматриваетъ каждую мысль свою. Онъ сдѣлалъ изъ себя самый любопытный предметъ своихъ наблюденій и, стараясь быть какъ можно искреннѣе въ своей словѣди, онъ не только откровенно признается въ своихъ истинныхъ недостаткахъ, но еще и выдумываетъ небывалые, или ложно истолковываетъ самыя естественныя свои движенія. Какъ въ характеристикѣ современнаго человѣка, сдѣланной Пушкинымъ, выражается весь Онѣгинъ, такъ Печоринъ весь въ этихъ стихахъ Лермонтова:

И ненавидимъ мы и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви,
И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
Когда огонь кипитъ въ крови.

[Бѣлинскій. Соч. т. 5].

3) Добролюбовъ причисляетъ Печорина къ „обломовцамъ“. И Печоринъ подобно всѣмъ обломовцамъ, склоненъ къ „идиллическому, бездѣйственному счастью“, которое ничего не требуетъ: „наслаждайся, молъ, мною, да и только“... Ужъ на что, кажется, Печоринъ, а и тотъ полагаетъ, что счастье-то, можетъ быть, заключается въ покоѣ и сладкомъ отдыхѣ. Онъ въ одномъ мѣстѣ своихъ записокъ сравниваетъ себя съ человѣкомъ, томимымъ голодомъ, который „въ изнеможеніи засыпаетъ и видитъ предъ собою роскошныя ку-

1) Статя Бѣлинскаго написана въ 1842 году.

шанья и шипучія вина; онъ пожираетъ съ восторгомъ воздушные дары воображенія, и ему кажется легче... но только проснулся, мечта исчезаетъ, остается удвоенный голодь и отчаяніе"... Въ другомъ мѣстѣ Печоринъ себя спрашиваетъ: „отчего я не хотѣлъ ступить на этотъ путь, открытый мнѣ судьбою, гдѣ меня ожидали тихія радости и спокойствіе душевное?“ Онъ самъ полагаетъ, — оттого, что „душа его сжилась съ бурями и жаждетъ кипучей дѣятельности“... Но вѣдь онъ вѣчно недоволенъ своей борьбой и самъ же безпрестанно высказываетъ, что всѣ свои дрянныя дебоширства затѣваетъ потому только, что ничего лучшаго не находитъ дѣлать... А ужъ коли не находитъ дѣла и вслѣдствіе того ничего не дѣлаетъ и ничѣмъ не удовлетворяется, такъ это значитъ, что къ бездѣлю болѣе наклоненъ, чѣмъ къ дѣлу... Та же обломовщина... — Отношенія къ людямъ и въ особенности къ женщинамъ тоже имѣютъ у всѣхъ обломовцевъ нѣкоторыя общія черты. Людей они вообще презираютъ, съ ихъ мелкимъ трудомъ, съ ихъ узкими понятіями и близорукими стремленіями». „Печоринъ, ужъ разумѣется, топчетъ всѣхъ ногами“.

«Въ отношеніи къ женщинамъ всѣ обломовцы ведутъ себя одинаково постыднымъ образомъ. Они вовсе не умѣютъ любить и не знаютъ, чего искать въ любви, точно также, какъ и вообще въ жизни. Они не прочь пококетничать съ женщиной, пока видятъ въ ней куклу, двигающуюся на пружинахъ; не прочь они и поработить себѣ женскую душу... какъ же! этимъ бываетъ очень довольна ихъ барственная натура! Но только чуть дѣло дойдетъ до чего нибудь серьезнаго, чуть они начнутъ подозрѣвать, что предъ ними дѣйствительно не игрушка, а женщина, которая можетъ и отъ нихъ потребовать уваженія къ своимъ правамъ, — они немедленно обращаются въ постыднѣйшее бѣгство. Трусовость у всѣхъ этихъ господъ непомѣрная».

«Такимъ же оказывается и Печоринъ, специалистъ по части женскаго сердца, признающійся, что кромѣ женщинъ онъ ничего на свѣтѣ не любилъ, что для нихъ онъ готовъ пожертвовать всѣмъ на свѣтѣ. И онъ признается, что во первыхъ, „не любитъ женщинъ съ характеромъ: ихъ ли это дѣло!“ — во вторыхъ, что онъ никогда не можетъ жениться. „Какъ бы страстно я не любилъ женщину“, говоритъ онъ, „но если она мнѣ дастъ только почувствовать, что я долженъ на ней жениться — прости любовь. Мое сердце превращается въ камень, и ничто не разогрѣетъ его снова. Я готовъ на всѣ жертвы, кромѣ этой; двадцать разъ жизнь свою, даже честь поставлю на карту, но свобода своей не продамъ. Отчего же я такъ дорожу ею? Что мнѣ въ ней? куда я себя готовлю? чего я жду отъ будущаго? Право, ровно ничего. Это какой-то врожденный страхъ, неизъяснимое предчувствіе“ и т. д. А въ сущности, это — больше ничего, какъ „обломовщина“ [*Добролюбовъ. Соч. т. 2*].

4) Основной мотивъ Л. поэзіи, „центральную точку“, „къ которой прямо или косвенно сводятся если не всѣ, то большинство произведеній“ Л. Михайловскій видитъ въ „области героизма“. Въ Печоринѣ послѣ Фернандо, Волина, Арсенія (Литвинка), Измаила Бея, Демона и Вадима (см.) находятся „черты прирожденнаго властнаго человѣка“. Чтобы не хотѣлъ сказать Л. заглавіемъ своего романа — иронизировалъ ли онъ, или говорилъ серьезно, собирательный ли типъ хотѣлъ дать въ П., или выдающуюся единицу, съ себя ли писалъ „Героя нашего времени“, или нѣтъ — для него самого его время было полнымъ безвременьемъ. И онъ былъ настоящимъ „Героемъ безвременья“ [*Михайловскій. Соч. т. V*]. 5 Лермонтовъ далъ намъ въ Печоринѣ не цѣльный типъ, не живой организмъ, носящій въ своемъ настоящемъ зародыши своего будущаго, а очень реально обставленное отраженіе *одного* лишь момента въ своемъ собственномъ духовномъ развитіи. Утомленный бесплодной борьбой съ одними и тѣми же вопросами, которые не поддавались рѣшенію, Лермонтовъ, въ періодъ созданія «Героя нашего времени», пришелъ къ безотрадному

рѣшенію — отбросить всё эти вопросы въ сторону, не обуздывать себя ни въ дурныхъ, ни въ хорошихъ своихъ стремленіяхъ и дать полную волю всёму гнѣздившемуся въ немъ противорѣчіямъ. Такимъ образомъ, изъ судьи онъ сталъ на время безстрастнымъ созерцателемъ этого страннаго поединка одной по лавины своего сердца съ другой. — Плодомъ этого наблюденія и явился типъ или, вѣрнѣе, образъ Печорина. Противорѣчія, свойственныя энергичному человѣку, явились соединенными въ одномъ узлѣ, въ одномъ лицѣ, правдиво схваченномъ въ частностяхъ, но въ цѣломъ нѣсколько произвольно скомпанованномъ. Такія противорѣчія, съ какими мы сталкиваемся въ личности Печорина, могли быть уравновѣшены и скрѣплены между собою лишь при одномъ условіи, — при полномъ отсутствіи въ героѣ какихъ бы то ни было сильныхъ волненій, требующихъ внимательнаго нравственнаго надзора надъ самимъ собою, т.-е. при отсутствіи всёхъ тѣхъ вопросовъ, надъ которыми Лермонтовъ трудился всю жизнь до изнеможенія. Встрѣча съ этими вопросами должна была необходимо поднять въ Печоринѣ цѣлую бурю, привести въ столкновеніе всё противорѣчія его природы и не позволить имъ существовать совмѣстно въ одномъ и томъ же человѣкѣ. Такая встрѣча должна была поднять въ немъ и вопросъ объ излечимости его болѣзни; и на этотъ вопросъ, если судить по намекамъ, разсѣяннымъ въ романѣ, герой далъ бы скорѣе утвердительный, чѣмъ отрицательный отвѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, что поддерживало и питало въ Печоринѣ его безотрадное состояніе духа? — Его разочарованіе и тоска далеко не такъ сильны, чтобы сдѣлать его совершенно безучастнымъ ко всему окружающему; гордость и самомнѣніе не настолько овладѣли имъ, чтобы поставить его внѣ всякихъ сношеній съ ближними. Его умъ и сердце не настолько сосредоточены на немъ самомъ, чтобы убить въ немъ способность интересоваться людьми и ихъ поступками. У Печорина есть такимъ образомъ, всё даннаго, чтобы попытаться стать къ окружающей жизни въ нормальное положеніе, нѣтъ только одного, — нѣтъ *желанія* сдѣлать этой попытки, которая можетъ потребовать отъ него усиленной умственной и нравственной работы. Для Печорина никакихъ вопросовъ жизни не существуетъ: онъ *самовольно* отбросилъ ихъ, не овладѣвъ ими сразу. Упорный трудъ надъ ихъ разрѣшеніемъ, трудъ теоретическій и практическій, утомилъ его, и онъ покончилъ съ задачей, переставъ о ней думать. Онъ послѣдовалъ за теченіемъ жизни, не дѣлая попытки направить ее въ ту или другую сторону; и по мѣрѣ того, какъ сама жизнь наталкивала его на тѣ или другія чувства и мысли, онъ отдавался имъ, и потому всегда самъ себѣ противорѣчилъ. Въ его рѣчахъ и поступкахъ не было никакой послѣдовательности. — Въ сущности, для Печорина не существуетъ никакихъ вопросовъ жизни, ни отвлеченныхъ, ни религіозныхъ, ни національныхъ, ни общественныхъ, ни нравственныхъ. Отъ вопросовъ философскихъ и религіозныхъ, когда они ему подвертываются, Печоринъ отдѣляется двумя-тремя словами самаго общаго характера; онъ бросаетъ какую-нибудь мысль, всего чаще въ видѣ вопроса, и не даетъ себѣ труда о ней подумать. Осмыслить жизнь на почвѣ вѣры или умозрѣнія онъ не пытается. Вопросъ національный и общественный сводится для него къ формализму службы. Онъ носитъ мундиръ и исполняетъ что ему приказано, чѣмъ и исчерпываются его обязанности относительно родины. У него нѣтъ и другихъ какихъ-либо понятій объ общественныхъ обязанностяхъ умнаго и интеллигентнаго человѣка; такимъ образомъ, и на почвѣ сознательнаго труда онъ не можетъ достигнуть соглашенія съ жизнью, и потому пассивно мирится съ своимъ положеніемъ. На нравственныхъ вопросахъ нашъ герой также останавливается лишь при случаѣ; и мы видѣли, что его афоризмы о любви, дружбѣ и эгоизмѣ не вполне оправдываются его поведеніемъ. Въ общемъ, у Печорина нѣтъ опредѣленной нравственной программы. Всё его рѣчи и поступки дѣло случая. [*Н. Котляревскій. «Лермонтовъ»*].

Тамара («Демонъ»).—Дочь князя Гудала, «свободы рѣзвое дитя». «Съ тѣхъ поръ, какъ міръ лишился рая»,—красавица такая подъ солнцемъ юга не цвѣла». «Всѣ ея движенья» были «стройны», полны выраженья и «милой красоты». «Ея душа была изъ тѣхъ, которыхъ жизнь—одно мгновенье невыносимаго мученья, недосягаемыхъ утѣхъ»; «онѣ не созданы для міра, и міръ былъ созданъ не для нихъ».

Невыразимое смятенье
Въ ея груди: печаль, испугъ
Восторга пылъ—ничто въ сравненьи.
Всѣ чувства въ ней кипѣли вдругъ:
Душа рвала свои оковы.

«Мечтой пророческой и странной» какой-то «голосъ чудно новый» смущалъ Тамару. И «часто тайное сомнѣньютомило свѣтлыя черты». — «Не будучи ничьей женой— скажи моимъ ты женихамъ: супругъ мой взять сырой землею,—другому сердцу не отдамъ», говоритъ Тамара отцу. Ее «тревожитъ духъ лукавый неотразимою мечтой, въ тиши ночной «тревожитъ толпа печальныхъ, странныхъ сновъ:» «Молиться днемъ душа не можетъ: мысль далеко отъ звука словъ; огонь по жиламъ пробѣгаетъ»...

— «Я сохну, вяну день отъ дня.
Отецъ! душа моя страдаетъ...
На свѣтѣ нѣтъ ужъ мнѣ веселья...
Святыни миромъ осѣня,
Пусть приметъ сумрачная келья,
Какъ гробъ, заранѣ меня».

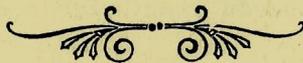
«Но и въ монашеской одеждѣ, какъ надъ узорною парчой, все беззаконною мечтой въ ней сердце билося, какъ прежде».

«Знакомая, среди моленья,
Ей часто слышалася рѣчь.
Подъ сводомъ сумрачнаго храма
Знакомый образъ иногда
Скользилъ безъ звука и слѣда;
Въ туманѣ легкомъ фиміама
Сіялъ онъ тихо, какъ звѣзда,
Манилъ и звалъ онъ... но куда?..»

«Полно думою преступной, Тамары сердце недоступно восторгамъ чистымъ. Передъ ней весь міръ одѣтъ угрюмой тѣнью; и всей въ немъ предлогъ къ мученью». «Гибельной отравой» «умъ слабѣющій объять». «Кого то ждетъ она давно» «ей кто-то шепчетъ»: «онъ придетъ»——«Кто ты? Тебя послалъ мнѣ рай или адъ»: скрашиваетъ Тамара и ствѣчаетъ: «кто бы ни былъ ты, мой другъ случайный, покой на вѣки погубя, невольню я съ отрадой тайной страдалецъ слушаю тебя». Она проситъ Д. пощадить, дать клятву роковую, «отъ злыхъ стязаній отречься» «дать обѣтъ»...——«Могучій взоръ смотрѣлъ ей въ очи, онъ жегъ ее: во мракѣ ночи надъ нею прямо онъ сверкалъ, неотразимый, какъ кинжалъ».—Смертельный ядъ его лобзанья мгновенно въ грудь ея проникъ... «Мучительный, ужасный крикъ ночное возмущилъ молчанье. Въ немъ было все: любовь, страданье, упрекъ съ послѣднею мольбой, и безнадежное прощанье— прощанье съ жизнью молодой...» «Смерти вѣчную печать ничто не въ силахъ ужъ сорвать», «И ничего въ ея лицѣ не намекало о концѣ въ пылу страстей и упоенья. И были всѣ ея черты исполнены той красоты, какъ мраморъ, чуждой выраженья, лишеной чувства и ума, таинственной, какъ смерть сама. Улыбка странная о многомъ грустномъ говорила внимательнымъ глазамъ: въ ней было хладное презрѣнье души, готовой отцвѣсти, послѣдней мысли выраженья, землѣ беззвучное: *прости*».

УКАЗАТЕЛЬ

ТИПОВЪ, ОБРАЗОВЪ ¹⁾ и ЛИЦЪ ²⁾.

¹⁾ Типы и образы, вошедшіе въ „Словарь“, отмѣчены сноской на соответствующую страницу.

²⁾ При лицахъ лишь упоминаемыхъ въ произведеніяхъ поставлено: уп. л.

А.

Авдотья Николаевна Бобковская («*Казначейша*»).—См. Бобковская, Авд. Ник.

Ада («*Ангель Смерти*»).—Подруга Зораима. „Судьбина ихъ соединила, а разлучитъ одна могила“. «Рѣзва какъ лань степная, мила какъ Пери молодая; все страстно въ ней,—и грудь, и станъ; глаза—два солнца южныхъ странъ». Все «было для нея забавно», но Зораимъ „явился ей, и пришло тогда желанье огонь въ очахъ его родить и въ мертвомъ сердцѣ возбудить любви безумное страданье. И удалось ей“. Ангель смерти „напечатлѣлъ свой поцѣлуй на устахъ покорной Ады“. Ада умираетъ; тотъ-же ангель оживляетъ умершую „душою ангельской своей“, но Ада уже не та: „умъ границамъ подчинился, и ей смѣшна ея безпечность, и ей грядущее темно“... „И чувства вѣчныя, какъ вѣчность, соединились все въ одно“. Душа ангела перешла въ тѣло Ады.

Аджи („*Каллы*“).—„Кабардинецъ черноокій“. „Онъ молодъ сердцемъ и годами“, и чуждый страха, „онъ готовъ обычаемъ дѣдовъ и отцовъ исполнить свято надъ врагами“. На грозный подвигъ онъ назначенъ «закономъ, клятвой и судьбой». Онъ поклялся своей рукой отмстить за гибель отца, матери и брата. Акбулатъ и его сынъ пали подъ ударами кинжала Аджи: „уже лежатъ два трупа на полу сыромъ“. Не пощадилъ Аджи и семнадцатилѣтнюю дочь Акбулата и вонзилъ кинжалъ въ грудь спящей, но не могъ оторвать взгляда отъ убитой. „И въ думахъ тонетъ его душа“. Отецъ и мать и братъ отомщены, но самъ Аджи безсиленъ забыть не „крикъ смерти“, а „голосъ муки“, заговорившей въ немъ самомъ. Онъ ушелъ въ горы, сталъ странникомъ безвѣстнымъ, „опаснымъ въ мирѣ и бояхъ“; „какъ дикій звѣрь людей чуждался и женщинъ онъ ласкать не могъ“.

Азаматъ («*Герой нашего времени*»).—Сынъ мирного князя, братъ Бѣлы, „мальчикъ лѣтъ пятнадцати“. „Повѣса, головорѣзъ, проворный на что хочешь: шапку поднять на всемъ скаку, изъ ружья ли стрѣлять“. Изъ боязни русскихъ отецъ не пускалъ его въ горы. „Ужасно былъ падохъ на деньги. За червонецъ, обѣщанный Печориннымъ, украсть лучшаго козла изъ отцовскаго стада и притащить его за рога“ въ крѣпость. За обладаніе полюбившимся ему конемъ Казбича, готовъ все сдѣлать: украсть у отца лучшую винтовку или шапку. „Ласкаясь“ къ Казбичу, называетъ его добрымъ человѣкомъ, храбрымъ джигитомъ. —Я умру, если ты не продашь мнѣ его (Карагѣза)—говорилъ А. „дрожащимъ голосомъ“ и заплакалъ, «хотя въ другое время ничѣмъ у него слезъ не выбьешь, даже когда былъ и помоложе». За коня онъ готовъ отдать сестру въ жены Казбичу—«не бывало такой жены и у турецкаго падишаха». «Неужели не стоитъ Бѣла твоего скакуна?» И онъ упрашивалъ Казбича «согласиться, и плакалъ, и лѣстилъ ему, и клялся». Когда же Казбичъ прогналъ его, назвавъ «безумнымъ мальчишкой», котораго на первыхъ трехъ

шагахъ сбросить Карагёзъ, А. бросился на Казбича. Такъ было всегда, «когда его начинали дразнить: глаза кровью нальются и сейчасъ за кинжалъ». Отброшенный въ сторону, А. кинулся въ саклю, говоря, что Казбичъ его хотѣлъ зарѣзать.—Печоринъ до того его «задразнилъ Карагезомъ, что «хоть въ воду». А. поклялся исполнить все, что потребуютъ отъ него, лишь бы владѣть лошадью Казбича. Узнавъ, что Печоринъ за Карагега требуетъ Валу, А. замолчалъ. Слова Печорина: «Я думалъ, что ты мужчина, а ты еще ребенокъ; рано тебѣ ѣздить верхомъ», уязвили его самолюбіе. А. «вспыхнулъ» и, «блѣдный какъ смерть, прошепталъ:—согласенъ». Воспользовавшись отлучкой отца, А. привезъ въ крѣпость сестру, «у которой ноги и руки были связаны, а голова окутана чадрой». А. смекнулъ, что «не сносить ему головы, если-бъ попался». Съ тѣхъ поръ онъ пропалъ. По предположенію Максима Максимовича, «вѣрно, присталъ къ какой-нибудь шайкѣ абрековъ, да и сложилъ буйную голову за Терекомъ или Кубанью»...

Критика: ... «Характеры Азамата и Казбича—это такіе типы, которые будутъ равно понятны и англичанину, и нѣмцу, и французу, какъ понятны они русскому. Вотъ что называется рисовать фигуру во весь ростъ, съ національною фізіономіею и въ національномъ костюмѣ!»... [*Бѣлинскій. Соч. т. V*].

Азраиль («*Азраиль*»).—«Изгнанникъ, существо сильное и побѣжденное, полужемной, полунебесный». «Когда еще ряды свѣтилъ земли не знали межъ собой, въ тѣ годы онъ ужъ въ мірѣ былъ, смотрѣлъ очами и душой; молился, дѣйствовалъ, любилъ; онъ власть великую имѣлъ, леталъ, какъ мысль, куда хотѣлъ, могъ звѣзды навѣщать порой и любоваться ихъ красой, вблизи не утомляя взоръ, какъ перелетный метеоръ, онъ могъ исчезнуть и блеснуть—вездѣ ему свободный путь» блуждалъ онъ «много лѣтъ, искалъ чего быть можетъ—нѣтъ: творенье сходное съ собой, хотя бы мукою одной. И началъ громко онъ роптать и свое рожденье проклинять». «И наказаніе въ отвѣтъ упало на главу его», «онъ пережилъ звѣзду свою, мученье грызетъ его съ давнишнихъ дней». Онъ живетъ одинъ средь мертвецовъ, закономъ общимъ позабытый и ждетъ, «когда родъ людей пройдетъ и землю вѣчность разобьетъ».

Алварецъ-донъ («*Испанцы*»).—Дворянинъ испанскій. «Гордый видъ, какъ будто въ немъ соединились всѣ души предковъ!» Предками онъ гордъ: «первый жилъ при Карлѣ первомъ, при дворцѣ, въ благоволеніи у короля; второй при инквизиціи священной былъ не въ малыхъ людяхъ. Три тысячи невѣрныхъ сжегъ и триста въ различныхъ наказаніяхъ замучилъ».—Отказываетъ Фернандо въ бракѣ съ дочерью Эмилией изъ-за той же гордости: «неслыхано у насъ, чтобы на улицѣ найденный человѣкъ съ семействомъ очень древнимъ, благороднымъ могъ сблизиться. Что послѣ скажутъ другіе благородные испанцы? Когда пергаменты свои покажешь и явишь все, тогда я замолчу», говоритъ А. Фернандо, котораго «считалъ почти какъ бы за родного».

. . . „Кто-жъ твой отецъ?.. Кто мать твоя,
Которая оставила мальчишку
У ветхой церкви?.. Вѣрно ужъ жидовка,
А съ христіанкой быть сего не можетъ.
И такъ смиришь жидовское отродье,
И кланяйся сейчасъ передо мной,
Что-бъ я тебя изъ жалости простилъ!..“

Когда жена увѣрила Альвареца, что Эмилія бѣжала съ Фернандо, онъ прокликаетъ дочь:

„Пускай она съ Фернандо
Какъ нищая подъ окнами блуждаетъ.
Я отвергаю отъ себя ее!
Эмилія не дочь мнѣ: пусть она
Найдетъ отца себѣ другого; я отвергнулъ
Везстыдную отъ сердца своего.
Когда-бъ она пришла къ моимъ дверямъ,

Усталая, голодная, худая
 Какъ смерть, когда-бъ она просила
 Кусочка хлѣба у меня, и этого
 Я-бъ не далъ ей; пускай она умретъ
 На обеззаченномъ моемъ порогѣ...“

Однако, дума что, быть можетъ, Эмилиа умираетъ, заставляетъ А. снять проклятіе:

.....«Нѣтъ! за гробомъ
 Проклятіе отцовское не тронетъ;
 За гробомъ есть другой отецъ... прощаю
 Тебя, когда тебя не будетъ .
 Между живыхъ... пусть тѣнь твоя не бродитъ
 Вокругъ меня, не отгоняетъ сонъ
 Отъ глазъ моихъ, пусть ужасъ не подыметъ
 Сѣдые волосы, покрытые тобою
 Стыдомъ и поношеньемъ—нѣтъ!.. въ могилѣ
 Проклятіе отцовское не тронетъ!
 Тамъ есть другой судья... прощаю,
 Прощаю дочь моя...»

Убившему дочь его Фернандо Алварецъ грозитъ инквизиціей. „Боятся такихъ людей, какъ Соррини, которые всегда на языкѣ своемъ имѣютъ: да! и да!“ Соррини называетъ Алвареца—„безумный Алварецъ“.

Амбулата-дочь („*Каллы*“).—„Жертва“ Аджи. Онъ убиваетъ ее во время сна, мстя за гибель отца, матери и брата, павшихъ отъ руки Амбулата.

Амбулатъ („*Аулъ Бастунджи*“).—Старшій братъ Селима. „Въ Пятигорьѣ не было грознѣй и не было отважнѣй Амбулата“.

Амбулатъ („*Каллы*“).—Убийца родныхъ Аджи. «За всѣ минувшія злодѣйства» палъ отъ кинжала Аджи.

Алена Дмитріевна („*Пѣсня про царя Ивана Васильевича*“).—См. К а л а ш н и к о в а А л е н а Д м .

Ангель смерти („*Ангель смерти*“). — «Въ грозный часъ послѣднихъ мукъ и разставанія, онъ крѣпко обнимаетъ насъ; но холодны его лобзанья, и страшень видъ его для глазъ».—«Онъ зналъ таинственныя рѣчи, онъ взоромъ утѣшать умѣлъ и усмирать земныя страсти, и было у него во власти большую душу какъ нибудъ на мигъ надеждой обмануть». «Какъ полуночная звѣзда, манилъ онъ смертныхъ иногда и провожалъ онъ къ дверямъ рая толпы освобожденныхъ душъ». «Ихъ онъ сожалѣлъ», пока не зналъ, «что состраданья люди не могутъ заслужить,—не награжденье—наказанье—послѣдній мигъ ихъ долженъ быть! Они коварны и жестоки ихъ добродѣтели—пороки, и жизнь имъ въ тягость съ юныхъ лѣтъ». «Тогда осталось въ немъ «желанье міру мстить». «На все, что только прахъ земной, глядѣлъ съ презрѣніемъ нетлѣнный». «И неизбежной встрѣчи съ нимъ» «боятся каждый съ этихъ поръ: тревожатъ насъ, какъ злой укоръ, его прिवѣтственныя рѣчи, и мраченъ неподвижный взоръ, и льда хладнѣй его объятье, и поцѣлуй его—проклятье»...

Аннушка („*Странный человекъ*“).—Старая вѣрная служанка семьи Арбениныхъ. По словамъ Марьи Дмитріевны, «всѣ слуги ее любятъ».

Анюта („*Вадимъ*“).—„Простая дворовая дѣвочка“, „черноглазая, чернобровая, въ посконномъ клѣтчатомъ платьѣ; первая любовь Юрія; „черезъ шесть лѣтъ... сдѣлалась дюжей толстой бабою; колотила спящихъ ребятъ, мела избу, бранила пьянаго мужа самыми отвратительными рѣчами... «Изъ черноглазой и чернобровой дѣвочки вышла „отвратительная женщина“.

Апфельбаумъ („*Герой нашего времени*“).—„Фокусникъ, акробатъ, химикъ и оптикъ“, имѣвшій честь давать „великолѣпныя представленія въ залѣ пятигорскаго благороднаго собранія, „иначе въ рестораціи“.

Арбенина, Марья Дмитріевна („*Странный человекъ*“).—Мать Владиміра; слабое, больное существо съ пылкой душой. За „давнишній проступокъ“ оставлена му-

жемъ. По ея словамъ, „будучи еще ребенкомъ, часто подъ вліяніемъ свѣтлаго неба, веселой природы создавала себѣ существа такія, какихъ требовало ея сердце. Они украшали для нея весь міръ, даже люди казались ей лучше и имѣли цѣкоторое сходство съ ея идеалами“. Передъ смертью жждетъ примиренія, т. е. „не хочетъ сойти въ могилу, когда имѣетъ врага на землѣ“, (т. е. мужа).

Арбенинъ («*Маскарадъ*»),—стр. 8.

Арбенинъ, Александръ Сергѣевичъ («*Отрывокъ (II) изъ начатой повѣсти*»).—«Ему было тридцать лѣтъ—возрастъ силы и зрѣлости для мужчины, если только молодость его прошла не слишкомъ бурливо и не слишкомъ спокойно». «Онъ родился въ Москвѣ. Скоро послѣ появленія его на этотъ свѣтъ, его мать развѣхалась съ отцомъ по неизвѣстнымъ причинамъ. Росъ одиноко; лишь горничныя дѣвушки потѣшали маленькаго барченка. Сашѣ было съ ними очень весело. Онѣ его ласкали и цѣловали наперерывъ, рассказывали ему сказки про волжскихъ разбойниковъ и его воображеніе наполнялось чудесами дикой храбрости и картинами мрачными и понятіями противообщественными. Онъ разлюбилъ игрушки и началъ мечтать. Шести лѣтъ уже онъ заглядывался на закатъ, усѣянный румяными облаками и непонятно-сладостное чувство уже волновало его душу, когда полный мѣсяцъ свѣтилъ въ окно на его дѣтскую кроватку. Ему хотѣлось, чтобъ кто-нибудь его приласкалъ, поцѣловалъ, приголубилъ, но у старой няньки руки были такія жесткія! Саша былъ преизбалованный, пресвоевольный ребенокъ».—«Онъ семи лѣтъ умѣлъ уже прикрикнуть на непослушнаго лакея. Принявъ гордый видъ, онъ умѣлъ съ презрѣніемъ улыбнуться на низкую лесть толстой ключницы. Между тѣмъ природная дѣтямъ склонность къ разрушенію развивалась въ немъ необыкновенно. Въ саду онъ то и дѣло ломалъ кусты и срывалъ лучшіе цвѣты, усыпая ими дорожки. Онъ съ истиннымъ удовольствіемъ давилъ несчастную муху и радовался, когда брошенный имъ камень сбивалъ съ ногъ бѣдную курицу. Богъ знаетъ, какое направленіе принялъ бы его характеръ, если-бъ не пришла на помощь корь—болѣзнь опасная въ его возрастѣ. Его спасли отъ смерти, но тяжелый недугъ оставилъ его въ совершенномъ разслабленіи: онъ не могъ ходить, не могъ приподнять ножки. Цѣлые три года оставался онъ въ самомъ жалкомъ положеніи и если-бъ онъ не получилъ отъ природы желѣзнаго тѣлосложенія, то, вѣрно бы, отправился на тотъ свѣтъ. Болѣзнь эта имѣла важныя слѣдствія и странное вліяніе на умъ и характеръ Саши: онъ выучился думать. Лишенный возможности развлекаться обыкновенными забавами дѣтей, онъ началъ искать ихъ въ самомъ себѣ. Воображеніе стало для него новой игрушкой».—«Никто и не подозрѣвалъ въ Сашѣ этого скрытаго огня, а между тѣмъ онъ обхватилъ все существо бѣднаго ребенка. Въ продолженіе мучительныхъ безсонницъ, задыхаясь между горячихъ подушекъ, онъ уже привыкалъ побѣждать страданья тѣла, увлекаясь грезами души. Онъ воображалъ себя волжскимъ разбойникомъ, среди синихъ и студеныхъ волнъ, въ тѣни дремучихъ лѣсовъ, въ шумѣ битвъ, въ ночныхъ наѣздахъ при звукѣ пѣсенъ, подъ свистомъ волжской бури. Вѣроятно, что раннее развитіе умственныхъ способностей немало помѣшало его выздоровленію)...»

Арбенинъ, Владиміръ Павловичъ («*Странный человекъ*»).—«Молодой человекъ лѣтъ» около двадцати; видъ всегда мрачный; «не красавецъ, но такъ не похожъ на другихъ людей, что самые недостатки его какъ рѣдкость неволью нравятся». Арбенинъ—«странный человекъ» т. е.—по словамъ Вѣлинскаго,—«одинъ день то, другой—другое; самъ себѣ противорѣчитъ, не знаетъ самъ чего онъ хочетъ». «А все, какъ заговорить и захочетъ тебя увѣрить въ чемъ-нибудь—кончено, рѣдкій устоять. Иногда слова не добьешься, сидитъ и молчитъ, не слышитъ и не видитъ, глаза останоятся, какъ будто въ этотъ мигъ все его существованіе остановилось на одной мысли». Или вдругъ, говоритъ Заруцкій, «вскочить, убѣжить, какъ будто бы потолокъ провалился надъ нимъ». Отецъ называетъ его характеръ—безхарактерностью. По словамъ старой служанки, «ребенокъ онъ былъ—любопытный: что не увидитъ, все—зачѣмъ? да что?—а ужъ вспыльчивый былъ, словно порохъ. Разъ вздумалось ему на полъ тарелки да стаканы бросать: ну, такъ и рвется, плачетъ: брось на полъ. Дала ему—бросилъ и успокоился», или же услышитъ груст-

ную пѣсню, «и у дитяти слезы по щекамъ такъ и катятся». — «Его сердце созрѣло раньше ума: имѣлъ онъ характеръ пылкій, душу безпокойную и какая-то глубокая печаль отъ самаго дѣтства его терзама. Онъ узналъ дурную сторону свѣта, когда еще не могъ остережиться отъ его нападений, ни равнодушно переносить ихъ. Его насмѣшки не дышали веселостью, въ нихъ видна была горькая досада противъ всего человѣчества. Обида малѣйшая приводила его въ бѣшенство, особливо когда трогали его самолюбіе». По собственнымъ словамъ, душа его «съ дѣтскихъ лѣтъ чудеснаго искала, онъ любилъ всѣ обольщенія свѣта—но не свѣтъ», въ которомъ онъ «лишь мгновеніями жилъ», и «тѣ мгновенья были мукъ полны». —И „онъ населялъ таинственные сны этими мгновеніями“. —Товарищи его любили, въ обществѣ А. „любезенъ“ и, „хотя иногда слишкомъ рѣзкія истины говорить въ глаза, ему все-таки прощаютъ, потому что онъ ихъ умно говорить“. „Умъ у А. язвительный и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокій, желанія, не знающія никакихъ преградъ“. „Какъ часто силой мысли въ краткій часъ онъ жилъ вѣка, и жизнию иной, и о землѣ позабывалъ. Не разъ, встревоженный печальною мечтою, плакалъ. Но созданія, предметы мнимой злобы иль любви, не походили на существъ земныхъ; все было адъ иль небо въ нихъ“. —Излишняя чувствительность сдѣлала его „воображеніе печальнымъ“. „Сочиняетъ, и довольно хорошо,“ но „строить химеры въ своемъ воображеніи и даетъ имъ черный цвѣтъ для большаго романтизма“. «Несчастія внѣшнія проходятъ», говоритъ А., но даетъ тысячу рублей Вѣлинскому на покупку обездоленной помѣщицы деревни. Слушая повѣсть мужика объ истязательствѣ крестьянъ, приходитъ въ бѣшенство. «Я бы раздавилъ ногами каждый суставъ этого крокодила, этой женщины. Одинъ рассказъ меня приводитъ въ бѣшенство». —«О, мое отечество! мое отечество!» восклицаетъ Арбенинъ и, успокоившись, находитъ, что «есть люди болѣе достойные сожалѣнья, чѣмъ этотъ мужикъ. Это тѣ, кто, какъ самъ Арбенинъ, носятъ «въ себѣ причину своихъ страданій глубоко въ сердцѣ, въ комъ живетъ червь, пожирающій искры всякаго удовольствія... тотъ, кто желаетъ и не надѣется... тотъ, кто въ тягость всѣмъ даже любящимъ...». Онъ страдаетъ мученіями покинутой отцомъ матери и „хочетъ вновь ихъ соединить, перелить весь пламень юной любви въ ихъ предубѣжденные сердца“. Любитъ Загорскую со всей пылкостью и страстностью своей натуры, „готовъ бросить вселенную къ ея ногамъ, если бы онъ долженъ былъ выбрать вселенную или ее“, и самъ гибнетъ отъ безумной страсти.

Критика.—Владиміръ воплощаетъ самого автора, его устами поэтъ откровенно сознается въ мучительномъ противорѣчій своей натуры. В. знаетъ эгоизмъ и ничтожество людей—и все-таки не можетъ покинуть ихъ общество: «когда я одинъ, то, мнѣ кажется, что никто меня не любитъ, никто не заботится обо мнѣ,—и это такъ тяжело!» Еще важнѣе драма, какъ выраженіе общественныхъ идей поэта. Мужикъ рассказываетъ Владиміру и его другу, Вѣлинскому—противникамъ крѣпостного права,—о жестокостяхъ помѣщицы и о другихъ крестьянскихъ невзгодахъ. Рассказъ приводитъ Владиміра въ гнѣвъ, вырываетъ у него крикъ: «О мое отечество! мое отечество!»,—а Вѣлинскаго заставляетъ практически помочь мужикамъ. [И. Ивановъ. Лермонтовъ].

Арбенинъ, Евгений Александровичъ („Арбенинъ“).—„Человѣкъ солидный“. Игрокъ и шулеръ. Имѣлъ тысячи три душъ и „покровительство у знати“. „Чиновъ онъ не хотѣлъ, а славы не добился“. По словамъ Казарина, А. „никого безъ видовъ не обяжетъ“, „за зло онъ платитъ зломъ“. По собственному признанію, онъ „жить привыкъ безопасно“: „странствовалъ, игралъ, былъ вѣтренъ и трудился“. „Могучею душой“ искалъ „заботъ, трудовъ, глубокихъ ощущеній“:

Въ страданіяхъ мой пробуждался гений
И весело боролся я съ судьбой;
И былъ я гордъ, и силенъ, и свободенъ...

И въ злобѣ былъ я благороденъ
И жалость не смѣшна казалася моя...

Въ юности, „вступивъ на поприще разврата“, еще „не зная цѣну жизни, онъ зналъ ужъ цѣну злата“. Онъ былъ тогда „заносчивъ“, опрометчивъ, и рано испы-

талъ всё сладости порока и злодѣйства, и передъ ихъ лицомъ ни разу не дрожалъ“. Въ кругу „обманщицъ милыхъ“ Арбенинъ „напрасно и глупо юность погубилъ“, „любимъ былъ часто пламенно и страстно, и ни одну изъ нихъ онъ не любилъ“. „Романа не начавъ“, онъ „зналъ уже развязку, и для другихъ сердецъ твердилъ слова любви, какъ няня сказку“. Арбенинъ любилъ одну игру. Она приводила „кровь въ волненье, тревогой наполняла грудь“. За картами онъ «смотрѣлъ съ волненіемъ нѣмымъ, какъ колесо вертѣлось счастья», но скоро онъ узналъ, что „счастья нѣтъ“, а есть игра навѣрняка:

...нужно испытать, ощупать безпристрастно
Свои способности и душу; по частямъ
Ихъ разобрать; привыкнуть ясно
Читать на лицахъ, чуть знакомыхъ вамъ,
Всѣ побужденья, мысли;—годы
Употребить на упражненье рукъ;
Все презирать: законъ людей, законъ природы;
День думать, ночь играть, отъ мукъ не звать свободы
И чтобъ никто не понялъ вашихъ мукъ!
Не трепетать, когда близъ васъ искусствомъ равный;
Удачи каждый мигъ постыдный ждать конецъ
И не краснѣть, когда вамъ скажутъ явно:

„Подлецъ!“

Онъ понялъ все „насквозь“, всё „тонкости“ игры, и „тяжко стало жить“ и скучно жить“.—Жизнь для Арбенина — „вещь пустая“, — „давно извѣстная шарада для упражненія дѣтей, гдѣ первое рожденье, гдѣ второе ужасный рядъ заботъ и муки тайныхъ ранъ, гдѣ смерть послѣднее, а цѣлое обманъ“. „Жизнь вѣчность — смерть лишь мигъ“.—„Вы жизнь мою спасли, сказалъ князь Звѣздичъ, благодаря за Арбенина за отыгрышъ.—„И деньги ваши тоже“, отвѣтилъ Арбенинъ и прибавилъ:—„А право трудно разрѣшить, которое изъ двухъ дороже“.—„Богатъ и безъ гроша“, онъ «съ совѣстью своей не связанъ, былъ скукою томимъ“. „Вездѣ онъ „видѣлъ зло“ и, гордый, передъ нимъ нигдѣ не преклонился. Постигъ друзей, коварную любовь“, „все видѣлъ, все перечувствовалъ, все понялъ, все узналъ; „любилъ“ онъ часто,—чаще ненавидѣлъ и болѣе всего страдалъ; сначала все хотѣлъ, потомъ все „презиралъ“; то самъ себя не понималъ, то міръ его не понималъ“. На своей жизни онъ „узналъ печать проклятья и холодно закрылъ объятя для чувствъ и счастья земли“... Люди ему „чужды“ и онъ „имъ всё въ чужой“. — „Совѣтъ лукавый“ кто-то подаль Арбенину: онъ женился, „сталъ баринъ и позабылъ товарищей своихъ“. Онъ женился, чтобы „имѣть святое право ужъ ровно никого на свѣтѣ не любить“, но, глубже заглянувъ „въ душу мертвую свою“, А. „вдругъ увидѣлъ, что любить Нину и... „ужаснулся“ „Опять мечты, опять любовь въ пустой груди бушуютъ на просторѣ“, говоритъ онъ самъ себѣ.—„Изломанный челнокъ—я снова брошенъ въ море! Вернусь-ли къ пристани я вновь?“ Онъ занятъ „любовью, не дѣлами“. Наединѣ съ любимой женщиной „врагъ морали строгой“, съ глубокимъ отвращеніемъ А. „мыслить“ о „тяжелой черной старинѣ, „о дняхъ, оравленныхъ волненьемъ порочной юности“. Онъ говоритъ Нинѣ:

Такъ прежде я себѣ цѣны не зналъ, несчастный;
Но скоро черствая кора
Съ моей души слетѣла—міръ прекрасный
Моимъ глазамъ открылся не напрасно;
И я воскресъ для жизни и добра.
Но иногда опять какой-то духъ враждебный
Меня уноситъ въ бурю прежнихъ дней,
Стираетъ въ памяти моей
Твой свѣтлый взоръ и голосъ твой волшебный.
Въ борьбѣ съ собой, подъ грузомъ тяжкихъ думъ,
Я молчаливъ, суровъ, угрюмъ,

Боюся осквернить тебя прикосновеньемъ;
 Боюся, чтобъ тебя не испугалъ ни стонъ,
 Ни звукъ, исторгнутый мученьемъ,—
 Тогда ты говоришь: меня не любить онъ!

Арбенинъ любить жену. „Все, что осталось мнѣ отъ жизни—это ты: созданье слабое, но ангелъ красоты! Твоя любовь, улыбка, взоръ, дыханье... Я человекъ—пока они мои; безъ нихъ—нѣтъ у меня ни счастья, ни души, ни чувства, ни существованья!“ Но Арбенинъ не увѣренъ въ чувства жены:

„Ты молода лѣтами и душою,
 Въ огромной книгѣ жизни ты прочла
 Одинъ заглавный листъ, и предъ тобою
 Открыто море счастья и зла.
 Иди любой дорогой,
 Надѣйся и мечтай—вдали надежды много,
 А въ прошломъ жизнь твоя бѣла!
 Ни сердца своего, ни моего не зная,
 Ты отдалась мнѣ и любишь—вѣрю я—
 Но безотчетно чувствами играя
 И рѣзваясь, какъ дитя“.

Ревнуя, онъ испытываетъ „почти всѣ муки ада“, хотя и говоритъ, что „ревновать смѣшно“. Онъ сознаетъ разницу между собственнымъ чувствомъ и чувствомъ Нины: „я сердцемъ слишкомъ старъ—ты слишкомъ молода“. „Гордый умъ“ Арбенина видитъ всюду обманъ. На женщину у него свой взглядъ „побѣды новыя ей нужны ежедневно“; „глупецъ, кто въ женщинѣ одной мечталъ найти свой рай земной“.—Подозрѣвая Нину въ обманъ, онъ ищетъ доказательствъ, чтобы сказать „конецъ надеждъ“, но „одинъ лишь злой намекъ, обманчивый, быть можетъ, разбилъ въ куски спокойствіе его“. «На смѣхъ Нины надъ поднятой тревогой „изъ пустяковъ“ онъ бросаетъ ей въ лицо угрозу: „Дай Богъ, чтобъ это былъ твой не послѣдній смѣхъ!“ Онъ хочетъ мести: „закона я на мечь не призову, но самъ безъ слезъ и сожалѣнья двѣ наши жизни оборву“.

Онъ, „прежде мстилъ безъ состраданья“, но мечь, „какъ жизнь“, ему „тяжела“, „добро“, какъ „счастье, невозможно... „Все прошло, какъ бредъ больнова“: счастье, вѣра и любовь. „Желаній нѣтъ, надежды нѣтъ“. „Страдалецъ мрачный и безумный“ измученъ долгою борьбой“, онъ выброшенъ изъ круга жизни шумной „съ несносной памятью невозвратимыхъ лѣтъ“.—„Возьмите жизнь мою, возьмите, она ни мнѣ, ни міру не нужна“, говоритъ А. князю.

Ср. *Арбенинъ*, стр. 8.

Арбенинъ, Павелъ Григорьевичъ („*Странный человекъ*“).—Коллежскій ассесоръ, дворянинъ; по собственнымъ словамъ, большими „трудами“ достигъ „значительности“. Слыветъ „почтеннымъ, извѣстнымъ въ Москвѣ человекомъ“. Старая служанка называетъ его антихристомъ. За „давнишній проступокъ“ бросилъ жену на „произволь судьбы и довелъ ее“ до смерти. Грубъ и жестокосердеченъ до невѣроятности: готовъ избить сына за его заступничество за умирающую мать.—„Замолчи, страшись моего гнѣва“, кричитъ А. на него, „я тебя примѣрно накажу“. Жаденъ къ деньгамъ. „Долженъ—плати“. „Пускай“, говоритъ онъ повѣренному, „твой господинъ продастъ тебя, а мнѣ онъ заплатитъ въ назначенное время и... съ процентами...“

Арбенинъ, Сергѣй Васильевичъ („*Отрывокъ (II) изъ начатой повѣсти*“).—Отецъ Саши Арбенина. Развѣхался съ своей супругой, взялъ къ себѣ сына и поселился на житье въ Симбирской деревнѣ. Сыномъ вовсе не занимался, хозяйничалъ и вѣдиль на охоту“.

Арсеній („*Бояринъ Сръша*“).—Былъ «ребенкомъ взятъ и отданъ съ раннихъ лѣтъ подъ строгій иноковъ надзоръ»; «душой дитя—судьбой монахъ», «задумчивъ, одинокъ, тоской невольности томимъ», онъ прежде «жилъ» страстямъ чужой, съ природой жизнію одной. «Два раза» чувствовалъ онъ себя свободнымъ: «въ первый

разъ», «когда» въ грозу, «стоясь при алтарѣ, монахи ницъ лежали на землѣ», а онъ, бѣжавъ «изъ стѣнъ святыхъ, боязнь съ одеждой кинулъ прочь, благословилъ и хладъ и ночь», «глазами тучи» онъ «слѣдилъ, рукою молнію ловилъ», «забылъ печали бытія и бурю братомъ назвалъ» онъ. Другой разъ: «въ цѣпяхъ» на судѣ монаховъ, когда, быть можетъ, онъ «постигъ», «что онъ въ цѣли существъ давно едва-ль не лишнее звено». «Въ молодомъ лицѣ его вы не нашли-бъ ни одного изъ чувствъ, которыхъ смутный рой кружится, вьется надъ душой въ часъ разставанія съ землей». — «Если-бъ могъ я», говоритъ Арсеній на судѣ, «эту грудь передъ тобою развернуть, ты вѣрно не прочелъ бы въ ней, что я безсовѣстный злодѣй». «За слово, ласку, или взоръ» любимой имъ дочери Орши Арсеній «счастливъ» перенести свое «мученье» и «позоръ». Въ «ясный взоръ» и «милый разговоръ», говоритъ Арсеній: «въ груди моей! Они на сердцѣ, какъ печать, чтобъ я не смѣлъ ихъ забывать, и жгутъ его, и вновь живять... Они мой рай, они мой адъ! Для вспоминанія о нихъ жизнь—ничего, а вѣчность—мигъ!»

Ср. Мцыри. См. *Перечень*.

Атуевъ, Фотъка («*Вадимъ*»).—Старый ловчій Палицына, съ длинными, рыжими усами. Палицынъ «прибилъ А. до полусмерти».

Ашикъ - Керибъ.—См. Керибъ Ашикъ.

Ашикъ — балалаечникъ.

Аякъ-Ага («*Ашикъ Керибъ*»).—Богатый турокъ, отецъ Магуль-Мегери.

Б.

Баронъ („*Княгиня Лиговская*“).—„Толстый, лысый господинъ въ мундирномъ фракѣ, съ огромными глазами, налитыми кровью и безконечной широкой улыбкой“. Баронъ, „по какому то случаю, плохо понималъ по-русски, хотя родился въ Россіи“; подробно объяснилъ Лиговскимъ „свои родственныя связи съ прусскимъ посланникомъ“. На явно насмѣшливый комплиментъ Печорина по адресу князя Лиговскаго сдѣлалъ утвердительный знакъ головой; когда княгиня отвѣтила на эпиграмму Печорина, баронъ вдругъ некстати захохоталъ. Когда же на его смѣхъ Печоринъ отвѣтилъ злобной выходкой по адресу барона („у васъ, сказалъ онъ, такой усердный союзникъ, княгиня, что я долженъ признать себя побѣжденнымъ. Я увѣренъ, что баронъ при данномъ знакѣ готовъ меня сокрушить всей своей тяжестью“), Б. „захохоталъ пуще прежняго, думая, что это комплиментъ, относящійся къ нему вмѣстѣ съ Вѣрой Дмитриевной“.

Барыня московская („*Герой нашего времени*“).—Утверждала, что Байронъ былъ, больше ничего, какъ пьяница“.

Бобковскій („*Казначейша*“). — „Губернскій старый казначей“. „Старикъ угрюмый, съ огромной лысой головой; отъ юныхъ лѣтъ съ казенной суммой онъ жилъ, какъ съ собственной казной. Въ пучинахъ сумрачныхъ расчета блуждать была его охота. Онъ былъ игрокъ (его единственный порокъ); любилъ налѣво и направо онъ въ зимній вечеръ прометнуть, четвертый кушъ перечеркнуть, рутѣркой понтирнуть со славой—и талью скверную порой запить цимлянскаго струей“. «Онъ былъ врагомъ трудовъ полезныхъ, трибунъ тамбовскихъ удалцовъ, гроза всѣхъ матушекъ уѣздныхъ и воспитатель ихъ сынковъ. Его краплевныя колоды не разъ невинные доходы съ индѣекъ, масла и овса вдругъ пожирали въ полчаса“. Жену свою «держалъ довольно просто», хотя «ее цѣнилъ онъ тысячь во сто», съ глазъ не спускалъ «ее на мигъ». Когда Б. «проигрался до чиста», онъ мечетъ талью, «чтобъ отыграть имѣнье, иль проиграть ужъ и жену».

Бобковская, Авдотья Николаевна („*Казначейша*“).—Жена Казначей. «Была прелаткомый кусокъ». «Бѣла какъ сахаръ, такъ нѣжна, что жилка каждая видна. Очи

голубые, «губки два свѣжихъ розовыхъ листка» и «перламутровые зубки» и «голосъ сладкій какъ мечта». «Она картава говорила, нечисто «р» произносила. «Супруга—кладъ». Сидитъ за вѣчною канвою. Пройшла всѣ «тайинства науки, какъ бросить вздохъ или томный взоръ, чтобъ легче влюбчивый понтеръ не разглядѣлъ проворной шутки» мечущаго банкъ мужа. Когда Гаринъ, о которомъ она мечтала наединѣ, признался ей въ любви, «толкнула прочь его: довольно! молчите, слышать не хочу! Оставьте-ль? я закричу!» Когда же казначей поставилъ «послѣднюю ставку и ставка былъ бита, безъ «упрековъ, жалобъ, слезъ», «она на мужа посмотрѣла и бросила ему въ лицо свое вѣнчальное кольцо», «и въ обморокъ» упала.

Борисъ Петровичъ („*Вадимъ*“).—См. П а л и ц ы н ѣ.

Браницкій („*Княгиня Лиговская*“).—Артиллерійскій офицеръ, пріятель Печорина. «Ловкій молодой человѣкъ»; «примѣтно отличалъ» сестру Печорина; умѣлъ искусно бживлять общество «непринужденной болтовней», но разговоръ Б. съ пріятелемъ были «безсвязенъ и пустъ», «какъ разговоры всѣхъ молодыхъ людей, которымъ нечего дѣлать».

Булатъ-бей („*Хаджи Абрекъ*“).—Князь, похититель Леилы; побѣжденъ въ борьбѣ съ Хаджи-Абрекомъ.

Бѣла („*Герой нашего времени*“).—стр. 14.

Бѣлбородка („*Вадимъ*“).—Прозвище Вадима.

Бѣлинскій, Павелъ Васильевичъ („*Странный человѣкъ*“).—Свѣтскій молодой повѣса, „имѣеть состояніе и долги“; „слишкомъ занимается лицомъ“. Слыветъ въ обществѣ „прелестнымъ честнымъ человѣкомъ“; „воспитанъ, точно будто всю жизнь провелъ при дворѣ“. Характера веселаго и никогда „губъ не надуетъ“. По словамъ Арбенина, умный осторожный и искусный.—«Учись презирать непріятности, наслаждаться настоящимъ, не заботиться о будущемъ и не жалѣть о минувшемъ. Все привычка въ людяхъ», говоритъ Б. Арбенину. «Человѣкъ, который непременно хочетъ чего нибудь, принуждаетъ судьбу сдать: судьба женщина».—Хочетъ купить деревню, «но тысячи рублей недостаетъ» къ занятымъ деньгамъ. Для этого готовъ «исполнить вѣлѣны судьбы» и жениться, т. к. «женитьба лѣкарство очень полезное отъ многихъ болѣзней и отъ карманной чахотки, особенно». На просьбу мужика, упавшаго на колѣни, купить крестьянъ, потому что Б. «баринъ добрый», отвѣчаетъ: «да, встань, братецъ, а потомъ говори... встань прежде!» Возмущается «злоупотребленіемъ помѣщиковъ и вѣрить, что «на это у насъ есть судъ». Получивъ отъ Арбенина взаймы тысячу рублей на покупку обездоленной помѣщицъей деревни, высказываетъ «радость: впервые мнѣ удастся облегчить страждущее чело- вѣчество! Такъ; это доброе дѣло! Несчастные мужики! что за жизнь, когда я каждую минуту въ опасности потерять все, что имѣю, и попасть въ руки палачей!». Замѣчаетъ на возраженіе Арбенина («есть люди болѣе доступныя сожалѣнья, чѣмъ этотъ мужикъ»):—О, эгоистъ! Какъ можно сравнивать химеры съ истинными несчастіями? Можно ли сравнить свободнаго съ рабомъ?» — — Б. не отличается «излишней чувствительностью»; своего пріятеля Арбенина онъ хочетъ излѣчить отъ самой «глухой болѣзни» (любви къ Загорскиной), испытавъ «вѣрность женщины». «Пріятели въ нашъ вѣкъ двѣ струны, которыя по волѣ музыканта издають согласные звуки, но содержатъ въ себѣ столько же противныхъ». Арбенинъ считаетъ Б., который женится на Наташѣ, «предателемъ». Самъ Б. называетъ себя опытнымъ «другомъ, который желаетъ Арбенину добра», но Наташу проситъ не думать, что онъ съ Арбенинымъ «очень друженъ былъ»; въ присутствіи Арбенина не можетъ «дышать свободно». «Развѣ я во зло употребилъ твою довѣренность? развѣ открылъ какую нибудь изъ твоихъ тайнъ? Загорскина прежде любила тебя, положимъ. а теперь моя очередь?»

В.

В*** („Отрывокъ I“) — Уп. л. Графиня. Въ домѣ ея происходилъ музыкальный вечеръ; на этомъ вечерѣ „первые артисты столицы платили своимъ искусствомъ за честь аристократическаго пріема“.

Вадимъ. („Вадимъ“), — братъ Ольги, добровольно ставшій рабомъ помѣщика Палицына; „человѣкъ уродливой наружности, небольшого роста“, „горбатый нищій“, съ безобразными ногами. „Ему казалось не больше 28-ми лѣтъ; на лицѣ его постоянно отражалась насмѣшка, горькая, безконечная; его душа еще не жила по настоящему, но собирала всѣ свои силы, что-бы переполнить жизнь и прежде времени вырваться въ вѣчность“. „Одна страсть владѣла его сердцемъ, или, лучше, онъ владѣлъ одною только страстью,—но зато совершенно!“ Это было—презрѣніе. Разсматривая дьявола, изображеннаго поблекшими красками на св. вратахъ, В. внутренно сожалѣлъ объ немъ; онъ думалъ: «если-бъ я былъ чортъ, то не мучилъ бы людей, а презиралъ бы ихъ; стоятъ ли они, чтобъ ихъ соблазнялъ изгнанникъ рая, соперникъ Бога!.. Другое дѣло человѣкъ; чтобъ кончить презрѣніемъ, онъ долженъ начать съ ненависти“. — — «Онъ былъ весь погребенъ самъ въ себѣ, въ могилѣ откуда также никто не выходитъ»...— «Отъ тебя вѣтъ смертнымъ холодомъ...» говоритъ ему Ольга. «На синихъ губахъ сосредоточилась вся жизнь Вадима». Улыбка Вадима имѣла «что-то демонское», «что-то неземное; она вырывала изъ души каждое благочестивое помышленіе, каждое желаніе, гдѣ таилась искра добра, искра любви къ человѣчеству; встрѣтивъ ее, невозможно было устоять въ своемъ намѣреніи, какое бы оно ни было; въ ней было больше зла, чѣмъ люди понимать способны.» — — „В. принялъ имя раба Палицына за два мѣсяца до Пугачева“. На вопросъ Палицына: «что тебѣ надобно?» В. отвѣчалъ: „очень мало. Я хочу работы... И, несмотря на „язвительную усмѣшку“, съ которой посмотрѣлъ старикъ на нищаго“, «В. ни мало не смутился и остался хладнокровнымъ».

У В. огромная физическая сила: онъ одинъ ходилъ на волка, большимъ камнемъ онъ игралъ, какъ мячикомъ. Также силенъ онъ въ притворствѣ.

„Съ Палицынымъ Вадимъ принялъ видъ смиренія и съ жаромъ поцѣловалъ руку своего новаго покровителя“. Онъ бездѣ почти слѣдовалъ за нимъ: на охоту, въ поле, на пашню, исполнялъ его малѣйшія желанія, предугадывалъ ихъ, однимъ словомъ, дѣлалъ все, чѣмъ могъ пріобрѣсти довѣренность, и если ему удавалось, то неизъяснимая радость процвѣтала на этомъ суровомъ лицѣ, которое выражало всѣ чувства—всѣ, кромѣ одного любимаго,—сокровища, хранимаго на черный день». «Если Борисъ Петровичъ хотѣлъ наказать кого-нибудь изъ слугъ, то Вадимъ намекалъ ему всегда, что есть наказанія, которыя жесточе и что вина гораздо больше». Къ старымъ слугамъ В. относился свысока: „Какъ этотъ Вадимка загордился,—этакой уродъ, мнѣ никогда никакого уваженія не дѣлаеть,“ а къ барину какъ умѣетъ онъ подольстится: словно щенокъ!“ отзывался о В. старый Ипать, но когда баринъ разгнѣвался на Олешку Шушерина, и повелъ Олешку на конюшню, и самъ приказчикъ сталъ его бить, брови Вадима сходились и расходились; въ одинъ мигъ онъ подскочилъ къ прикащику и сшибъ его на землю однимъ ударомъ. На губахъ его клубилась пѣна отъ бѣшенства, онъ хотѣлъ что-то вымолвить — и не могъ“. В. всѣми силами „старался пріобрѣсти любовь и довѣренность молодыхъ слугъ“, такъ какъ умы предчувствовали переворотъ и волновались.— „Непоколебимая желѣзная воля составляла все существо его, она не знала ни преградъ, ни остановокъ, стремясь къ своей цѣли!“ «Казаки величаютъ В. Красной шапкой, онъ все ставитъ вверхъ дномъ, онъ кумъ сатанѣ и сватъ дьяволу“. Онъ же является „носителемъ

миенческаго имени „Бѣлбородки“.—Самолюбіе его огромно. Собственное безобразіе угнетаетъ В.—„Если хочешь чего-нибудь добиться отъ меня, то не намекай о моемъ безобразіи; говоритъ онъ Ольгѣ. „Я завистливъ, я золь, я все: что ты хочешь... „Что если душа моя хуже моей наружности?“—„но развѣ я виноватъ... я ничего не просилъ у людей, кромѣ хлѣба—они прибавили къ нему презрѣніе и насмѣшки... Я имѣлъ небо землю и себя, я былъ богатъ всѣми чувствами... видѣлъ солнце и былъ доволенъ... но постепенно все исчезло“. „Помню“ говоритъ В., «какъ послѣ смерти отца», „меня взяли въ монастырь, изъ состраданія, кормили, потому что я былъ не собака, и нельзя было меня утопить; въ стѣнахъ обители я провелъ мои лучшіе годы, въ душныхъ стѣнахъ, оглушаемый звономъ колоколовъ, пѣньемъ людей, одѣтыхъ въ черныя платья и потому думающихъ быть ближе къ небесамъ, притѣсняемый за то, что я обиженъ природой... что я безобразенъ. Они заставляли меня благодарить Бога за мое безобразіе, будто бы Онъ хотѣлъ этимъ средствомъ удалить меня отъ шумнаго міра, отъ грѣховъ...“ „Молитесь!.. у меня въ сердцѣ были одни проклятія! „Насмѣшливый голосъ шепталъ“ Вадиму: ты способенъ обнять свою мысль все сотворенное; ты могъ бы силою души разрушить естественный порядокъ и возстановить новый, для того-то я тебя не выпущу отсюда, довольно тебѣ знать, что ты можешь это сдѣлать...“

„Онъ былъ одинъ, всегда одинъ; когда онъ плакалъ, люди смѣялись, потому что люди не могутъ сожалѣть о томъ, что хуже или лучше ихъ“. Долго жить—было цѣлью жизни В. „Глубокая, единственная дума, подобно коршуну Прометея, пробуждала и терзала его сердце. Онъ завидовалъ людямъ: почему они не заплатятъ за долголѣтнее веселье однимъ днемъ страданія, когда другіе, послѣ безчисленныхъ мукъ, не получаютъ ни одной минуты счастья! Для чего они любимцы—говоритъ Вадимъ—неба, а не я!“

Любовь къ Ольгѣ Вадима была „сильнѣй всѣхъ нашихъ произвольныхъ страстей“, „безотчетное страданіе овладѣло имъ; онъ ломалъ руки, вздыхалъ скрежеталъ зубами... неизвѣстный огонь бѣжалъ по его жиламъ, черепъ готовъ былъ треснуть... О! давно ли ему было довольно одной ненависти!“ Когда Ольга назвала В. „другомъ“, „онъ не могъ разомъ обнять все это блаженство; какъ безумный схватилъ онъ себя за голову, чтобы увѣриться въ томъ, что это не обманъ, не сновидѣніе; улыбка остановилась на устахъ его, и душа его, обогащенная цѣлымъ чувствомъ, сдѣлалась подобно временщику, который, получивъ миллионъ, и не умѣя употребить его, прячетъ въ желѣзный сундукъ и стережетъ свое сокровище до конца жизни. Эти два слова такъ сильно врѣзались въ его душу, что, нѣсколько дней спустя, когда онъ говорилъ съ самимъ собою, то не могъ удержаться, чтобы не сказать: другъ мой“...—На просьбу сестры ее убить В. отвѣчаетъ съ глубокимъ страданіемъ:—Нѣтъ, я еще не такъ дурень, какъ ты полагаешь;—человѣкъ, для котораго видѣть тебя есть блаженство, не можетъ быть совершеннымъ злодѣемъ». «Ея кровь—была его кровь, ея жизнь была ему въ тысячу разъ дороже собственной жизни», онъ «любилъ ее одну въ цѣломъ Вождемъ міръ, ее одну, который за первое непритворство, искреннее *люблю*, съ восторгомъ бросилъ бы къ ея ногамъ все, что имѣлъ: свое сокровище, свой кумирь — свою ненависть!» Эта любовь была послѣдняя божественная часть его души, и угасивъ ее, онъ не могъ оставаться человѣкомъ. «И, когда, весь горя отъ местн дому Палицына, онъ убилъ Эдосѣя, В. «смотрѣлъ на Ольгу глазами коршуна и указывалъ пальцемъ на окравленную землю; онъ торжествовалъ, какъ Геркулесъ, побѣдившій змѣя; улыбка, ядовито сладкая улыбка набѣгала на его красныя губы: въ ней дышала то гордость, то презрѣніе, то сожалѣніе—да, сожалѣніе палача, который не изъ собственной воли, но, по повелѣнію высшей власти, наноситъ смертный ударъ. «Онъ предчувствовалъ, что со всѣмъ своимъ геніемъ долженъ потонуть въ пучинѣ неизвѣстности... Его душа расширялась, хотѣла бы вырваться, обнять всю природу и потомъ сокрушить ее. Если это было желаніе безумца, то, по крайней мѣрѣ, великаго безумца». «Онъ долженъ бы былъ родиться всемогущимъ, или вовсе не родиться».

Критика. «Вадимъ, по мнѣнію Михайловскаго, есть тотъ же Демонъ, только лишенный фантастическихъ атрибутовъ и притомъ физически безобразный. Онъ, какъ Демонъ, готовъ отказаться отъ зла и ненависти, если его полюбитъ любимая женщина. А, главное, Вадимъ, какъ Демонъ, имѣетъ таинственную власть надъ людьми». [*Н. К. Михайловскій. Сочиненія т. V.*]

Ванюшка (*«Два брата»*).—«Молодой лакей въ военной ливреѣ», слуга Юрія Радина, сопровождаетъ его при отпускахъ. О себѣ и о своемъ баринѣ высказывается такъ: «мы съ баринкомъ, видно, не промахи—четыре дня какъ здѣсь, а ужъ дѣла много сдѣлали». Жаденъ къ деньгамъ, хитроуменъ и изворотливъ. Отдаетъ за деньги записку барина прочитать Александру, но рвать не согласенъ...—«Вотъ видите, сударь», говоритъ онъ, «мнѣ велѣно ее отнести и я отнесу: объ томъ, чтобы ее не показывать, ничего не сказано, и я ее вамъ показалъ».

Василиса (*„Люди и страсти“*).—Горничная Волиныхъ.

Василій Петровичъ С. (*„Герой нашего времени“*).—См. С., майоръ.

Вернеръ, докторъ (*„Герой нашего времени“*),—стр. 16.

Волина, Любовь Васильевна (*„Люди и страсти“*).—Младшая дочь Павла Мих. Волина, 17 лѣтъ. Читаетъ романы Вальтеръ-Скотта. Схимникъ изъ Троицкой лавры предсказалъ ей много горестей. Терзается „за что родной батюшка“ ее меньше любитъ, нежели сестру. Успокаиваетъ себя мыслью, что „божеская любовь равна любви родительской“. Увѣрена, что „не имѣетъ ничьей довѣренности, ничьей дружбы и сомнѣвается: такъ ли мужчины „злы и коварны, какъ ихъ обвиняютъ“. При первой встрѣчѣ съ Заруцкимъ, у котораго „никакой просьбы до 17-ти лѣтней дѣвушки не можетъ быть“, спрашиваетъ его:—„правда ли, что ихъ (т. е. мужчинъ) душѣ ничего не стоитъ погубить дѣвушку навѣки?“

Волина, Элиза (*„Люди и страсти“*).—Старшая и любимая дочь П. М. Волина. Къ романамъ, которыми увлекается сестра, совершенно равнодушна. „Пускай бы ихъ сражались да шею себѣ ломали, отзывается Э. о герояхъ Вальтера-Скотта. „—Какая дура твоя Анна! говорить она о героинѣ романа. Элизу болѣе занимаетъ какъ сидитъ на ней шляпка... „не правда ли это прекрасно?“

Волинъ, Василій Михалычъ (*„Люди и страсти“*).—Братъ Николая Михалыча 48 лѣтъ, имѣетъ двухъ дочерей. Изъ-за личнаго разчета ссорить своего племянника (Юрія) съ Громовой. Узнавъ же о любовной интригѣ Юрія и своей дочери (Любови), клеветаетъ на племянника, всячески ему мстя.

Волинъ, Николай Михалычъ. (*„Люди и страсти“*).—Отецъ Юрія, вдовецъ, 45 лѣтъ. «любилъ свою» покойную жену, «какъ только можетъ мужъ». По словамъ брата, благородный человѣкъ и судить всѣхъ по добротѣ души своей». Любитъ своего сына и «дышетъ однимъ имъ», но отдалъ ребенка на воспитаніе тещѣ (см. Громова). Волинъ, когда заходитъ рѣчь объ образованіи сына, отдаетъ предпочтеніе нѣмецкой культурѣ. По его словамъ, «философія преподается у германцевъ лучше, нежели гдѣ-нибудь и многія науки у нихъ болѣе усовершенствованы, хотя и отстали въ общественномъ просвѣщеніи отъ французовъ. «Философія», говоритъ онъ, «не есть наука безбожія, а это самое спасительное средство отъ него и вмѣстѣ отъ фанатизма; философъ, истинный счастливѣйшій въ мірѣ человѣкъ, и есть тотъ, который знаетъ, что онъ ничего не знаетъ. «По отношенію къ Юрію, считаетъ себя отцомъ, имѣющимъ полное право надъ сыномъ». Довѣрчивъ и легкомысленъ. Вѣритъ сплетнямъ и проклинаетъ, подъ вліяніемъ ихъ, сына.

Волинъ, Юрій Николаевичъ (*„Люди и страсти“*).—Въ юности для него „лучшимъ разговоромъ“ было „размышленіе о людяхъ“. „Онъ нетерпѣливо старался узнавать сердце человѣческое“, пламенно любилъ природу, и съ дѣтскимъ простосердечіемъ кидался въ объятія всякаго; его занимала прекрасная мечта земного братства“ и у него, „при одномъ названіи свобода, сердце вздрагивало и щеки покрывались живымъ румянцемъ“; по словамъ Заруцкаго, „былъ удалой малый: ни въ чемъ никому не уступалъ—ни въ буянствѣ, ни въ умныхъ дѣлахъ и мысляхъ: во всемъ былъ первый“. Въ двадцать два года онъ, по собственнымъ словамъ, „перемѣнился“ и „постарѣлъ“, „сталъ не тотъ, который съ дѣтскимъ простосердечіемъ и довѣрчивостью кидался въ объятія каждаго“. Отъ прежняго осталась только „одна тѣнь“:

„человѣкъ полуживой, почти безъ настоящаго и безъ будущаго, съ однимъ прошедшимъ, котораго никакая власть не можетъ воротить“. „Изъ удалца онъ сдѣлался такимъ мрачнымъ, какъ докторъ Фаустъ“. Съ дѣтства „страшное предчувствіе мучило его“: онъ былъ одинъ. Онъ протягивалъ руку людямъ, но „никто не принималъ протянутой руки, и „она обратно упала на сердце“. Любовь его къ свободѣ челоуѣчества люди „почитали вольнодумствомъ“.

Вуличъ („Герой нашего времени“).—Поручикъ. „Родомъ сербъ“. «Наружность В. отвѣчала вполнѣ его характеру. Высокій ростъ и смуглый цвѣтъ лица, черные волосы, черные пронизательные глаза, большой, но правильный носъ, печальная и холодная улыбка, вѣчно блуждавшая на губахъ его, все это будто согласовалось для того, чтобы придать ему видъ существа особеннаго, неспособнаго дѣлиться мыслями и страстями съ тѣми; которыхъ судьба дала ему въ товарищи“. «Онъ былъ храбръ, говорилъ мало, но рѣзко; никому не повѣрялъ своихъ душевныхъ и семейныхъ тайнъ; вина почти вовсе не пилъ, за молодыми казачками,—которыхъ прелесть трудно постигнуть, не выдавъ ихъ,—онъ никогда не волочился. Говорили: однако, что жена полковника была равнодушна къ его выразительнымъ глазамъ, но онъ не шутя сердился, когда объ этомъ намекали. Была только одна страсть, которой онъ не тайлъ—страсть къ игрѣ. За зеленымъ столомъ онъ забывалъ все, и обыкновенно проигрывалъ, но постоянныя неудачи только раздражали его упрямство. Рассказывали, что разъ, во время экспедиціи, ночью, онъ на подушкѣ металъ банкъ; ему ужасно везло. Вдругъ раздались выстрѣлы, ударили тревогу, всѣ вскочили и бросились къ оружію. „Поставь банкъ!“ кричалъ Вуличъ, не подымаясь, одному изъ самыхъ горячихъ понтеровъ. —Идетъ семерка,—отвѣчалъ тотъ, убѣгая. Несмотря на всеобщую суматоху, Вуличъ докинулъ талью; карта была дана. Когда онъ явился въ цѣпь, тамъ была ужъ сильная перестрѣлка. Вуличъ не заботился не о пуляхъ, ни о шашкахъ чеченскихъ: онъ отыскивалъ своего счастливаго понтера. —Семерка дана!—закричалъ онъ, увидѣвъ его, наконецъ, въ цѣпи застрѣльщиковъ, которые начали вытѣснять изъ лѣса непріятеля; и, подойдя ближе, онъ вынулъ свой кошелекъ и бумажникъ и отдалъ ихъ счастливцу, несмотря на возраженіе о неумѣстности платежа. Исполнивъ этотъ непріятный долгъ, онъ бросился впередъ, увлекъ за собою солдатъ и до самаго конца дѣла прехладнокровно перестрѣливался съ чеченцами“. —Всегда можно было ожидать отъ него какой-нибудь оригинальной выходки. Словамъ не вѣрить, но вѣрить въ предопредѣленіе. —Господа, къ чему пустые споры? Вы хотите доказательствъ: я вамъ предлагаю испробовать на себѣ, можетъ ли челоуѣкъ своевольно располагать своею жизнью, или каждому изъ насъ заранѣе назначена роковая минута?“. Хладнокровно В. приставилъ дуло пистолета маіора къ своему лбу, но отъ словъ Печорина (о томъ, что В. „непремѣнно долженъ нынче умереть“), вспыхнулъ и смутился“. —В. былъ убитъ въ тотъ же день пьянымъ казакомъ.

Вышневицкій („Странный челоуѣкъ“).—Одинъ изъ товарищей Арбенина. На пирушкѣ задаетъ вопросъ: „когда же, «русскіе будутъ русскими?»“

Вѣра („Герой нашего времени“).—стр. 18.

Вѣра („Два брата“).—См. Лиговская, княгиня.

Вѣра („Княгиня Лиговская“).—См. Лиговская, княгиня.

Г.

Г...ва, Вѣра („Герой нашего времени“).—См. Вѣра.

Г...въ, Семенъ Васильевичъ („Герой нашего времени“).—Мужъ Вѣры, дальній родственникъ княгини Лиговской. „Хромой старичекъ“; „богатъ и страдаетъ ревматиз-

момъ“. Въ молодости служилъ на военной службѣ. Узнавъ о дуэли Печорина съ Грушницкимъ, схватилъ руку Печорина „съ чувствомъ похожимъ на восторгъ:“— „Ваезъ наградить та, для которой вы рискуете жизнью“, сказалъ онъ и прибавилъ увѣреніе въ своей скромности до поры до времени“. Разказалъ о ссорѣ Печорина съ Грушницкимъ женѣ и, когда та „очень перемѣнилась въ лицѣ“, долго и пристально смотрѣлъ ей въ глаза и долго ходилъ по комнатѣ. Подъ конецъ разговора оскорбилъ Вѣру „ужаснымъ словомъ“ и велѣлъ закладывать карету...

Гаринъ („*Казначейша*“). — „Мужчина въ тридцать лѣтъ; штабсъ-ротмистръ, строевъ, какъ корнетъ; взоръ пылкій, усъ довольно черный; короче, — идеаль дѣвиць, одно изъ славныхъ русскихъ лицъ.—,Онъ все отцовское имѣнье еще корнетомъ прокутилъ; съ тѣхъ поръ дарами Провидѣнья, какъ птица Божія, онъ жилъ. Онъ спать, лежать привыкъ, не вѣдать, чѣмъ будетъ завтра пообѣдать“. Шатался „по Руси кругомъ, то на курьерскихъ, то верхомъ, то полупьянымъ ремонтѣромъ, то волокитой отпускнымъ“.

„Онъ не былъ тѣмъ, что волокитой
У насъ привыкли называть;
Онъ не ходилъ тропой избитой,
Свой путь умѣя пролагать:
Страстями земными не смущаемъ,
Онъ не терялся никогда.
Бывало, въ дѣлѣ, подъ картечью
Всѣхъ разсмѣшить надутой рѣчью,

Гримасой, фарсой площадной,
Иль неподдѣльной остротой.
Шутя, однажды, послѣ спора,
Всадилъ онъ другу пулю въ лобъ;
Иль сталъ душою заговора;
Порой незлобенъ какъ дитя,
Былъ добръ и честенъ,—но шутя“.

Гарунъ („*Въглецъ*“).—Черкесь. „Бѣжалъ онъ въ страхъ съ поля брани“—бѣжалъ быстрѣ лани, быстрѣй, чѣмъ заяцъ отъ орла“; забылъ „свой долгъ и стыдъ“ и растерялъ „въ пылу сраженья винтовку, шашку“. „По слѣду вепрей и волковъ“, „съ кровавой битвы невредимый лишь онъ одинъ пришелъ домой“ („отецъ и два родные брата за честь и вольность тамъ легли“). Старый другъ Селимъ, у котораго ищетъ Г. крова, прогоняетъ его („ни крова, ни благословенья здѣсь у меня для труса нѣтъ“). Въ сосѣдней саклѣ онъ слышитъ „пѣсню старины“, которую поетъ любимая дѣвушка и въ этой пѣснѣ—тоже проклятье трусу. Въ родной саклѣ встрѣчаетъ его мать.—Ты отомстил? спрашиваетъ старуха.—«Не отомстил... Но я стрѣлой пустился въ горы! Оставилъ мечъ въ чужомъ краю, чтобы твои утѣшить взоры и утереть слезу твою».—Ты рабъ и трусъ... а мнѣ не сынъ, отвѣчаетъ мать.—Отверженный всѣми, Г. убиваетъ себя, но даже мать „хладно отвернула взоръ“ отъ его трупа и никто его „къ кладбищу не отнесъ“. Смерть не успокоила души Г.: „она отъ глазъ Пророка со страхомъ удалилась прочь, и тѣнь его въ горахъ Востока понынѣ бродить“, и Г. проситъ себѣ пріюта. Но, „внемля громкій стихъ Корана, бѣжить опять подъ сѣнь тумана, какъ прежде бѣгалъ отъ меча“.

Гирей („*Кавказскій плѣнникъ*“).—Черкесь, взявшій въ плѣнъ молодого русскаго.

Горинкинъ, Геннадій Василчъ („*Вадимъ*“).—„Богатый сосѣдъ Палицына“. „Онъ былъ высокаго росту, бѣлокуръ и вообще довольно ловокъ для деревенскаго жителя; служилъ въ лейбъ-кампанцахъ; 25-ти лѣтъ вышелъ въ отставку, женился и нажилъ себѣ двухъ дочерей и одного сына. „Хозяйка поминутно подносила ему тарелки со сластями; онъ бралъ изъ каждой понемножку, и важно обтиралъ ротъ“.

Горшенковъ („*Княгиня Лиговская*“).—Фамилія его была малороссійская, хотя вмѣсто Горшенко, онъ называлъ себя Горшенковъ. Онъ былъ порядочнаго роста и такъ худъ, что англійскаго покроя фракъ висѣлъ на плечахъ его, какъ на вѣшалкѣ. Жесткій атласный галстукъ подпиралъ его угловатый подбородокъ. Ротъ его, лишенный губъ, походилъ на отверстие, прорѣзанное перочиннымъ ножичкомъ въ картонной маскѣ. Щеки его, впалыя и смугловатыя, мѣстами были испещрены мелкими ямочками, слѣдами разрушительной оспы. Носъ его былъ прямой, одинаковой толщины во всей своей длинѣ, а нижняя оконечность какъ бы отрублена. Глаза, сѣрые и маленькіе, имѣли дерзкое выраженіе, брови были густы, лобъ узокъ и высокъ, волосы черны и острижены подъ гребенку, „изъ-за галстука его выглядывала борода à la St.-Simonienne“. „Онъ былъ со всѣми знакомъ, служилъ гдѣ-то

вздилъ по порученіямъ, возвращаясь получалъ чины, бывалъ всегда въ среднемъ обществѣ и говорилъ про связи свои со знатью, волочился за богатыми невѣстами, подавалъ множество проектовъ, продавалъ разныя акціи, предлагалъ всѣмъ подписки на разныя книги, знакомъ былъ со всѣми литераторами и журналистами, приписывалъ себѣ многія безыменные статьи въ журналахъ, издалъ брошюру, которую никто не читалъ, былъ, по его словамъ, заваленъ кучей дѣлъ, и цѣлое утро проводилъ на Невскомъ проспектѣ». — Повѣрите-ли, — отвѣчаетъ на приглашеніе Браницкаго заѣхать къ нему, — я такъ занятъ, — вотъ завтра самъ долженъ докладывать министру, потомъ надобно ѣхать въ комитетъ, работы тѣма, не знаешь какъ отдѣлаться; еще надобно писать статью въ журналъ, потомъ надобно обѣдать у князя N, — всякій день гдѣ-нибудь на балѣ, вотъ хоть нынче у графини Ф. Такъ и быть ужъ, пожертвую этой зимой, а лѣтомъ опять запрусь въ свой кабинетъ, окружу себя бумагами, и буду вѣдить только къ старымъ пріятелямъ».

Господинъ („Герой нашего времени“). — Во фракѣ съ длинными усами и красной рожей. Подговоренный драгунскимъ капитаномъ, на вечерѣ въ благородномъ собраніи, „направилъ невѣрные шаги свои прямо къ княжнѣ: онъ былъ пьянъ. Остановясь противъ смутившейся княжны и заложивъ руку за спину, онъ уставилъ на нее мутно-сѣрые глаза и произнесъ хриплымъ дискантомъ: — Пермете... ну, да что тутъ! просто, ангажирую васъ на мазурку». — Видя смущеніе княжны и одобряемый драгунскимъ капитаномъ, прибавилъ: — «Развѣ вамъ не угодно? Я таки опять, имѣю честь васъ ангажировать роугъ тациге... Вы, можетъ, думаете, что я пьянъ? Это ничего!.. Гораздо свободнѣе, могу васъ увѣрить!».. Когда Печоринъ подошелъ къ пьяному господину, взялъ его довольно крѣпко за руку и, посмотрѣвъ ему прямо въ глаза, попросилъ удалиться, Г. сказалъ „засмѣявшись“: — „Ну нечего дѣлать!.. въ другой разъ“... „и удалился къ своимъ товарищамъ, которые тотчасъ увели его въ другую комнату“.

Господинъ рыжій („Княгиня Лиговская“). — Увѣшанный крестами, вѣдилъ въ домъ Печориныхъ только на званые обѣды.

Гостыя („Странный человекъ“). — См. Марфа Петровна.

Гость 1-й („Маскарадъ“). — Гость на великосвѣтскомъ балу, выражающій такое мнѣніе: „Во всякой пѣснѣ модной всегда слова такія есть, которыхъ женщина не можетъ произнести“.

Гость 2-й („Маскарадъ“). — Гость на великосвѣтскомъ балу; говоритъ, что русскій языкъ «слишкомъ прямъ» и „къ женскимъ прихотямъ доселѣ не привыкъ“.

Гость 3-й. — („Маскарадъ“). — Гость на великосвѣтскомъ балу. „Какъ дикарь, свободѣ лишь послушный, не гнется гордый нашъ языкъ; за то ужъ мы какъ гнемся равнодушно!“ говоритъ онъ.

Грицко („Вадимъ“). — „Маленькій рябой казакъ“. Держалъ связаннаго приказчика за веревку и, „злобно улыбаясь, поминутно ее дергалъ“.

Грозный-царь („Пѣсня про Ивана Васильевича“). — См. Иванъ Васильевичъ Грозный.

Громова, Марѳа Ивановна („Люди и страсти“). — Вабка со стороны матери Юрія Волина. Старая помѣщица. Во время капризовъ «дѣвокъ по щегамъ такъ и лупить» и учитываетъ ключницу за то, что та смѣла выдать на кухню двѣ курицы. — «Да намъ ѣсть нечего будетъ — ты меня этакъ съ голоду уморишь!» Во внукъ, (Юрій Волинъ) котораго воспитала, души не чаётъ. «Для него носила сама, Богъ знаетъ что, готова была отъ чаю отказаться, а по четыре тысячи платила учителю»; Юрію наговаривала «на отца, на дядю, на всѣхъ родныхъ». Ревновала внука къ отцу и ставила фунтовую свѣчу каждое воскресенье, «всѣмъ святымъ поклонялась, чтобы убережъ внука отъ родныхъ. «Видитъ Богоматерь», М. И. «не теряла молитвъ». Читаетъ Евангеліе и возмущается «злодѣями-жидами, нехристями проклятыми». — «Всѣхъ бы ихъ переказнила безъ жалости», и сама казнить «лицемѣровъ», но тутъ же велитъ дать «разбойнику Васыть-поваренку» за разбитую кружку «березовой каши». — «Убирайся съ чортомъ, говоритъ М. И., отсылая Васку на конюшню и прибавляетъ: «прости Боже, мое согрѣшеніе!»

Критика: По мнѣнію Михайловскаго, фигура Громовой задумана «живо и правдиво». «Эту смѣсь ханжества помѣщичьей жестокости и искренней любви къ внуку, 15—16 лѣтній мальчикъ [т. е. Лермонтовъ] не могъ выдумать, какъ бы ни была могуча его фантазія, потому что въ этой фигурѣ нѣтъ ничего фантастическаго; не могъ и изъ книгъ вычитать, п. ч. такихъ книгъ не было. Списалъ ли онъ эту бабушку съ своей собственной бабки, неизвѣстно, п. ч. съ этой стороны мы не имѣемъ объ его бабкѣ свѣдѣній. Роль Марѳы Ив. въ семейной драмѣ и нѣкоторыя внѣшнія черты сходства (М. И. ходитъ, опираясь на палку,—бабка поэта, по рассказамъ, тоже опиралась на палку) заставляютъ думать, что это такъ. Но она ли или кто другой послужилъ оригиналомъ для М. И., а изъ драмы видно, что юнаго поэта коробило отъ пощечинъ и плетей, раздаваемыхъ крѣпостной дворнѣ. Тотъ же мотивъ находитъ себѣ, хотя опять таки неискusstное, но сильное выраженіе въ драмѣ «Станный человекъ»,—въ жалобахъ крестьянъ на звѣрскую жестокость помѣщицы». [*Михайловскій*. Соч. т. V «Герой безвременья»].

Грузинка («*Мцыри*»).—Молодая дѣвушка-грузинка, которую видѣлъ Мцыри, когда она, «держа кувшинъ надъ головой... узкою тропой сходила къ берегу. Порой она скользила межъ камней, смѣясь неловкости своей. И бѣденъ былъ ея нарядъ, и шла она легко, назадъ изгибы длинные чадры откинувъ. Лѣтніе жары покрыли тѣню золотой лицо и грудь ея; и зной дышалъ отъ устъ ея и щекъ. И мракъ очей былъ такъ глубокъ, такъ полонъ тайнами любви», что юный Мцыри смутился. Грузинка пѣла, и самый голосъ ея звучалъ «такъ безыскусственно живой, такъ сладко вольный, будто онъ лишь звуки дружескихъ именъ произносить былъ пріученъ». Съ полнымъ кувшиномъ на головѣ, она шла «легко, стройна подъ ношею своей, какъ тополь, царь ея полей».

Грушницкій («*Герой нашего времени*»),—стр. 21.

Гудаль («*Демонъ*»).—Грузинскій князь, отецъ Тамары.

Д.

Дама— («*Маскарадъ*»).—Родственница Арбениныхъ, являющаяся на похороны Нины; не пропускаетъ случая пройтись на счетъ мужа-вдовца: «Ужъ видно, есть надъ нимъ Господнее проклятье. Дурной былъ мужъ, дурной былъ сынъ...» Жалуется, что приходится «разоряться для родныхъ» покупкой матеріи на траурное платье. Смерть Нины произошла отъ того,—поясняетъ она племянницѣ,—«что глупъ вашъ модный свѣтъ. Ужъ доживете вы до бѣды!»

Дама («*Герой нашего времени*»).—Толстая, «осыпанная розовыми перьями; пышность ея платья напоминала времена фижмъ, а пестрота ея негладкой кожи—счастлиую эпоху мушекъ изъ черной тафты. Самая большая бородавка на ея шеѣ прикрыта была фермуаромъ. Недовольна княжной Лиговской за то, что «пренесносная дѣвчонка толкнула ее, и не извинилась, да еще посмотрѣла въ лорнетъ.—*C'est un peu able*. И чѣмъ она гордится? Ужъ ее надо-бы проучить!..» говорить Д. драгунскому капитану.

Дамы («*Казначейша*»).—Дамы (тамбовскія)—«просто чудо!»

Дарья («*Люди и страсти*»).—Горничная Громовой, 38 лѣтъ; къ барынѣ своей привязана «всѣмъ сердцемъ», и не терпитъ чужихъ приказаній.—«Каковы! принеси имъ туда чаю. Какъ будто я ихъ раба. Какъ бы не такъ! такъ не понесу же имъ чаю, пускай ждуть или сами приходятъ». По словамъ Громовой, Дарья хоть и вѣрная холопка, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, тотъ «дьяволь», который жужжалъ «поминутно про адскія средства», «хотѣлъ печали и раздора семейнаго». Волинъ называетъ Д. «преопасной змѣей» и причиною «всѣхъ» «непріятностей» въ домѣ. Въ «рѣшительную

минуту Д. не останавливается ни передъ чѣмъ. Надѣясь получить наслѣдство отъ бездѣтной вдовы-барыни, она клеветаетъ на ея любимца. «Эта старуха», говоритъ Д. вергится по моему хотѣнію, какъ солдатъ по барабану. Я теперь вижу золотые, серебряные... ха... ха... ха... въ рукѣ моей звенятъ кошельки... безъ нихъ, вѣдь, я буду хозяйкой здѣсь... барыня-то слаба: то-то любо!.. Не дай Богъ, однако-жъ, чтобы умерла. При ней-то мнѣ тепло, а тогда... придетъ дѣло плохое за всѣ мои козни, особливо, если онѣ откроются. Мнѣ скажутъ грѣхъ тяжкій эти сплетни, Богъ накажетъ... какъ бы не такъ... я слыхала отъ господъ старыхъ, что, если на исповѣди попу, да положишь десять поклоновъ земныхъ,—и дѣло кончено, за цѣлый годъ поправа.—Да и что за грѣхъ штука теперешняя, я не понимаю: поссорить отца съ сыномъ—не убить, не обокрасть... помиряется... вѣдь... экая важность поссорить отца съ сыномъ.

Демонъ («*Демонъ*»), — стр. 22.

Джулио («*Джулио*»).—Горецъ; «пасмурный чудакъ», его черты (развалины минувшей красоты) не являли старости. По словамъ Д., «онъ жилъ и много испыталъ». «Могилы тѣмъ сходна съ его душой, въ которой страсти лѣтъ—мечты—изрыли бездну вѣчной пустоты». Измѣна Лоры оставляетъ «на немъ раскаянья и мукъ слѣды». «Пять цѣлыхъ лѣтъ провелъ въ Парижѣ», «шалилъ, имѣя съ временемъ губя». «Дорога славы, заманивъ, наскучила. Тогда „совѣсти укоръ убить любовью новой захотѣвъ“, онъ „сталъ искать бесѣды юныхъ дѣвъ». Когда же охладѣлъ къ нимъ... „сталъ бродить печаленъ и одинъ“... И онъ „оставилъ прихотливый свѣтъ, въ которомъ для него веселья нѣтъ“. „Чѣмъ болѣе улыбалось счастье мнѣ“, говоритъ Д., «тѣмъ больше я терзался въ глубинѣ. Я счастье, казалось, привлекъ, когда его на вѣки отнял рокъ“. Жизни пустоту онъ заполнялъ „воспоминаньемъ или игрой мечты“.

Дипломатъ («*Евгения Лиговская*). — Господинъ длинный и блѣдный, причесанный а la Russe и говорившій по-русски хуже всякаго француза, хотя «имѣлъ претензію быть великимъ патриотомъ». говорилъ онъ «высокопарно и мудренно». Такъ, расхваливая прелести Петербурга, замѣтилъ: «эти зданія, которыя съ перваго взгляда васъ только удивляютъ, какъ все великое, со временемъ сдѣлаются для васъ безцѣнны, когда вы вспомните, что здѣсь развилось и выросло наше просвѣщеніе, и когда увидите, что оно въ нихъ уживается легко и пріятно. Всякій русскій долженъ любить Петербургъ: здѣсь все, что есть лучшаго для русской молодежи, какъ бы нарочно собралось, чтобъ подать дружескую руку Европѣ. Москва только великолѣпный памятникъ, пышная и безмолвная гробница минувшаго; здѣсь жизнь, здѣсь наши надежды». Передаетъ споръ о Петербургѣ и Москвѣ на рѣшеніе Печорина и приходитъ въ восторгъ отъ его уклончиваго «талейрановскаго» отвѣта.

Докторъ («*Маскарадъ*»).—Повѣрилъ, очевидно, Арбенину, что жена послѣдняго скончалась отъ мороженаго и бала. («Съ мороженымъ и балами бѣда!»). Ухаживаетъ за живымъ мужемъ и ручается, что тотъ останется живъ, если не сойдетъ съ ума».

Докторъ («*Странный человѣкъ*»). — «Человѣкъ, который въ состояніи высосать послѣднюю копѣйку».

Доминиканецъ («*Испанцы*»).—Пріятель Соррини. Клянется ему „быть заодно“. „За друга всѣмъ готовъ, душой и тѣломъ пожертвовать“. Пишетъ доносъ на Фернандо: «перо терзаетъ иногда сильнѣй, чѣмъ пытка!» Чтобы уничтожить царство—движенія пера довольно; даже рай даетъ перо святого папы». Пощады нѣтъ у Д. «врагамъ закона нашего—и нашимъ (т. е. его и Соррини), и радостно, «съ помощью святого Доминика, еретика изъ жизни въ прахъ» ввергаетъ.

Драгунскій капитанъ («*Герой нашего времени*»).—См. Капитанъ драгунскій.

Дѣва («*Азраилъ*»). — «Видъ печальный и блѣдный». Любитъ безпредѣльно Азраила; «душа» ея съ его душой—«одно», но выходитъ замужъ за воина, такъ какъ «мать ей говоритъ, что покаместъ это должно».

Дѣвушка («*Герой нашего времени*»),—стр. 28.

Е.

Еремѣичъ („Герой нашего времени“).—Одинъ изъ казаковъ, бѣжавшихъ въ погоню за пьянымъ, который гнался за свиньей».

Еремѣевна („Письма про царя Ивана Васильевича“).—Старая работница Калашникова.

Ефимычъ („Герой нашего времени“).—Пьяный казакъ, несчастной жертвой ненужной храбрости котораго пала свинья, „разрубленная пополамъ шашкой“. По словамъ другого казака, «какъ напьется чихиря, такъ и пошелъ крошить все, что ни попало». Зарубивъ свинью, Е. наскочилъ на Вулича. На вопросъ Вулича:—Кого ты, братецъ, ищешь?—отвѣчалъ:—«Тебя!» «ударилъ шашкой» и разрубилъ Вулича «отъ плеча почти до сердца». Послѣ этого заперся въ пустой хатѣ. «Блѣдный, онъ лежалъ на полу, держа въ правой рукѣ пистолетъ; окровавленная шашка лежала возлѣ него. Выразительные глаза его странно вращались кругомъ; порою онъ вздрагивалъ и хваталъ себя за голову, какъ будто нечаянно «припоминая» случившееся. На увѣщеванія покориться, отвѣчалъ: не покорюсь!»—Печоринъ взялъ его живого.

З.

Загорскина, Анна Николаевна («Странный человекъ»).—Мечтаетъ о томъ, чтобы скорѣ сбыть съ рукъ свою дочь Наталью, и замужествомъ дочери поправить «свое разстроенное состояніе».

Загорскина, Наталья Федоровна («Странный человекъ»).—Старшая дочь; дѣвица «въ лѣтахъ»; по словамъ гостя, «недурна», «une figure piquante»; «кокетка до невозможности»; «она не одному Адамову внуку вскружила голову». Къ Арбенину чувствуетъ симпатію и считаетъ его другомъ, но выходитъ за мужъ за Бѣлинскаго, увлеченная его аристократическими замашками.

Зара («Аулъ Бастунджи»).—Черкешенка, дочь «великаго воина», жена Акбулата. «Прекрасна вольной дикой простотой, какъ южный плодъ румяный, золотой, осыпанный душистою росой». «Казалось, вся она была слита, какъ гурія изъ сумрака и свѣта; бѣлѣй и чище раннихъ облаковъ являлась грудь поднявшая покровъ». «Черны глаза у серны молодой, но у нея глаза чернѣе были». «Змѣвились косы на плечахъ младыхъ оплетены тесемкой золотою; а мраморъ плечъ, бѣлѣя изъ подъ нихъ, былъ разрисованъ жилкой голубою». Уста «нѣжнѣй иранской розы». На любовь Селима и предложеніе бѣжать отъ стараго мужа отвѣчаетъ:—«умру, погибну,—но не измѣню». Селимъ убиваетъ Зару.

Зара («Вадимъ»).—Юрій нашелъ З. «полуживую, подъ пылающими угольями разрушенной хижины», «и съ этихъ поръ она жила въ его палаткѣ, незрима и прекрасна, какъ ангелъ. Въ ея чертахъ все дышало небесной гармоніей, ея движенія говорили, ея глаза ослѣпляли волшебнымъ блескомъ, ея бѣленькая ножка, исчерченная лиловыми жилками, была восхитительна, какъ фарфоровая игрушка, ея смугловатая, твердая грудь воздымалась отъ малѣйшаго вздоха... Страсть блистала во всемъ: въ слезахъ, въ улыбкѣ, въ самой неподвижности; судя по ея наружности, она не могла быть существомъ обыкновеннымъ: она была или божество, или демонъ; ея душа была чиста и ясна, какъ веселый лучъ солнца, отраженный слезою

умиленія, или черна, какъ эти очи, какъ волосы, разсыпаящіеся, подобно водопаду, по круглымъ, бархатнымъ плечамъ...» «На всѣ ласки Юрія З. не знала другого отвѣта, какъ ударъ кинжала». «—Я хочу свободы! отвѣтила З.» «На другой день, рано утромъ, Ю. услышалъ ропотъ, поцѣлуевъ, вздохи, стонъ любви, смѣхъ и снова поцѣлуи»; сквозь пологъ разорваннаго шатра Юрій увидѣлъ «З. въ объятіяхъ артиллерійскаго поручика!»

Зара (*«Измаиль-Бей»*).—Дочь старика лезгинца. «Нѣжна, какъ пери молодая». «Въ ея нарядѣ простота, но также вкусъ! Ея головка платкомъ прилежно обвита. Изъ подъ него до груди нѣжной, двѣ косы темныя небрежныя бѣгутъ». «Она ихъ расплетала, заплетала; она понра иться желала». «Въ ея чертахъ земная жизнь играетъ, восточная видна въ ланитахъ кровь». По словамъ Измаила, «нѣжное созданье; «едва изъ дѣтскихъ вышла лѣтъ, а есть ужъ слезы желанья!» Безъ любви «душа пуста, «одно мгновенье тяжелѣе другаго». Любовь къ Измаилу для нея—все. Съ уходомъ Измаила по цѣлымъ днямъ, глядитъ туда, гдѣ скрылася любви ея звѣзда; вездѣ, вездѣ она его находитъ; въ вечернихъ тучахъ милый образъ бродитъ». Услышавъ ночью топотъ, съложивъ сна вскочивъ, дрожитъ и ждетъ его она... З. безсильна бороться съ овладѣвшимъ ею чувствомъ. Она пойдетъ за Изм. и будетъ вѣрнымъ ему слугой.. По словамъ Зары, «отчизна только тамъ, гдѣ любятъ насъ, гдѣ вѣрятъ намъ». — Въ образѣ Селима является Зара къ Измаилу, «чтобъ раздѣлить съ нимъ хоть могилу». Селимъ хранить тайну Зары: «сердце, чѣмъ моложе, тѣмъ боязливѣе, тѣмъ строже хранить причину отъ людей своихъ надеждъ, своихъ страстей». «И тайна юнаго Селима чуждаясь устъ, ланить, очей, отъ любопытныхъ, какъ отъ змѣй, въ груди сокрылася невредима...» Зара вѣрна клятвѣ; она раздѣлитъ съ Измаиломъ, и часъ побѣдный, и минуты жестокой смерти. Она «всюду слѣдуетъ за нимъ хранительной подобно тѣни; никто ни ропота, ни пѣни не слышалъ» на его (Селима) «устахъ»; «боится онъ, или устанетъ, на Измаила только взглянетъ и веселъ трудъ ему и страхъ». «И что мнѣ смерть? О, нѣтъ! красой и счастьемъ юныхъ лѣтъ, моя душа не дорожила; все, все оставлю, жизнь и смерть, но не оставлю Измаила».

Зары отецъ (*«Измаиль-бей»*).—«Лезгинецъ». Онъ «ужъ давно не зрѣлъ отечества». «Три сына и дочь младая съ нимъ живутъ: при нихъ молчитъ еще кручина и бѣдный милъ ему пріючь». Привѣтливый и гостепріимный горецъ, «вкругъ коня онъ самъ заботится, хлопочетъ, онъ самъ снимаетъ весь уборъ и самъ ведетъ его на дворъ»; «онъ руку жметъ гостепріимно, сажая гостя предъ огнемъ». Каждому страннику укажетъ «гдѣ лучшая дорога и самъ до ветхаго порога радушно гостя проведетъ».

Зары семья (*«Измаиль-бей»*).—Ихъ—«три сына и дочь младая»—«живетъ добычей вся семья!» «Когда горятъ ночныя звѣзды, они «пускаются въ развѣзды». «По всюду страхъ приносятъ,—украсть, отнять,—имъ все равно, чихирь и медъ кинжаломъ просятъ и пулей платятъ за пшено: изъ табуна-ли, изъ станицы любого уведутъ коня, они боятся только дня и ихъ владѣньямъ нѣтъ границы».

Заруцкій (*«Люди и страсти»*).—Молодой гусарскій офицеръ, 24 лѣтъ, собутыльникъ Юрія; по словамъ Юрія, З. «веселый и удалой». По собственному признанію, «на то и созданы гусары: пошалить, подраться, помочь любовнику и попить на его свадьбѣ». — «Куда бабы, вмѣшиваются тамъ хорошаго не много будетъ, отзывается З. о женщинахъ». Любитъ Элизу «страстно—столько, сколько гусаръ можетъ любить»: Даетъ клятву, что во зло не употребитъ довѣріе Элизы, но прибавляетъ про себя: «что за важность если я измѣню своему слову. Женщины такъ часто насъ обманываютъ, что и не грѣшно иногда имъ отплатить той же монетой. Элиза эта преинтересная штука, хотя немного кокетится—да это ничего. Первое свиданіе при свидѣтеляхъ, а второе tête à tête можно отважиться—а если нѣтъ, ну, такъ можно жениться, впрочемъ, мнѣ этого не хочется». «Гусарское житье, говорятъ, повеселѣе. На дуэли съ Юріемъ торопятъ послѣдняго:—«коли дѣло дѣлать, такъ скорѣй».

Заруцкій (*«Странный человекъ»*).—Одинъ изъ товарищей Арбенина. На товарищеской пирушкѣ пьетъ «за здоровье пожара московскаго».

Зафирь («Сашка»).—Арапъ, «съ берега Гвинеи», «служитель вѣрный» Сашки. «Покрѣтъ какъ лакомъ былъ чугунный цвѣтъ его лица, и рядъ зубовъ перловыхъ, и блескъ очей открытыхъ, но суровыхъ, когда смѣялся онъ или говорилъ, невольный страхъ на душу наводилъ; и въ голосѣ его, инымъ казалось, все надменностью безумной отзывалось». «Какъ Мефистофель, быстрый и послушный, онъ исполнялъ безмолвно, равнодушно, добро и зло. Ему была законъ лишь воля господина».

Звѣздичь, князь («Арбенинъ»). См. ниже.

Звѣздичь князь.— («Маскарадъ»).—Блестящій офицеръ; ведетъ «жизнь глупца», «жизнь площадного волокиты». «Купидонъ» по наружности, но «безчувственъ, какъ металлъ», по словамъ Арбенина. По характеристикѣ баронессы Штраль (Маска), «безхарактерный, безнравственный, безбожный, самолюбивый, злой, но слабый человѣкъ».— «Въ тебѣ одномъ весь отразился вѣкъ,—вѣкъ нынѣшній, блестящій, но ничтожный. «Наполнить хочешь жизнь, а бѣгаешь страстей; все хочешь ты имѣть, а жертвовать не знаешь, людей безъ гордости и сердца презираешь, а самъ игрушка тѣхъ людей».—Гордо носить эполеты: «я съ честью ихъ досталъ и вамъ ихъ не купить», отвѣчаетъ проигравшійся З. одному изъ игроковъ.—«Право, эти эполеты я заслужилъ не бѣгствомъ отъ врага».—По словамъ самого князя, онъ дѣлалъ зло «невольно»; «отъ своихъ поступковъ» отречься онъ не можетъ—стыдиться же готовъ». «Въ глаза людей злословить» «изъ странности» рѣшается иногда, но честь свою умѣетъ поддержать, и съ тѣмъ предъ кѣмъ онъ виноватъ, кого онъ «тронулъ честь»—обязанъ драться». Онъ готовъ всегда идти къ барьеру, «взять «Лепажу пистолеты» и отмѣрить тридцать два шага». Влюбленная въ З. баронесса совѣтуетъ ему «дорожить побольше честью дамъ».—«Вамъ надо честь мою на поруганье, чтобъ, встрѣтившись со мной на балѣ, на гуляньѣ, могли бы вы со смѣхомъ рассказать друзьямъ смѣшное приключенье и, разрѣшая ихъ сомнѣнье, промолвить: вотъ она! и пальцемъ указать». — Мнѣ это не забыть! вы жизнь мою спасли большую жертву сдѣлали», говоритъ З. Арбенину, но самъ «по свѣтскимъ правиламъ» мужу угождаетъ, а за женою волочится. Все, что «противъ правилъ» возмущаетъ З.—Когда Арбенинъ «съ пощечиной оставидъ» князя и обозвалъ «шутеромъ и подлецомъ», З. спрашиваетъ: «я? я?» и, опомнясь, вскрикиваетъ: «кровь, ваша кровь лишь смоетъ оскорбленье!» Когда же Арбенинъ отказывается съ нимъ стрѣляться, З. кричитъ ему: «вы трусь!» «О, я васъ заставлю драться! Я расскажу вездѣ, поступокъ вашъ таковъ, что вы—не я подлець»... «Честь, честь моя!» О, гдѣ ты, честь моя! Отдайте это слово, отдайте мнѣ его, и я у вашихъ ногъ», молить З. Арбенина.—«О, вы не знали, что такое стыдъ! говоритъ З. Неизвѣстному, «вступившему за княжескую «честь». Онъ считаетъ виной своей «погибели» Нину и не желаетъ «унижать себя позорной местию никогда»; возвращая Нинѣ браслетъ, даетъ совѣтъ: «будьте осторожны: вашъ мужъ злодѣй бездушный и безбожный, и я предчувствую, что вамъ грозитъ бѣда».

Звѣздичь («Арбенинъ»).—Характеристика та-же, см. выше. Звѣздичь «прежде чѣмъ рѣжетъ свинець», доказываетъ, что онъ «не трусь и не подлець» и открываетъ «правду». «Ея признанье ложно! говоритъ онъ объ Оленькѣ, взявшей всю вину на себя и подаетъ Арбенину браслетъ, сорванный съ руки Нины на балу.

Критика: «Любить? но кого же? на время не стоитъ труда, а вѣчно любить невозможно! Въ себя ли заглянешь? тамъ прошлаго нѣтъ и слѣда; и радость, и горе и все тамъ ничтожно!» И много неудавшихся Арбениныхъ, оказавшихся при столкновении съ свѣтскою сферою жизни Соллогубовскими Леониными ¹⁾, —отозвались на эти строки горькаго, тяжелаго разубѣжденія: одни только Звѣздичи остались собою совершенно довольны. Между тѣмъ, лицо Звѣздича и нѣсколько подобныхъ стихотвореній—это тотъ пунктъ, съ котораго въ натурѣ нравственной, т. е. крѣпкой и цѣльной, должно начаться правильное, т. е. комическое, и притомъ безпощадно комическое отношеніе къ дикому произволу личности, оказавшемуся несостоятельнымъ. Но гордость рѣдко можетъ допустить такой поворотъ. Въ стремлении къ идеалу, или на пути духовнаго совершенствованія, всякаго стремящагося жи-

¹⁾ Леонинъ — герой теперь уже забытаго романа гр. Соллогуба.

даютъ два подводныхъ камня: отчаяніе отъ сознанія своего собственнаго несовершенства, изъ котораго есть еще выходъ, и неправильное, непрямоe отношеніе къ своему несовершенству, которое почти совершенно безвыходно. Что человѣку неприятно и тяжело сознавать свои слабыя стороны, это, конечно, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію: задача здѣсь преимущественно въ томъ, чтобы къ этимъ слабымъ сторонамъ своимъ отнестись съ полною, беспощадною справедливостію. Самое обыкновенное искушеніе въ этомъ случаѣ—уменьшить въ собственныхъ глазахъ свои недостатки. Но есть искушеніе несравненно болѣе тонкое и опасное; именно: преувеличить свои слабости до той степени, на которой они получаютъ извѣстную значимость, и пожалуй, даже, по извращеннымъ понятіямъ современнаго человѣка—величавость и обаятельность зла. Мысль станетъ совершенно понятна, если я напомнимъ обаятельную атмосферу, которая разлита вокругъ образовъ, не говорю уже Манфреда, Лары, Гяура,—но Печорина и Ловласа—психологическій фактъ, весьма нерѣдкій съ тѣхъ поръ, какъ «Британской музы небыллицы тревожатъ сонъ отроковицы»... Возьмите какую угодно страсть и доведите ее въ вашемъ представленіи до извѣстной степени энергіи, поставьте ее въ борьбу съ окружающею ее обстановкою—ваше трагическое возрѣніе закроетъ отъ васъ всѣ мелкія пружины ея дѣятельности. Эгоизму современнаго человѣка несравненно легче помириться въ себѣ съ крупнымъ преступленіемъ, чѣмъ съ мелкой и пошлой подлостью; гораздо пріятнѣе вообразить себя Ловласомъ, чѣмъ гоголевскимъ Собакевичемъ, Скупымъ рыцаремъ, чѣмъ Плюшкинымъ, Печоринимъ, чѣмъ Меричемъ; даже, ужь если на то пошло, Грушницкимъ, чѣмъ Милашинымъ Островскаго, потому что Грушницкій хоть и умираетъ эффектно! «Сколько лягушекъ надуваются по этому случаю въ волонъ, въ насъ самихъ и вокругъ насъ! Сколько людей желаютъ показаться себѣ и другимъ преступными, когда они сдѣлали только пошлость, сколько гаденькихъ чувственныхъ поползновеній стремятся принять въ насъ размѣры колоссальныхъ страстей! Хлестаковъ, даже Хлестаковъ, и тотъ зоветъ городничиху «удалиться подъ сѣнь струй»; Меричъ въ «Бѣдной Невѣстѣ» самодовольно проситъ Марью Андреевну простить его, что онъ «возмутить миръ ея невинной души». Тамаринъ¹⁾ радъ радехонекъ, что его зовутъ демономъ!

Такимъ образомъ, даже и по наступленіи той минуты, съ которой въ натурѣ нравственной должно начаться правильное, т. е. комическое отношеніе къ собственной мелочности и слабости, гордость, вмѣсто прямого поворота, предлагаетъ намъ изворотъ. Изворотъ же заключается въ томъ, чтобы поставить на ходули безсильную страстность души, признать ея требованія все-таки правыми; переживши минуту презрѣнія къ самому себѣ и къ своей личности, сохранить однако вражду и презрѣніе къ дѣйствительности. Посредствомъ такого изворота, лицо Звѣздича, въ процессѣ Лермонтовскаго развитія, переходитъ въ типъ Печорина. [*Ап. Григорьевъ. Соч. Т. II.*]

Зораймъ («Ангелъ Смерти»).—«Изгнанникъ», «людьми и небомъ былъ гонимъ»—но блаженства искалъ въ забавахъ не пустыхъ, искалъ онъ въ людяхъ совершенства, а самъ—самъ былъ не лучше ихъ. Искалъ великаго въ ничтожномъ». Зораймъ любилъ, но ему «былъ милѣй дѣвичьей ласки—путь кровавый».—«Я воленъ», говоритъ онъ, «но душа въ неволѣ. Ей должно цѣпи раздробить... Что жизнь?—Давай мнѣ чашу славы, хотя бы въ ней былъ смертный ядъ; я не вздрогну, я выпить радъ... уже-ль одна могила, ничтожный въ мірѣ будетъ слѣдъ того, чье сердце столько лѣтъ мысль о ничтожествѣ томила». «Я долженъ видѣть кровь».—Во время битвы, «окруженный враждебнымъ войскомъ, не хотѣлъ еще бѣжать».

¹⁾ Герой романа-трилогіи («Варенька», «Подводный камень» и «Тамаринъ») М. В. Авдѣева.

И.

Иванъ («*Маскарадъ*»).—Слуга князя Звѣздина. «Мѣшковатый парень», не умѣющій даже сбить «съ рукъ долой скорѣе» явившагося некстати гостя.

Иванъ («*Люди и страсти*»).—Слуга Юрія: женатъ, имѣетъ дѣтей, готовъ и тѣломъ и душой“ исполнить приказанія барина. На предложеніе Юрія взять деньги и оставить его одного отвѣчаетъ: „За тридцать серебряниковъ продалъ Іуда Іисуса Христа... А это еще золото... Нѣтъ, баринъ, я не такой человѣкъ... хотя, рабъ, а не рѣшусь, взять отъ васъ денегъ за такую услугу“. По мнѣнію И. „отецъ всегда воленъ взять сына, вѣдь сынъ „собственность“ отца. „Всегда я заступаюсь за правую сторону“, говоритъ И. Дарѣ.

Иванъ Васильевичъ Грозный («*Пѣсня про царя Ивана Васильевича*»).—Очи, у него «зоркія», «брови черныя», «слово грозное»; посмотришь «словно ястребъ взглянулъ съ высоты». Стукнулъ палкой «и дубовый полъ на подчетверти онъ желѣзнымъ пробилъ оконечникомъ». Пируетъ царь въ «золотомъ вѣнцѣ», «во славу Божию, въ удовольствіе свое и веселіе». «Когда всходитъ мѣсяцъ—звѣзды радуются, что свѣтлѣй имъ гулять по поднебесью, а которая въ тучку прячется—та на землю падаетъ», говоритъ онъ Кирибѣвичу и, услышавъ отвѣтъ своего «вѣрнаго слуги», его бѣдѣ пособить обѣщается:

Вотъ восьми перстенокъ ты мой яхонтовый,
Да возьми ожерелье жемчужное.
Прежде свахѣ смышленной поклоняйся,
И пошли дары драгоценныя
Ты своей Аленѣ Дмитревнѣ:
Какъ полюбишься—празднуй свадьбу,
Не полюбишься—не прогнѣвайся».

На потѣху царя именемъ его «кличь кликали»: «кто побьетъ кого, того царь наградить, а кто будетъ побить, тому Богъ простить». Не сдержалъ своего слова царскаго Иванъ Васильевичъ. И, «увидѣвъ то», какъ «опричникъ молодой» «упалъ замертво», «царь Иванъ Васильевичъ прогнѣвался гнѣвомъ»: «повелѣлъ онъ схватить удалаго купца и привести его предъ лицо свое».—«Отвѣчай мнѣ по правдѣ, по совѣсти, вольной волей, или нехотя, ты убилъ на смерть мово вѣрнаго слугу, мово лучшаго бойца, Кирибѣвича?»—«возговорилъ православный царь. И въ отвѣтъ на слова Кирибѣвича («я убилъ его вольной волею, а за что, про что—не скажу тебѣ; скажу только Богу единому»), и на просьбу купца не оставить „милостью“ „лишь малыхъ дѣтушекъ“, молодую вдову да двухъ братьевъ», Иванъ Васильевичъ обѣщаетъ: „молодую жену и сиротъ“ Калашникова „изъ казны пожаловать, братьямъ по всему царству русскому, широкому торговать безданно, безошплинно“.

А ты самъ ступай, дѣгнушка,
На высокое мѣсто лобное,
Сложи свою буйную головушку.
Я топоръ велю наточить повострѣе.
Палача велю одѣть наряднѣе.
Въ большой колоколъ прикажу звонить,
Чтобы знали всѣ люди московскіе,
Что и ты не оставленъ моей милостью“.

„Милостью“ за то, что „отвѣтъ держалъ“ „по совѣсти“.

«*Критика*: «Это была сильная натура, которая требовала себѣ великаго развитія для великаго подвига; но какъ условія тогдашняго полуазиатскаго быта и

внѣшнія обстоятельства отказали ей даже въ какомъ-нибудь развитіи, оставивъ ее при естественной силѣ и грубой мощи, и лишили ее всякой возможности пересоздать дѣйствительность,—то эта сильная натура, этотъ великій духъ поневолю исказились, и нашли свой выходъ, свою отраду только въ безумномъ мщеніи этой ненавистной и враждебной имъ дѣйствительности... Тиранія Іоанна Грознаго имѣетъ глубокое значеніе, и потому она возбуждаетъ къ нему скорѣе сожалѣніе, какъ къ падшему духу неба, чѣмъ ненависть и отвращеніе, какъ къ мучителю... Можетъ быть, это былъ своего рода великій человекъ, но только не во время, слишкомъ рано явившійся Россіи,—пришедшій въ міръ съ призваніемъ на великое дѣло, и увидѣвшій, что ему нѣтъ дѣла въ мірѣ: можетъ быть, въ немъ безсознательно кипѣли всѣ силы для измѣненія ужасной дѣйствительности, среди которой онъ такъ безвременно явился, которая не побѣдила, но разбила его, и которой онъ такъ страшно мстилъ всю жизнь свою, разрушая и ее и себя самого въ болѣзненной и безсознательной ярости... Вотъ почему изъ всѣхъ жертвъ его свирѣпства онъ самъ наиболѣе заслуживаетъ сожалѣнія; вотъ почему его колоссальная фигура, съ блѣднымъ лицомъ и впалыми, сверкающими очами, съ головы до ногъ облита такимъ страшнымъ величіемъ, нестерпимымъ блескомъ такой ужасающей поэзіи... И такимъ точно является онъ въ поэмѣ Лермонтова: взглядъ очей его—молнія, звукъ рѣчей его—громъ небесный, порывъ гнѣва его—смерть и пытка; но сквозь все это, какъ молнія сквозь тучи, проблескиваетъ величіе падшаго, униженнаго, искаженнаго, но сильнаго и благороднаго по своей природѣ духа. Едва ли во всей исторіи человечества можно найти другой характеръ, который могъ бы съ большимъ правомъ представлять лицо судьбы, какъ Іоаннъ Грозный!..» [*Вѣликий*. Соч. т. V].

Иванъ Игнатьевич («Герой нашего времени»).—Второй секундантъ Грушницкаго. Передъ выстрѣломъ Печорина, «со слезами обнялъ» Грушницкаго.

Иванъ Ильич («Маскарадъ»).—Банкометь.

Иванъ Ильичъ Н—овъ («Сашка»).—Симбирскій дворянинъ. «Богатаго отца богатый сынъ»; «имѣлъ онъ умъ природный» и, что ума полезнѣй, важный чинъ; съ четырнадцати лѣтъ служилъ и съ миромъ уволенъ былъ въ отставку бригадиромъ». «Онъ былъ врагомъ писателей и книгъ, въ дѣлахъ судебныхъ почерпнулъ познанья».

Игуменъ («Бояринъ Орша»).—Уп. л.

Измаиль-Бей («Измаиль-бей»).—Черкесь. «На немъ чекмень, простой бешметъ, чело подъ шапкою косматой; ножны кинжала, пистолеть блестятъ насѣчкой небогатой». «Густыя брови, взглядъ ординный, рѣсницы длинны и черны, движенія быстры и вольны» и «блещетъ бѣлый рядъ зубовъ, какъ брызги цѣны у береговъ». Но хладенъ блескъ его очей». Любовью женщинъ, ихъ тоской онъ веселился какъ игрой, но избѣжать его искусства не удалось ни одной». «Развратомъ, ядомъ просвѣщенія въ Европѣ душной заражонъ», «онъ, сколько могъ, привычекъ, привилъ своей отчизны не отвергъ», но «снѣгъ и вьюга и холодъ сѣверныхъ небесъ» «смыли краску юга», и «смуглый цвѣтъ лица его исчезъ». «Онъ выросъ межъ землей и небесами, не зная принужденія и заботъ», «не зная материнской ласки». «Привыкъ онъ тучи видѣть подъ ногами, надъ собой одинъ лазурный сводъ, и лишь орлы, да скалы величавы съ нимъ раздѣляли юныя забавы». «Онъ для великихъ созданъ былъ страстей». «Онъ обладалъ пылающей душой и бури отразились въ ней со всей ужасной красотой». —Четырнадцати лѣтъ онъ покинулъ родной край: «узнать законы и права чужія», онъ посланъ былъ отцомъ на сѣверъ, но тамъ «родными бредилъ онъ полями и все черкесь въ немъ виденъ былъ». «Въ пирахъ и битвахъ отличался между всѣми; томный взглядъ восточной нѣгой отзывался». Онъ воротился въ край родной, «одну лишь ненависть принесъ» къ русскимъ. «Нѣтъ, нѣтъ не будетъ онъ спокоенъ, пока изъ бѣлыхъ ихъ костей вѣкамъ грядущимъ въ поученье, онъ не воздвигнетъ мавзолей. И такъ отмститъ за униженіе любезной родины своей». «Я знаю васъ»,—онъ шепчетъ,—«знаю, и вы узнаете меня; давно ужъ васъ я презираю, но вашу кровь пролить желаю я только съ нынѣшняго дня». Давно не зналъ онъ «печалей сладостныхъ любви; и самъ давно не предавалъ

слезамъ страданія свои». «Но въ другихъ онъ чувства судить отвыкъ ужъ по своимъ. Не разъ личиною искусства, слезой и сердцемъ ледянымъ, когда обмановъ самъ чуждался, обмануть былъ; боялся вѣрить только потому, что вѣрить нѣкогда всему. И презиралъ онъ этотъ міръ ничтожный...» Встрѣтивъ Зару, И. не внимаетъ ея любви. Мысль о спасеніи своего народа влечетъ его. Одно чувство самоотверженія покрываетъ всѣ остальные. — «Свободный рабъ иль властелинъ, пускай погибну я одинъ»—«все, что меня хоть малость любить, за мной вслѣдъ увлечено, мое дыханіе радость губитъ, щадить мнѣ власти не дано.. Я въ жертву счастье долженъ принести!» Онъ не нападетъ на вражескій станъ «въ тиши ночной».—«Я не разбойникъ потаенный, я видѣть, видѣть кровь люблю, хочу, чтобъ мною пораженный зналъ руку грозную мою. Какъ ты (обр. къ брату Росламбуку) я русскихъ ненавижу и даже болѣе чѣмъ ты. Но подъ покровомъ темноты я чести князя не унижу». «Какъ юный левъ, «гдѣ бранный дымъ краснѣе, гдѣ гуще пыль и смерти крикъ сильнѣе, гдѣ кровью облить мертвый и живой, гдѣ въ бѣгствѣ нѣтъ надежды никакой—онъ тамъ.» «Летитъ, какъ съ неба пламя, его шишакъ и конь, вотъ наше знамя, онъ тамъ! Какъ духъ разитъ и невредимъ, и все бѣжитъ, иль падаетъ передъ нимъ». «Но въ буряхъ битвъ не думалъ Измаиль сыскать самозабвенія и покоя;» въ немъ «чувства, страсть въ очахъ, на вѣки догорѣвъ, таятся, какъ въ пещерѣ левъ, глубоко въ сердцѣ».

Ипать («*Вадимъ*»).—Старый слуга Палицына.

Исправникъ («*Казначейша*»).—Другъ казначея Бобковского, «спокойствія рачитель», «дѣлецъ» и «за столомъ такой забавникъ, что казначейша иногда сгорить, бывало, со стыда».

К.

Казакъ («*Вадимъ*»).—Выѣзжая на гору по узкой дорогѣ, беззаботно бросилъ поводъ и сложа руки «пѣлъ» и предавался мечтамъ своимъ; «его голосъ былъ чистъ и полонъ, его сердце казалось такимъ же».

Казакъ («*Герой нашего времени*»).—Денщикъ Печорина. Когда Печоринъ приказалъ, въ случаѣ если онъ выстрѣлитъ изъ пистолета, «бѣжать на берегъ», К. спросонья «выпучилъ глаза и машинально отвѣчалъ: слушаю, ваше благородіе». Когда же Печоринъ возвратился домой, казакъ «спалъ крѣпкимъ сномъ, держа ружье обѣими руками», и не слыша, какъ шкатулку Печорина, шашку въ серебряной оправѣ и дагестанскій кинжалъ вытащилъ изъ хаты слѣпой.

Казаринъ, Афанасій Павловичъ («*Маскарадъ*»).—Игрокъ и шуллеръ, вращающійся въ высшемъ свѣтѣ. «Міръ для меня—«колода картъ, жизнь—банкъ; рокъ мечеть—я играю»... говоритъ про себя Казаринъ. «И если побѣдишь противника у мѣнѣемъ, судьбу заставишь пасть къ ногамъ твоимъ съ смиреньемъ,—тогда и самъ Наполеонъ тебѣ покажется и жалокъ и смѣшонъ»... Въ игрѣ и шуллерствѣ «сквозь душу переходитъ страстей и ощущеній тьма, и часто мысль гигантская заводитъ пружину пылкаго ума»... Къ людямъ К. примѣняетъ тѣ же «правила игры»: «пусть разомъ тысячу я на туза поставилъ... Положимъ, что случайно, безъ обману, онъ выигралъ,—я очень радъ; но все никакъ туза благодарить не стану»... «А тамъ итоги свелъ, и карту смятую—подъ столъ!»—Арбенинъ, лучший пріятель Казарина, «но въ душѣ» К. не терпитъ Арбенина. «Недурно, если онъ къ тому-жъ великодушень часто, кстати имѣетъ тысячи три душъ и покровительство узнати»... Арбенину, отказавшемуся отъ прежней жизни, Казаринъ не вѣритъ: «Мнѣ скажутъ: можно отучиться, натуру побѣдить!—Дуракъ, кто говоритъ! Пусть ангеломъ и притворится, да чортъ-то все въ душѣ сидитъ». Жизнь для К. «сцена и человекъ «актеръ». К., пользуется въ свѣтѣ общимъ расположеніемъ и даже вліаніемъ.—

Но молодежь для К. «просто—ножь!» «Толкуй имъ, какъ угодно, не знаютъ ни за състь, ни въ пору черестать, ни кстати честность показать, ни передернуть благородно». Со Шприхомъ К. ведетъ «дѣла». На сравненіе Арбенинымъ Шприха—съ чортомъ, отвѣчаетъ: «—Эхъ, братецъ мой, что видъ наружный? пусть будетъ хоть самъ чортъ,—да человекъ онъ нужный:». «Наблюдатель строгій не дѣйствуетъ нигдѣ, за то ужъ» видитъ «много».

Казаринъ («*Арбенинъ*»).—Образы Казарина и Неизвѣстнаго слиты вмѣстѣ.

Казбичъ («*Герой нашего времени*»).—Черкесъ. «Не то, чтобъ мирный. Подозрѣній на него было много, хоть онъ ни въ какой шалости не былъ замѣченъ». Бешметъ на немъ всегда изорванный, въ заплаткахъ, а оружіе въ серебрѣ, а подъ бешметомъ кольчуга. «Рожа у него, по словамъ Максима Максимыча, была самая разбойничья; маленький, сухой, широкоплечій» и лошадь (Карагезъ) тоже разбойничья. Ловокъ К. «былъ какъ бѣсъ». Вздилъ съ абреками за Кубань и Терекъ «отбивать русскіе табуны; приводилъ «въ крѣпость барановъ и продавалъ дешево, только никогда не торговался: что запросить, давай,—хоть зарѣжь, не уступить». Больше всего любилъ своего коня Карагеза, который для К. «не имѣлъ цѣны». К. гордился своимъ Карагезомъ. «Въ цѣлой Кабардѣ не найдешь такого,» говорилъ онъ и гладилъ своего скакуна и давалъ ему «разныя лестныя названья». На предложеніе Азамата промѣнять лошадь на Белу, «долго, долго молчалъ и наконецъ отвѣтилъ старинной пѣсней: «золото купить четыре жены, конь же лихой не имѣетъ цѣны». Когда же увидѣлъ Азамата скачущимъ на лихомъ Карагезѣ, то кинулся «какъ дикій барсъ» въ догонку, выхватилъ изъ чехла ружье и выстрѣлил. Замѣтя, что даль промахъ, К. «завизжалъ, ударилъ ружье о камень, разбилъ его вдребезги, повалился на землю и зарыдалъ какъ ребенокъ». «До поздней ночи и цѣлую ночь онъ пролежалъ ничкомъ на землѣ какъ мертвый, и даже денегъ, положенныхъ рядомъ съ нимъ за купленныхъ Максимомъ Максимовичемъ барановъ, «не тронулъ». На утро пришелъ въ крѣпость и сталъ просить, чтобъ ему назвали похитителя. При имени Азамата «глаза К. засверкали». К. отплатилъ Азамату и Печорину. Долго онъ подстерегалъ Белу, «кружась около крѣпости и, когда та вышла изъ крѣпости къ рѣчкѣ», «подкрался, зажалъ ей ротъ и потащилъ въ кусты, а тамъ вскочилъ на коня». Но конь подъ нимъ не былъ прежній. Печоринъ послалъ пулю въ догонку, лошадь сдѣлала нѣсколько прыжковъ, споткнулась и упала на колѣни». Казбичъ что-то закричалъ и занесъ кинжалъ надъ Белой и вдругъ, пораженный пулей Максима Максимовича, опустилъ руку. Ударивъ кинжаломъ Белу въ спину, онъ бросилъ ружье и «по кустарникамъ, точно кошка, карабкался на утесъ».

Казначейша («*Казначейша*»).—См. Бобковская.

Казначей («*Казначейша*»).—См. Бобковскій.

Калашникова, Алена Дмитриевна («*Пѣсня про царя Ивана Васильевича*»)—стр. 29.

Калашниковъ, Степанъ Парамоновичъ («*Пѣсня про царя Ивана Васильевича*») — стр. 29.

Капитанъ драгунскій («*Герой нашего времени*»).—Другъ и секундантъ Грушницкаго. На предложеніе толстой дамы (на вечерѣ въ залѣ благороднаго собранія) проучить княжну Мери, отвѣчаетъ: «За этимъ дѣло не станетъ!» «Одобрять» пьянаго господина во фракъ, когда тотъ ангажировалъ княжну на мазурку. «Разгоряченный виномъ» рѣшилъ, что «Печорина надо проучить». «Эти петербургскіе слѣтки всегда зазнаются, пока ихъ не ударишь по носу!» Увѣренъ, что Печоринъ «трусъ» и предлагаетъ «испытать его храбрость», предоставляя «первую роль», «особо сердитому» на Печорина, Грушницкому. Послѣдній долженъ, по мнѣнію капитана, придраться «къ какой-нибудь глупости» и вызвать Печорина на дуэль. Предлагаетъ себя въ секунданты и набрасываетъ такой планъ: «вызовъ, приготовленія, условія будутъ какъ можно торжественнѣе и ужаснѣе...» «Только вотъ закорючка: въ пистолетахъ не будетъ пуль». — «Ужъ я вамъ отвѣчаю, что Печоринъ струситъ — въ шести шагахъ ихъ поставлю, чортъ возьми!» Сообщилъ Грушницкому, что видѣлъ какъ кто-то прокрался въ домъ къ Лиговскимъ и отправился подъ окна, «чтобы подстеречь счастливица». Когда Печоринъ спрыгнулъ съ балкона на дернъ,

схватилъ его за плечо. «—Ага! попался! Будешь у меня къ княжнамъ ходить ночью. Получивъ отъ Печорина ударъ «по головѣ кулакомъ», поднялъ тревогу и началъ стучаться въ домъ Печорина:—«Вставайте... воры... черкесы.—На предложеніе Печорина быть секундантомъ его, «капитанъ поклонился очень важно», заявивъ, что обида, нанесенная Грушницкому, относится и къ нему: онъ также былъ ночью съ Грушницкимъ.

Кериба мать («*Ашикъ Керибъ*»).—Отъ слезъ (по сынѣ) потеряла зрѣніе.

Кериба сестра («*Ашикъ Керибъ*»).

Кериба—странникъ. Уп. л.

Керибъ-Ашикъ («*Ашикъ Керибъ*»).—Бѣдный балалаечникъ, «вольный человѣкъ» изъ Тифлиса; «пророкъ не далъ ему ничего, кромѣ высокаго сердца и дара пѣсенъ; играя на саазѣ (балалайкѣ) и прославляя древнихъ витязей Туркестана, ходилъ онъ по свадьбамъ увеселять богатыхъ и счастливыхъ».

Кирибѣевичъ («*Пѣсня про царя Ивана Васильевича*»),—см. стр. 30.

Княгиня («*Салика*»).—Старуха «самыхъ строгихъ правилъ»: «Свѣтъ утверждалъ, что рѣзвый Купидонъ ее краснѣть ни разу не заставилъ, она была изъ тѣхъ княженъ, которыя, страшась святого брака, не смѣютъ дать рѣшительнаго знака, и потому въ сомнѣнныя ждутъ, да ждутъ, покуда ихъ на вистъ не позовутъ; потомъ остатокъ жизни, какъ умѣютъ, за картами клеветуютъ и желтѣютъ».

Князь Синодала («*Демонъ*»),—женихъ Тамары, «ремнемъ затянуть ловкій станъ; оправа сабли и кинжала блеститъ на солнцѣ; за спиной ружье съ насѣчкой вырѣзной: играетъ вѣтеръ рукавами его чухи; кругомъ она вся галуномъ обложена; цвѣтными вышито шелками его сѣдло; узда съ кистями; подъ нимъ весь въ мыль конь лихой безцѣнной масти золотой»... «Какъ оредь онъ кинулся на выстрѣлъ, но злая пуля осетина» сразила князя.

Корсаръ («*Корсаръ*»).—Онъ былъ вскормленъ чужой семьей, одинъ былъ для него «предметъ всѣхъ радостей любимыхъ». Послѣ смерти брата, «съ обманутой душой, ко всѣмъ онъ недовѣрчивъ сталъ». «Всегда любя уединенье, возненавидя шумный свѣтъ, узнавъ невѣрной жизни цѣну, въ сердцахъ людей, нашедъ измѣну, утративъ жизни шумный цвѣтъ, ожесточился онъ». «Не могли болѣе страдать», онъ «вдругъ рѣшился убѣжать». Миръ былъ чужой ему, жизнь—пуста. «Чего-то страшнаго я ждалъ»,—говоритъ онъ.—«грустить, томился и желалъ. Мнѣ жизни дальняя дорога была скользка; я былъ,—несчастныи прахъ изъ бытія».

Красинская («*Княгиня Лиговская*»).—Мать Станислава Красинскаго. Ей «съ перваго взгляда можно было дать лѣтъ шестьдесятъ; хотя она на самомъ дѣлѣ была моложе, но раннія печали сгорбили ея станъ, иссушили кожу, которая сдѣлалась похожа цвѣтомъ на старый пергаментъ. Синеватая жилы рисовались по ея прозрачнымъ рукамъ, лицо ея было сморщено. Въ однихъ ея маленькихъ глазахъ, казалось, сосредоточивались всѣ ея жизненныя силы, въ нихъ свѣтила необыкновенная доброжелательность и невозмутимое спокойствіе». Раззоренная польская дворянка.—«Мы не всегда были въ такомъ положеніи какъ теперь»—говоритъ К. Печорину и вѣритъ, что «скоро поправится все». «Утопающій за щечку хватается» и потому просила сына купить книгу: «Легчайшій способъ быть всегда богатымъ и счастливымъ», но въ книгѣ ничего не нашла. Предъ другими гордится сыномъ, который имѣетъ «очень хорошее мѣсто и хорошее жалованіе», но наединѣ съ нимъ беспокоится: «скоро-ль» сыну «выйдетъ вознагражденіе», т. к. «денегъ осталось мало».—«Ты,—говоритъ К. сыну, «вѣрно, не сумѣлъ угодить начальнику отдѣленія; ну что за бѣда, что они твоими руками жаръ загребаютъ... придетъ и твое время; а, пока мѣсть; если не будешь искать въ людяхъ, и Богъ тебя не взыщетъ».

Красинскій («*Княгиня Лиговская*»).—«Молодой человѣкъ высокаго роста, блондинъ и удивительно хорошъ собою. Большіе томные голубые глаза, правильный носъ, похожій на носъ Аполлона Бельведерскаго, греческій овалъ лица и прелестные волосы, завитые природою, должны были обратить на него вниманіе каждаго. Однѣ губы его, слишкомъ тонкія и блѣдныя, въ сравненіи съ живостью красокъ, разлитыхъ по щекамъ, могли не понравиться».

По словамъ княгини, онъ *quite est tres bien*. Бѣдный чиновникъ. Служить въ департаментъ. Живеть, «жалованьемъ, безъ друзей, безъ родныхъ». Его «удѣль—трудъ и заботы». Когда Печоринъ въ рестораціи громко рассказывалъ товарищамъ, «какъ онъ задавилъ какого-то франта и умчался отъ погони, К. всталъ протянулъ руку, чтобы взять шляпу со стола и явно-умышленно, «сдернулъ на полъ подносъ съ чайникомъ и чашками». «Кровь кинулась въ лицо» К., «онъ стоялъ неподвиженъ и не извинялся».—Милостивый государь,—сказалъ онъ Печорину,—вы меня обидѣли! вы меня оскорбили смертельно! Онъ готовъ вѣчно мстить Печорину, но отъ предложенной дуэли отказывается:—«И вы думаете.—говоритъ К., что я буду достаточно вознагражденъ, когда всажу вамъ въ сердце свинцовый шарикъ!» К. не желаетъ рисковать, такъ какъ у него мать, для которой онъ все и «сея провидѣніе и подпора». Онъ хочетъ заставить Печорина «раскаяться».

Красная Шапка («*Вадимъ*»).—Прозвище Вадима.

Купецъ («*Ашикъ Керибъ*»).—Отправляясь съ караваномъ изъ Тифлиса, принялъ порученіе Магуль-Мегери (взять золотое блюдо и выставять его въ своей лавкѣ въ каждомъ городѣ) и «ездѣ исполнялъ его». Въ Караванъ-Сараѣ въ Халафѣ передалъ Ашикъ-Керибу золотое блюдо и приказъ Магуль-Мегери спѣшить въ Тифлисъ.

Куршуда-братъ («*Ашикъ Керибъ*»).—«Человѣкъ малоумный». Въ отвѣтъ на письмо Кериба, выхватилъ кинжалъ, воскликнувъ:—Ты лжешь! Какъ можно изъ Халафа пріѣхать сюда (въ Тифлисъ) въ три дня? «Когда Магуль-Мегери», узнавъ Кериба, «кинулась къ нему на шею, «бросился на нихъ съ кинжаломъ, намѣреваясь заколотъ обоихъ», но братъ остановилъ его.

Куршудъ-бенъ («*Ашикъ Керибъ*»).—Женихъ Магуль-Мегери. Назвался въ товарищи Керибу, но во время переправы черезъ рѣку, взялъ его одежды и оповѣстилъ родныхъ Кериба, что тотъ утонулъ. Послѣ чудеса А. Кериба безмолвно уступилъ ему Магуль-Мегери и, вмѣсто прежней невѣсты, женился на сестрѣ Кериба. «Что написано у человѣка на лбу его, при рожденіи, того онъ не минуетъ», говоритъ Куршудъ-бекъ, успокаивая брата.

Л.

Лакей («*Герой нашего времени*»).—Валованный слуга «лѣниваго барина» (Печорина)—нѣчто въ родѣ русскаго Фигаро. «Человѣкъ съ большими усами, въ венгеркѣ, довольно хорошо одѣтый для лакея: въ его званіи нельзя было ошибиться, видя ухарскую замашку, съ которою онъ вытряхивалъ золу въ трубку и покрикивалъ на ямщика». На вопросъ: «что это оказія пришла, что ли?» онъ посмотрѣлъ довольно дерзко, поправилъ галстухъ и отвернулся». Максиму Максимовичу также ничего не отвѣтилъ и, когда тотъ тронулъ его по плечу, сказалъ:—«Чья коляска?.. Моего барина». Когда же, наконецъ, М. Максим. удалось вывѣдать отъ него фамилію барина, и штабсъ-капитанъ заявилъ, что онъ съ Печоринимъ пріятель и ударилъ «дружески по плечу Л.», отвѣтилъ, нахмурившись:—Позвольте, сударь; вы мнѣ мѣшаете». На обѣщаніе Максима Максимовича дать восьмигривенный на водку, Л. «сдѣлалъ презрительную мину», однако, увѣрилъ, что исполнить его порученіе, (дать знать Печорину, что его дожидается Максимъ Максимовичъ).

Лакей («*Княгиня Лиговская*»).—Слуга Р—выхъ. Пришелъ къ матери Печорина за какими-то каплями и спиртомъ, потому что дескать барышня очень нездорова и три дня была безъ памяти».

Лафа («*Уланша*»). Юнкерское прозвище Поливанова. «Буянъ лихой». Съ его «молодецкой головой ни допель-кюммель, ни мадера, ни даже шумное ай, ни разу сладить не могли». «Коричневая кожа была въ сіяющихъ угряхъ»; «походка, рожа

на сердце наводили страхъ». «Шумливъ «какъ бѣсъ», и все на немъ гремѣло, «какъ дюжина пустыхъ бутылокъ, толкаясь въ ящикѣ пустомъ». Исполнялъ обязанности «квартирера» и «чинно, важно» развозилъ начальниковъ по квартирамъ; на товарищеской попойкѣ предлагаетъ юнкерамъ «повести ихъ къ «двери рая». На утро, увидя выходящей изъ этой «двери» опозоренную Танюшу, «дерзко тишину наруша» посылаетъ ей въ догонку: «Миръ праху твоему Танюша!» (См. «Перечень»—*Уланша*).

Лезнинецъ («*Хаджи-Абрекъ*»).—Уп. л.

Леила («*Хаджи-Абрекъ*»).—Лезгинка; въ ея щекахъ, какъ метеоръ играетъ пламя крови южной, ея глаза, какъ звѣзды блещутъ и груди полныя трепещутъ». Игрива и прекрасна, какъ «пери молодая». По ея словамъ, она счастлива и отечества ея сердце не знаетъ, ибо «счастье только тамъ, гдѣ любятъ насъ, гдѣ вѣрятъ намъ». Любитъ Вей-Булата.

Леилы-Отецъ («*Хаджи-Абрекъ*»).—«Дряхлый, сѣдой» лезгинецъ. «Живетъ», «какъ голый пенъ среди долинъ» и «безъ силъ хочетъ отмстить за свой позоръ», князю Вей-Булату, похитителю его единственной дочери Леилы.

Лиговская, княгиня («*Герой нашего времени*»).—Женщина сорока пяти лѣтъ. «Послѣднюю половину жизни провела въ Москвѣ и тутъ на покоѣ растолстѣла». По характеристикѣ Вернера, «у ней прекрасный желудокъ, но кровь испорчена». На воды прѣѣхала лѣчиться отъ ревматизма и аккуратно пила по два стакана въ день сѣрно-кислой воды и ежедневно «потѣла въ Ермоловской ваннѣ». Питаетъ уваженіе къ уму и знаніямъ дочери; очень любитъ молодыхъ людей и соблазнительные анекдоты, и сама говоритъ неприличныя вещи, когда дочери нѣтъ въ комнатѣ. Объявила Вернеру, что «дочь ея невинна, какъ голубь». Одѣвается «по строгимъ правиламъ лучшаго вкуса: ничего лишняго». Послѣ дуэли съ Грушницкимъ, когда Печоринъ пришелъ къ ней проститься передъ переводомъ въ N-скую крѣпость, была удивлена, что у Печорина нѣтъ ничего важнаго для разговора съ ней. «А мнѣ нужно поговорить съ вами очень серьезно», сказала княгиня, и «не знала съ чего начать; лицо ея побагровѣло, пухлые ея пальцы стучали по столу. наконецъ, она начала говорить «прерывистымъ голосомъ» о дочери, которую убиваетъ «печаль тайная»; причиной этой печали, княгиня увѣрена, былъ Печоринъ. —Послушайте, вы, можете быть, думаете, что я ищу чиновъ, огромнаго богатства—разувѣрьтесь, я хочу только счастья дочери». «Я богата, она у меня одна»... «Я не должна была бы вамъ всего это говорить, но я полагаюсь на ваше сердце, на вашу честь; вспомните у меня одна дочь... одна»... На просьбу Печорина поговорить съ княжной Мери «наединѣ», отвѣтила «въ сильномъ волненіи»:—«никогда!» потомъ задумалась и, сдѣлавъ знакъ рукой Печорину, чтобы онъ подождалъ, вышла...

Лиговская, княжна Мери («*Герой нашего времени*»).—См. Мери, княжна.

Лиговская Вѣра («*Два брата*»).—Жена князя Лиговскаго. По словамъ Юрія, по натурѣ своей «пылка, тверда, благородна; въ ней что-то первобытное, допотопное, что-то увлекающее. Вокругъ нея какой-то волшебный кругъ очерченъ». Александръ Радинъ, наоборотъ, называетъ ее «вѣтреной непостоянной женщиной», которая «вздумала по прихоти своей располагать судьбой трехъ человекъ: одному назначила покорность, другому вздохъ порицанія, третьему назначила мученія ревности пытки презрѣнія, муки любви отверженной». По собственной характеристикѣ, «не ангель, а слабая безумная женщина», «ужасно ей чувствовать возможность быть непорочною, и не смѣть объ этомъ думать, не смѣть дать себѣ этого имени». Сознаетъ свою вину, «обязанности къ мужу» и отказывается отъ любви къ Юрію Радину.

Лиговская, княгиня Вѣра Дмитріевна («*Княгиня Лиговская*»).—«Женщина двадцати двухъ лѣтъ, средняго женскаго роста, блондинка, съ черными глазами». «Она была не красавица, хотя черты ея были довольно правильны. Овалъ лица совершенно аттической и прозрачность кожи необыкновенна. Безпрерывная измѣнчивость ея фізіономіи, повидимому несообразная съ чертами нѣсколько рѣзкими, мѣшала ей нравиться всѣмъ и нравиться во всякое время. Но за то человекъ, привыкшій слѣдить эти мгновенныя перемѣны, могъ бы открыть въ нихъ рѣдкую пылкость души и постоянную раздражительность нервъ, обѣщающую столько наслажденій догадли-

вому любовнику. Въ станъ былъ гибокъ, движенія медленны, походка ровная. Види ее въ первый разъ, вы бы сказали, если вы опытный наблюдатель, что это женщина съ характеромъ твердымъ, рѣшительнымъ, холоднымъ. вѣрующая въ собственное убѣжденіе, готовая принести счастье въ жертву правиламъ, но не молвъ. Увидавши же ее въ минуту страсти и волненія, вы сказали бы совсѣмъ другое, или, скорѣе, не знали бы вовсе, что сказать». Печоринъ былъ первой любовью Вѣры. Когда онъ объявилъ ей, что ѣдетъ въ полкъ; она выслушала его молча и устремила на него укоризненный взглядъ, не вѣря, чтобы какія-бы то ни было обстоятельства могли его заставить разлучиться съ нею. Клятва и обѣщанія ее успокоили.—«Я никогда не буду принадлежать другому»,—отвѣтила она. Черезъ два года пріѣхала въ Петербургъ уже не Вѣрочка, а княгиня Лиговская, но, по ея словамъ, «есть вещи, которыхъ забыть невозможно, особенно горести».

Лиговскій («*Два брата*»).—Князь, лѣтъ 42-хъ, женатъ; имѣетъ 3.000 душъ. По собственнымъ словамъ, «въ полномъ смыслѣ добрый малый». «Писанныхъ романовъ не терпитъ, а до настоящихъ страстный охотникъ». «Женился, потому-что надобно было жениться и любить жену, потому-что надобно любить ее, чтобы быть «счастливу». Вѣритъ наивно женѣ и одариваетъ ее брилліантами», считаетъ себя «человѣкомъ, рѣшительнымъ, «мужемъ благоразумнымъ»; хочетъ чтобы его послушались, въ случаѣ же нужды имѣетъ твѣдось». Узнавъ о романѣ между своей женой и Юріемъ Радинымъ, рѣшаетъ немедленно увести жену. — «Вы моя», говоритъ Л., «и не должны любить никого кромѣ меня». «Раньше былъ вашимъ прислужникомъ, постельной собачкой, а теперь буду приказывать и этимъ дѣлаю вамъ все наоборотъ».

Лиговской, князь Степанъ Степановичъ («*Княгиня Лиговская*»).—Мужъ Вѣры Дмитриевны, господинъ «довольно сухощавый, съ волосами обстриженными подъ гребенку, съ отвислыми щеками и довольно неблагороднымъ выраженіемъ лица», «прячется въ галстухъ» и одной рукой вытаскиваетъ накрахмаленный воротничокъ. «Человѣкъ не далекій и даже не свѣтскій». При первомъ посѣщеніи его дома Печоринымъ, могъ только отрывисто что-то пролепетать, и затѣмъ долго не могъ выйти изъ «затруднительнаго молчанія. Съ важнымъ видомъ читаетъ и держитъ въ рукахъ газету, откуда вычитываетъ для жены извѣстія объ открытіи новаго магазина на Невскомъ, и тутъ же предлагаетъ барону и Печорину, котораго видитъ въ первый разъ, рѣшить споръ, относительно «петербургскаго гостинца», купленнаго имъ женѣ: модны или нѣтъ серьги?

Лора («*Джулио*»). Уп. л.

Лугинъ («*Отрывокъ I*»).—Имѣлъ независимое состояніе, „вращался въ высшемъ кругу столицы“, гдѣ у Л. было „нѣсколько старинныхъ знакомствъ“. Наружность Л. была ничуть непривлекательна“. „Въ странномъ выраженіи глазъ его было много огня и остроумія“, но „во всемъ существѣ его“ не было «ни одного изъ тѣхъ условій, которыя дѣлаютъ человѣка приятнымъ въ обществѣ: онъ былъ неловко и грубо сложенъ; говорилъ рѣзко и отрывисто; большіе и рѣдкіе волосы на вискахъ, неровный цвѣтъ лица—признаки постояннаго и тайнаго недуга, дѣлали его на видъ старѣе, чѣмъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ». «Люди, знавшіе его умъ и талантъ, находили даже выраженіе лица его приятнымъ», но самъ Л. «твердо убѣдился, что степень его безобразія исключаетъ возможность любви, и на женщинъ смотрѣлъ, какъ на враговъ. «Онъ три года лѣчился въ Италіи отъ ипохонріи и, хотя не вылѣчился» но «пристрастился къ живописи». Онъ былъ «истиннымъ художникомъ, хотя одни только друзья имѣли право наслаждаться его прекраснымъ талантомъ». Въ его картинахъ дышало всегда какое-то неясное, но тяжелое чувство; на нихъ была печать той горькой поэзіи, которую нашъ бѣдный вѣкъ выжималъ изъ сердца его первыхъ проповѣдниковъ». Страдаетъ «сплиномъ» и увѣренъ, что ни одна женщина не можетъ любить» его: «я, говоритъ Л., дурень и, слѣдственно, женщина меня любить не можетъ», ибо «артистическое чувство развито въ женщинахъ сильнѣе, чѣмъ въ насъ». Если ему и «удавалось возбуждать въ иныхъ женщинахъ всѣ признаки страсти», то онъ зналъ «поддѣльность чувства, внушеннаго» имъ самимъ и «благодарилъ за него только себя», и самъ не могъ забыться до полной безотчетной любви;» къ его страсти «примѣшивалось всегда немного злости».

Лѣкаръ («Герой нашего времени»). Когда раненную Казбичемъ Бѣлу привезли въ крѣпость, то Л. былъ «пьянъ, но пришелъ; осмотрѣлъ рану и объявилъ», что Бѣла больше дня жить не можетъ». Лѣчилъ Бѣлу «припарками съ микстурой». На возраженіе Максима Максимовича (вѣдь, вы сами сказали, что онъ умретъ непременно, такъ зачѣмъ тутъ ваши препараты?), отвѣчалъ:—«Все-таки лучше... чтобы совѣсть была спокойна».

М.

Магуль-Мегени («Ашикъ Керибъ»).—Единственная дочь богатаго турка. «Была лучше всѣхъ дѣвушекъ Тифлиса. Полюбила бѣднаго Кероба. Согласилась ждать его семь лѣтъ, но прибавила, что если онъ въ назначенный день не вернется, то она сдѣлается женою Куршудъ-бека», который давно за ней сватается». «Поклялась умереть прежде, чѣмъ опуститъ голову на ложе Куршудъ-бека» и сдержала бы свою клятву, если бы Керибъ не вернулся.

Маешка («Монго»).—Корнетъ. «Малъ и широкъ въ плечахъ». Разгульной жизни отпечатокъ иные замѣчали въ немъ; печалей будущихъ задатокъ хранилъ онъ въ сердцѣ молодомъ». Онъ «лѣнь себѣ въ законъ поставилъ, домой съ дежурства уѣзжалъ, хотя и дома былъ безъ дѣла; порою разсуждалъ онъ смѣло, но чаще онъ не разсуждалъ». «Его покоя не смущало, что не касалось до него; насмѣшекъ гибельное жало броню желѣзную встрѣчало надъ самолюбіемъ его. Слова онъ вѣсилъ осторожно, и опрометчивъ былъ дѣлахъ; порою, трезвый—вралъ безбожно, и молчаливъ былъ на пирахъ».

Маешка—прозвище Лермонтова, полученное имъ въ юнкерской школѣ. По мнѣнію Михайловскаго, Л., «очевидно, охотно носилъ эту кличку, п. ч. самъ себя такъ называлъ въ нѣкоторыхъ юнкерскихъ стихотвореніяхъ. (См. ниже «Перечень» подъ рубрикой «Монго»). Прозвище Маешка происходило отъ Маеух, имени богатаго героя какого-то французскаго романа. Лермонтовъ получилъ его за свою сутоловатость и вообще нестройность стана. Быть можетъ, этотъ физическій недостатокъ, не слишкомъ сильный, чтобы упоминаніе о немъ было оскорбительно для самолюбиваго юноши, но все-таки выдѣлявшій его, обращалъ на себя вниманіе и прежде, до поступленія въ юнкерскую школу. Быть можетъ, онъ послужилъ однимъ изъ толчковъ для созданія Горбача Вадима. (Михайловскій. Соч. Т. V).

Маіоръ С., Василій Петровичъ («Герой нашего времени»).—См. С., маіоръ.

Максимъ Максимовичъ («Герой нашего времени»),—стр. 32.

Марія-донна («Испанцы»).—Жена испанскаго дворянина, за третьимъ мужемъ; жалѣетъ, «что мужа увезть никто не хочетъ».—Падчерицу свою Эмилию М., «чтобы избавиться отъ любопытныхъ глазъ», продаетъ іезуиту Соррини, прильщевная бриллиантами патера. Однако, послѣ того, какъ все было кончено, Донна Марія мѣняется:

„Мнѣ кажется, что начинаю я
Жалѣть о бѣдной жертвѣ сластолюбыя!
А я была, вѣдь, главною причиною...
О, совѣсть, для чего терзать меня
Не кстати? Прежде бы терзала:
Теперь помочь едва ли могутъ люди;
Нѣтъ, не могу я видѣть этотъ жемчугъ
И камни дорогіе—руки, пальцы
Мои дрожать, когда я ихъ держу:
Какая то невидимая сила
Весь этотъ жемчугъ превращаетъ въ слезы“.

Марія Николаевна N («Сашка»).—См. N., Марья Николаевна.

Марфа Петровна («Странный человек»).—лѣтъ пятидесяти, умѣетъ паржаться; ходитъ по крестинамъ.

Маска («Маскарадъ»).—См. Штраль.

Марфуша («Княжна Лиговская»).—Горничная Елисаветы Николаевны Негуровой.—«Толстая, рябая дѣвица».

Мавруша («Сашка»).—Крѣпостная „раба“ Ивана Ильича; Для него „впервые забыла стыдъ“. По распоряженію Ив. Ил. Маврушу увозятъ на дальній хуторъ.

Магуль-Мегери („Ашикъ-Керибъ“).—Единственная дочь богатаго турка;—„была лучше всѣхъ дѣвушекъ Тифлиса. На одной свадьбѣ увидала Ашикъ-Кериба и полюбила его. Когда Керибъ загрустилъ, что М. М. не будетъ его женою, М. М. сказала: «Проси мою руку у отца моего, и отецъ мой сыграетъ нашу свадьбу на свои деньги и наградитъ меня столько, что намъ вдвоемъ достанетъ». Согласилась отпустить Кериба странствовать по свѣту на семь лѣтъ, чтобы «нажить себѣ богатство, но прибавила, что «если въ назначенный день онъ не вернется, то она сдѣлается женою Куршудъ-бека, который уже за нее сватается».

Мелна («Джуслю»).—Уп. л.

Мери, княжна Лиговская («Герой нашего времени»).—См. стр. 35.

Минская («Отрывокъ»).—Молодая женщина. «Она была средняго роста, стройна, медленна и лѣнива въ своихъ движеніяхъ; черные, длинные, чудесные волосы отъняли ея еще молодое и правильное, но блѣдное лицо, и на этомъ лицѣ сіяла печать мысли». На балу у графинѣ В*** чувствуетъ усталость, скуку и зѣвоту. На заявленіе Лугина, что у него сплннъ, даетъ совѣтъ влюбиться. И взгляды ея говорилъ: «мнѣ хотѣлось бы его не любить, но помучить». На вопросъ «въ кого?» отвѣчаетъ:—«хоть въ меня» и тутъ же, окинувъ быстрымъ взглядомъ Лугина, невольно согласилась съ Лугинимъ, что ни одна женщина не можетъ любить его».

Моисей („Испанцы“).—„Сѣдой, богатый еврей, отецъ Ноэми. Проситъ Фернандо взять „имѣнья половину“, но спасти его отъ инквизиціи. „Спаси меня... у насъ въдь, Богъ одинъ“... Спасенный Фернандо, М. считаетъ себя обязаннымъ заплатить испанцу поцѣлуемъ его руки Ноэми („Еврейка у тебя цѣлуетъ руку“)“... Открываетъ въ Фернандо своего сына (бѣжа отъ инквизиціи“ Моисей и съ женой „его оставили на мѣстѣ томъ, гдѣ ночевали“) и „всю казну“ свою отдаетъ за его спасеніе отъ коста инквизиціи.

Монго («Монго»).—«Повѣса и корнетъ, актрисъ коварныхъ обожатель—былъ молодъ сердцемъ и душой: безопасно женскимъ ласкамъ вѣрилъ, и на аршинъ предлинный свой людскую честь и совѣсть мѣрилъ». «Высокъ и худощавъ», породы англійской флегматикъ съ бурными усами; собакъ и портеръ онъ любилъ, но занимался онъ чинами, ходилъ невытый цѣлый день, носилъ фуражку на бекрень, имѣлъ онъ гладкую посадку—неловко гнулъ напередъ и не тянулъ ноги онъ въ пятку, какъ долженъ каждый патріотъ». Неудачная любовь къ артисткѣ зародила «пламень мщенья» «въ душѣ озлобленной его». (См. «Перечень»—«Монго»).

Монахи («Вадимъ»).—Длинные черныя манти съ шорохомъ обметали пыль, велѣдъ за ними; они толкали богомольцевъ съ такимъ важнымъ видомъ, какъ будто бы это была имъ главная должность.—«Всѣ монахи были обыкновенныя полудобрыя существа, глупыя отъ рожденія или отъ старости, неспособныя ни къ чему, кромѣ соблюденія постовъ».

Монахъ («Бояринъ Орша»). Уп. л.

Монахъ («Мцыри»).—Старикъ, чернецъ грузинскаго монастыря, «призрѣлъ» больного плѣннаго мальчика. Впослѣдствіи онъ же «увѣщеваньемъ и мольбой» заставилъ предъ смертью исповѣдаться Мцыри.

Мужикъ («Вадимъ»).—Провзкій; «правиль стоя и пѣлъ какую-то нескладную, пѣсню». Порвнявшись съ Ю., пріостановилъ свою буланую лошадь и «сказалъ», насмѣшливо поглаживая свою рыжую бороду: „что бояринъ, аль тамъ не пирогами кормятъ, что ты больно поторопился домой-то?“..

Мужикъ («*Странный человекъ*»),—Сѣдовласый старикъ. Присланъ отъ села просить Бѣлинскаго быть ихъ защитникомъ и спасителемъ, такъ какъ «терпѣнія ужь нѣтъ, долго переносили, однако пришелъ конецъ... хоть въ воду.

Мулла («*Аулъ-Бастунджи*»).—Уп. л.

Мулла («*Каллы*»).—Открываетъ юношѣ-кабардинцу тайну и требуетъ мести за побѣжденныхъ (отца, мать и брата). «Мои совѣты—Божій гласъ», говоритъ М.

Мцыри («*Мцыри*»),—См. стр. 36.

Н.

Н. Полковникъ («*Герой нашего времени*»).—У него «остался ужинать и почевать», проѣздомъ черезъ Владикавказъ, Печоринъ. Утромъ полковникъ Н., доведя Печорина «до гостинницы, простился съ нимъ, и поворотилъ въ крѣпость».

Н. Марья Николаевна («*Сашка*»).—Жена Ивана Ильича. «Была прелакомый кусокъ и многихъ думъ и взоровъ стала цѣлью». «Читать любила жалкіе рассказы, или смотрѣть на свѣтлый шаръ Діаны, въ бесѣдкѣ темной сидя до утра.

Н. («*Маскарадъ*»).—Хозяинъ квартиры, гдѣ собирались игроки въ карты. Находится въ соглашеніи съ шуллерами. «А князя надо пощипать слегка!»—условливается онъ съ игроками.

Н. Графъ («*Странный человекъ*»).—Уп. л.

Н. Иванъ Ильичъ («*Сашка*»).—См. Иванъ Ильичъ Н.

Настя («*Герой нашего времени*»).—Хорошенькая дочь стараго урядника въ Тамани.

Невѣста русскаго воина («*Измаилъ-бей*»).—По словамъ воина,—«кромѣ любви она не знала»—«ничего»... Послѣ измѣны Измаила, разсудокъ потеряла: рядилась, пѣла и плясала, или сидя молча у окна, по цѣлымъ днямъ, какъ бы не зная, что измѣнилъ онъ ей, вздыхая, ждала измѣнника она. Вся жизнь погибшей дѣвы милой, остановилась на быломъ, ея безумье была любовь къ нему и мысль о немъ».

Негурова, Елисавета Николаевна («*Княгиня Лиговская*»).—«Была бы не дурна если-бъ блѣдность, худоба и старость, почти общій недостатокъ петербургскихъ дѣвушекъ, не затмевали блеска двухъ огромныхъ глазъ и не разрушивали гармонію между чертами довольно правильными и остроумнымъ выраженіемъ». Ей было двадцать шесть лѣтъ и Н. находилась въ томъ возрастѣ, когда волочиться за нею было несовѣстно, а влюбиться въ нее стало трудно». Она родилась въ Петербургѣ—и никогда не выѣзжала изъ Петербурга. Правда, одинъ разъ на два мѣсяца въ Ревель, на воды... и потому направленіе ея петербургскаго воспитанія не получило никакого измѣненія. По-французски она выучилась отъ маменьки... а больше отъ гостей, потому что съ самаго дѣтства проводила дни свои въ гостиной, сидя возлѣ маменьки и слушая всякую всячину. Когда ей исполнилось тринадцать лѣтъ, взяли учителя по билетамъ: въ годъ она кончила курсъ французскаго языка... и началось ея свѣтское воспитаніе. Въ комнатѣ ея стоялъ рояль, но никто не слыхалъ, чтобъ она играла... Танцевать она выучилась на дѣтскихъ балахъ. Романы она начала читать, какъ только перестала учить склады... и читала ихъ удивительно скоро... Пятнадцати лѣтъ ее стали вывозить, выдавая за семнадцатилѣтнюю, и до двадцати пяти лѣтъ условный этотъ возрастъ не измѣнялся... Семнадцать лѣтъ точка замерзанія: они растягиваются сколько угодно, какъ резиновыя помочи. Лизавета Николаевна была недурна—и очень интересна: блѣдность и худоба интересны... При первомъ вступленіи Лизаветы Николаевны на паркетъ гостинныхъ, у нея нашлись поклонники... Это все были люди, всегда аплодирующие новому воде

вилю, скачущіе слушать новую пѣвицу, читающіе только новыя книги. Ихъ замѣняли другіе: эти волочились за нею, чтобъ возбудить ревность въ остывающей любовницѣ, или чтобы кольнуть самолюбіе жестокой красотой. Послѣ этихъ явился третій родъ обожателей: люди, которые влюблялись отъ нечего дѣлать, чтобъ пріятно провести вечеръ, ибо Лизавета Николаевна приобрѣла навѣкъ свѣтскаго разговора и была очень любезна, нѣсколько насмѣшлива, нѣсколько мечтательна... Нѣкоторые изъ этихъ волоките влюбились не на шутку и требовали ея руки: но ей хотѣлось попробовать лестную роль непреклонной... Къ тому же они всѣ были прескучные. Имъ отказали... Одинъ съ отчаянія долго былъ боленъ, другіе скоро утѣшились... Между тѣмъ время шло. Она сдѣлалась опытной и бойкой дѣвою: смотрѣла на всѣхъ въ лорнетъ, обращалась очень смѣло, не краснѣла отъ двухсмысленной рѣчи или взора,—и вокругъ нея стали увиваться розовые юноши, пробующіе свои силы въ словесной перестрѣлкѣ и посвящавшіе ей первые свои опыты страстнаго краснорѣчія. Увы, на этихъ было еще меньше надежды, чѣмъ на всѣхъ прежнихъ. Она съ досадою и вмѣстѣ тайнымъ удовольствіемъ убивала ихъ надежды, останавливала ѣдкой насмѣшкой разливы краснорѣчія,—и вскорѣ они увѣрились, что она непобѣдимая и чудная женщина. Вздыхающій рой разлетался въ разныя стороны.. И наконецъ для Лизаветы Николаевны наступилъ періодъ самый мучительный и опасный сердцу отцвѣтающей женщины»... Въ это время за ней началъ волочиться Печоринъ». Она была этимъ очень довольна, потому что надѣялась завлечь его дальше и дальше» и «женить его на себѣ». Когда Печоринъ измѣнилъ свою систему», Н., вслѣдствіе плохого расчета, желая кольнуть его самолюбіе, повторяла своимъ подругамъ подъ печатью строжайшей тайны свою чистѣйшую, искреннѣйшую любовь». Письмо Печорина, «проразивъ Е. Н. въ глубину сердца, не подѣйствовало на ея нервы» и, при новой встрѣчѣ съ Печоринымъ, «невольное удовольствіе, тайная надежда завлечь снова непостояннаго поклонника, выйти замужъ, или хотя отомстить современемъ по своему, по женски, промелькнуло въ ея душѣ».

Нина („Сказка для дѣтей“). — Хороша была не въ шутку маленькая Нина. „Всѣ ея движенія особаго казались выраженія исполнены“. Всегда одна, запугана отцомъ и англичанки строгостью небрежной, она росла, какъ ландышъ за стекломъ, или скорѣй, какъ бѣлый цвѣтъ поденѣжный. Она была стройна, но съ каждымъ днемъ съ ея лица сбѣгали жизни краски, задумчивѣй большіе стали глазки“. „Но съ самыхъ дѣтскихъ дней ея глаза не измѣняли ей, тая равно надежду, радость, горе; и было темно въ нихъ какъ въ синемъ морѣ“. „И вдалекѣ ея мечты блуждали“. Душа ея была изъ тѣхъ, которымъ рано все понятно.—Для мукъ и счастья, для добра и зла въ нихъ пищи много“. „Онѣ идутъ, куда ихъ повела случайность безъ раскаянья, упрековъ и жалобы. Имъ въ жизни нѣтъ уроковъ, ихъ чувствамъ повторяться не дано“.—„Странныя мечты ее смущали; ей видѣлись среди пустого зала сіянье, роскошь, музыка, цвѣты, толпа и шумъ“. Гремѣли шпоры, къ ней „кавалеръ незримый подходил“ и „мнимый вальсъ“ ее „съ собою уносилъ“. „Склонивъ лукавый взоръ и выставивъ едва примѣтно ножку“, она старалась завести „двухсмысленный и темный разговоръ“, и сердце билось въ ней такъ шибко, шибко, и по устамъ ея змѣилась улыбка. Предъ зеркаломъ она брала уроки и „умъ ея и смѣтливый и здравый отгадывалъ все мигомъ самъ собой“.—Въ семнадцать лѣтъ; предъ первымъ баломъ, она съ утра была какъ въ лихорадкѣ; потомъ поплакала немножко; золотой браслетъ сломала; въ суетахъ перчатки разорвала... Со страхомъ и тоской въ карету сѣла, и дорогой была полна мучительной тревогой“; „споткнулась на крыльцѣ и съ блѣдностью печальной на лицѣ вступила въ залу“. „Свѣтъ ее замѣтилъ“.

Негурова, Катерина Ивановна („Княгиня Лиговская“).—Дама „изъ общества“ пятидесяти пяти лѣтъ. Мужъ зоветъ ее „Катенькой“. Въ отвѣтъ на „длинные диссертаціи мужа“, защищаетъ дочь отъ „напрасныхъ нападеній Негурова:—«Вѣдь не вѣкъ же сидѣть дома... слава Богу,—что мнѣ ея наряды-то стоятъ... А ты свое: замужъ хочешь, замужъ хочешь... Да кабы замужъ не выходили, такъ что было бы...» К. Н. была дама не глупая, по словамъ чиновниковъ, служившихъ въ канцеляріи ея

мужа; женщина хитрая и лукавая, во мнѣніи другихъ старухъ; добрая, довѣрчивая и слѣпая маменька—для бальной молодежи...

Негуровъ, Николай Петровичъ („*Княгиня Лиговская*“).—Отецъ Елисаветы получилъ порядочное наслѣдство и за нимъ хорошее мѣсто и сталъ жить открытѣе. Принадлежалъ, и къ старому и къ новому вѣку. Прежнія понятія, полузабытыя, полустертые новыми впечатлѣніями жизни петербургской, вліяніемъ общества, въ которомъ Н. П. по чину своему долженъ былъ находиться, проявлялись только въ минуты досады или во время спора; они казались ему сильнѣйшими аргументами, ибо онъ помнилъ ихъ грозное дѣйствіе на собственный умъ въ дни молодости. Въ обществѣ жены и дочери, постоянно читаетъ „длинные диссертации насчетъ молодыхъ людей нынѣшняго вѣка“, обвиняя ихъ въ отсутствіи искусства и уваженія передъ старшими. Вспоминаетъ свое время, «когда влюбится молодой человекъ, старается угодить родителямъ, всей роднѣ... а не то, чтобъ все по угламъ съ дочкой перешептываться да глазки дѣлать...—Что это нынче,—срамъ смотрѣть! И дѣвушки не тѣ стали!.. Бывало, слово лишнее услышать, покраснѣють, да и баста: ужъ отъ нихъ не добьешься отвѣта, говоритъ Н., обращаясь къ женѣ.—А ты, матушка, двадцати пяти лѣтъ дѣвка, такъ на шею и вѣшается. Замужъ захотѣлось!.. обращается Н. къ дочери.

Нелидовъ („*Странный человекъ*“).—Тихій, степенный и осторожный; дорожитъ своей доброй славой.

Никита („*Отрывокъ [I] изъ начатой повѣсти*“).—Старый камердинеръ Лугина

Неизвѣстный („*Маскарадъ*“).—Онъ „не изъ тѣхъ людей, которыхъ можетъ мигъ опасный отвлечь отъ цѣли многихъ дней“. Цѣль Н. мсть Арбенину, котораго онъ ненавидитъ потому, что въ молодости, когда Н. былъ „неопытенъ, пылокъ и богатъ“, Арбенинъ его „уговорилъ, увлекъ“ и дочиста обыгралъ. Тогда, говоритъ Незвѣстный: „я покинулъ все съ того мгновенья, все—женщинъ и любовь, блаженство юныхъ лѣтъ, мечтанья нѣжныя и сладкія волненья, и въ свѣтѣ мнѣ открылся новый свѣтъ—міръ новыхъ, странныхъ ощущеній, міръ обществомъ отверженныхъ людей самолюбивыхъ душъ и ледяныхъ страстей, и увлекательныхъ мученій. Я увидалъ, что деньги—царь земли; и поклонился имъ. Года прошли, все скоро унеслось: богатство и здоровье; навѣки предо мной закрылась счастья дверь. Я заключилъ съ судьбой послѣднее условье—и, вотъ, сталъ тѣмъ, что я теперь...“ Н. поклялся, въ вѣчной ненависти и мщеніи Арбенину.

Нина („*Маскарадъ*“).—Жена Арбенина. Молода „лѣтами и душой“, живетъ „безотчетно чувствами играя и рѣзвясь какъ дитя“. Арбенинъ, которому отдалась Нина, „ни сердца своего, ни сердца Арб. не зная“, для нея „странный человекъ“, онъ непонятенъ ей и страшенъ, его упреки больны, но она любитъ его.—Ваше поведеніе не я одна, но осмѣетъ весь свѣтъ, говоритъ Н. Арбенину, отъ ревности испытывающему „почти всѣ муки ада“.—Князю на его признанье, отвѣчаетъ: „и нынче въ первый и послѣдній разъ не говорить со мной прошу покорно васъ; „но ей жаль „безумнаго мальчишку“.

Нина („*Арбенинъ*“).—Жена Арбенина. Молода и лѣтами душой, живетъ „безотчетно чувствами играя и рѣзвясь какъ дитя“. «Ея душа безсильна и черства, мольбой не тронется, боится лишь угрозы, взамѣнъ любви у ней слова, взамѣнъ печали слезы». По словамъ Арбенина, послѣ смерти мужа «на первомъ балѣ она любовника или мужа вновь найдетъ». Сама Нина говоритъ Звѣздичу:

О, вы не знаете, какъ тягостно, какъ скучно
Жить для толпы; всегда въ ея глазахъ,
Не смѣть ни передъ кѣмъ открыться простоудшно,
Для выгодъ мужа быть съ однимъ любезной,
Холодностію мстить другому за него,
И слышать: Нина, это мнѣ полезно;
Благодарю тебя!—и больше ничего».

Она ищетъ «любви хоть на мгновенье», признается, что любитъ Звѣздича и, въ отвѣтъ на ревность мужа, заявляетъ: «я тебя люблю, мнѣ жаль тебя, Евгений»

«Князь любить Оленьку... давно ли я не знаю, и безъ тебя, онъ для нея одной въжалъ сюда... Онъ не бывалъ со мной, онъ избѣгалъ меня... «И я за это, я терплю угрозы ревности, упреки подозрѣнья». Когда же Оленька проситъ у нея защиты, отвѣчаетъ:—«Но что же дѣлать мнѣ?»—Ей «въ тягость жизнь такая», но «смерть всего страшнѣе». «И въ чемъ виновна я?—ни въ чемъ; что балы я люблю, вотъ вся бѣда моя». На колѣняхъ она выпрашиваетъ пощады у Арбенина: любовь къ Звѣздичу для нея «заблужденье, ребячество, огонь воображенья».

Я не любила никого.

Позволь обнять тои вколѣни.

Ты видишь я у ногъ твоихъ, Евгений!

Скажи, скажи, какой цѣной

Купить мнѣ жизнь... цѣной мученій...

Чѣмъ хочешь буду я,—твоей рабой...

Нины-отецъ („Сказка для дѣтей“). — „Старикъ худой и съ виду величавый“. Онъ ростомъ былъ двѣнадцати вершковъ; съ домашними былъ строгъ, неумолимъ; всегда молчалъ; ходилъ до двухъ часовъ, обѣдалъ, спалъ... да иногда, томимый бессонницей, собранье острыхъ словъ перебиралъ, или читалъ Вольтера.

Ниціе („Вадимъ“). — „Ихъ одежды были изображенія ихъ душъ: черныя, надорванныя. Хотя бы малѣйшій знакъ, малѣйшій остатокъ гордости отдѣлился въ глазахъ или въ улыбкѣ“. — Существа, „которые, подобно червямъ, ползаютъ у ногъ богатства, которыя, безъ родныхъ и отечества, кажется, созданы только для того, чтобы упражнять въ чувствительности проходящихъ!“.

Нищій безногій („Вадимъ“). — На вопросъ В. нищій отвѣчалъ съ недовольнымъ видомъ:—«Я былъ проводникомъ одного слѣпого»; насъ было много; когда слѣпой умеръ, то я сталъ лишнимъ. Мнѣ переломали руки и ноги, чтобы я не даромъ кормился и былъ полезенъ; теперь меня возятъ на телѣжкѣ,—и даютъ деньги...»

Ноэми („Испанцы“). — Дочь Моисея, дѣвушка еврейка. „Цвѣтъ пустыни, дитя свободы“, цѣлый день одна и знаетъ пѣсню одну: „низать и распускать свой жемчугъ, читать и перечитывать, одѣться въ парчу и вновь раздѣться, ѣсть и пить и спать“. Раненому Фернандо говорить: „когда ты не нашелъ себѣ друзей между христіанъ—между насъ найдешь“. Любитъ Фернандо «какъ Бога», и «небо запретить любить его не можетъ». Узнавъ, что Фернандо приговоренъ инквизиціей на сожженіе, сходитъ съ ума.

О.

Оленька („Арбенинъ“). — Компаньонка жены Арбенина. «Всегда молчитъ: блѣдна грустна, за то послушнѣе ребенка». «У матери жены моей», говоритъ Арбенинъ «она росла, сиротка съ раннихъ дней». Тяготится своимъ одиночествомъ. «Жизнь шла роскошно убрана, а я одна, одна». «Всѣмъ быть обязанной, всѣмъ жертвовать собою и никого не смѣть любить». „О! развѣ это значитъ жизнь? Счастливая царицы моды! Имъ не измѣнить свѣтъ, и не измѣнять годы. За что же?... Красота моя на красоты поддѣльной не уступитъ: жемчугъ, алмазы, кисея морщинъ и глупости собою не искупятъ. Не счастье—ихъ!.. восторга своего несутъ имъ дань мужчины ежечасно“. „Я лучше, я умнѣй... напрасно!.. «никто не видитъ ничего»... Любитъ страстно князя Звѣздича, но не пользуется взаимностью. По собственному призванію, «не охотница до лжи»; ей ничего не стоитъ собой пожертвовать для Арбенина, („честь жены всего дороже мужу“) и принимаетъ на себя вину Нины.

Олешка („Вадимъ“). — См. Ш у ш е р и н ѣ.

Ольга („Вадимъ“).—Воспитанница Палицына и сестра Вадима. «Степная простая дѣвушка». «Ея лицо было одно изъ тѣхъ, какія мы видимъ во снѣ рѣдко, а на-яву почти никогда». У нея былъ «открытый лобъ и на щеки, если пристально взглянуть, можно было бы различить мелкій золотой пушокъ. «Когда она поднимала большіе глаза свои, то иногда двѣ искры свѣта отдѣлялись въ темнотѣ». Ея темная коса упала между плечами до половины спины; круглота, бѣлизна ея шеи были удивительны, а маленькая ножка обѣщала тайныя совершенства». Рука О, «съ продолговатыми пальцами», была такъ бѣла, что свѣтила въ темнотѣ». «Одна такая рука могла быть цѣлою картиной!» «Это былъ ангелъ, изгнанный изъ рая за то, что слишкомъ сожалѣлъ о человѣчествѣ».—Къ Палицыну она чувствовала благодарность за то, что онъ воспиталъ ее, и ненавидѣла его за ухаживаніе. Когда «Борисъ Петровичъ, намѣревался ее обнять, О. покраснѣла и оттолкнула его руку; это движеніе было слишкомъ благородно для женщины обыкновенной». Въ О. «замѣтна была семейственная гордость». На брань Настасьи Сергѣевны отвѣчала покорностью, несмотря на то, что «мрачный пламень пробужденный въ глазахъ» терялся «въ опущенныхъ рѣсницахъ»; она «неподвижно внимала обиднымъ изреченіямъ, которыя разсердили и испугали бы другую...» Когда О. должна была плясать въ «шелковомъ» «малиновомъ сарафанѣ, съ богатой повязкой», передъ Палицынымъ и его гостемъ, то встрѣтивъ «пьяные глаза разбирающіе ея прелести», «она не смутилась», «тусклая блѣдность ея лица изобличала совершенное отсутствіе безпокойства, совѣшную преданность судьбѣ». «Она походила на испорченный органъ, который не играетъ ни начало, ни конецъ прекрасной пѣсни...» «Мысль», «что она будетъ плясать передъ убійцею отца своего», «какъ молнія, ворвалась въ ея душу» и озарила тамъ слѣды минувшаго и всѣ обиды, всѣ несправедливости, униженія рабства. «Ея рѣсницы были сухи, и сжатая дрожащая губы не пропустили ни одного вздоха», но въ пляскѣ душевная буря вылилась наружу». «Это было не искусство, но страсть». «Слабая» и беззащитная», «отвернувъ лицо, она предавалась буйнымъ ласкамъ Палицына».—О. «все обдумала и рѣшилась сдѣлать первый шагъ на пути, по которому нельзя возвратиться...—Все равно.. они всѣ ведутъ къ смерти; но я не позволю вѣзкому, бездушному человѣку почитать меня за свою игрушку...» говоритъ О. Вадиму. Она хочетъ, «должна отомстить...» «Онъ убійца, обвиняетъ...»—«Братъ! не отвергай моей клятвы.. если ты ее отвергнешь, то берегись, я сказала, что не перенесу этого...» «Ты будешь добръ для меня,—ты примешь мою ненависть, какъ дитя мое, станешь лелѣять его, пока оно вырастетъ и созрѣетъ и смеетъ мой позоръ страданьями и кровью...»

В. говоритъ О.:—«ты не слабый челнокъ, неспособный переплыть это море; волны и буря его тебя не испугаютъ: ты рождена посреди этой стихіи, ты не утонешь въ ея безконечности». Любовь къ Юрію преображаетъ Ольгу.

Орленко („Вадимъ“). — Урядникъ. «Мужчина въ полномъ значеніи сего слова, высокій, крѣпкій сложеніемъ, усатый, съ черной бородкой и румяными щеками».

Орша-бояринъ („Бояринъ Орша“). — «Бояринъ Михаилъ, прозваніемъ Орша; онъ звалъ людей и свѣтъ» и потому «онъ зломъ не могъ быть удивленъ. Добру-жъ давно не вѣрилъ онъ, не вѣрилъ только потому, что вѣрилъ нѣкогда всему!» Заставъ въ комнатѣ своей дочери ночью Арсенія, «на дочь онъ кинулъ злобный взглядъ», «къ двери подошелъ, въ послѣдній разъ въ нее взглянулъ, не вздрогнулъ, даже не вздохнулъ, и трижды ключъ перевернулъ въ ея заржавленномъ замкѣ» «и въ волны ключъ отъ двери той онъ бросилъ сильною рукой». Онъ половъ жажды мести къ обидчику—«у груди моей, хоть нынѣ поздно вижу я, согрѣлась, выросла змѣя!» «За сердце-жъ дочери моей я заплачу тебѣ, злодѣй». Умирая, жалѣетъ только о томъ, «что на рукахъ», «съ плеча омытыхъ кровью до локтей злодѣевъ родины»; «ни капли крови нѣтъ» его обидчика, и говоритъ Арсенію: «скажи скорѣй въ мой старый домъ, тамъ дочь моя; ни ночью, ни днемъ не ѣсть, не спать: все ждетъ да ждетъ, покуда милый не придетъ!»

Орши-дочь („Бояринъ Орша“). Уп. л.

П.

Палицына, Наталья Сергѣевна («Вадимъ»).—Жена Бориса Петровича. «Добрая женщина». Въ продолженіи сорока лѣтъ жирѣла, зѣвала и дразнила служанокъ, приказчика, старосту, мужа, когда онъ въ духѣ...» Когда приходили гости «Н. С. разряжалась въ фижмы и парчевое платье, распудривалась и разрумянивалась».— Воспитанницѣ Ольгѣ напоминала:—«да не я ли тебя отъ нищаго отца-негодяя взяла на свои руки... неблагодарная!..» «Да не смѣй строить рожь, когда я браню тебя! стой прямо и не морщись,—ты забываешь, кто я?»—Н. С. пала жертвой разъяренной толпы, и трупъ ея «обезображенный едва походилъ на бранные останки человѣка и даже ближайшіе родственники не могли бы въ немъ узнать добрую Наталью Сергѣевну».

Палицынъ, Борисъ Петровичъ («Вадимъ»).—„Дворянинъ“. „Мужчина лѣтъ 50-ти высокій, еще здоровый, но съ сѣдыми волосами“, на видъ „довольно угрюмый“, „съ потухшимъ взоромъ“. „Носить синее полукафтанье, съ анненскимъ крестомъ въ петлицѣ“; „ноги его запрятаны въ огромные сапоги“; ходитъ „съ важностью размахивая руками“, „наморщиваніемъ високаго“ лба, выражая досаду. П. любилъ охоту страстно, и спѣшилъ, когда только могъ, углубляться въ непроходимые лѣса, жилище медвѣдей, которые были его главными врагами“. Послѣ неудачной охоты П. „выпивалъ съ горя полграфина водки“. „Старый прелюбодѣй“, онъ „слылъ честнѣйшимъ человѣкомъ во всемъ околоткѣ“ и „погубилъ только одно семейство“—отца Ольги. «Онъ взялъ къ себѣ» Ольгу «ребенкомъ 3-хъ лѣтъ, чтобы принудить къ молчанію нѣкоторыхъ дворянъ, осуждавшихъ его поступокъ; онъ воспиталъ Ольгу какъ рабу и хвалился своею благотворительностью». Первое время «онъ игралъ ея кудрями, забавлялся ея ребячествами» а впослѣдствіи «въ мысляхъ готовилъ ее для постыдныхъ удовольствій».—П. «боялся смерти». «Слово смерть, одно это слово такъ ужаснуло его, что отъ одной этой кровавой мысли онъ раза три едва не обезпачилъ». «Безпечность» погубила П.: онъ не могъ «вообразить, что народъ осмѣлится требовать ихъ крови». «Малодушный старикъ», «спасенный солдаткой, своей любовницей, плакалъ, отъ бѣшенства!»

Параша («Сашка»).—Звалась В... „Она была свѣжа, бѣла, кругла, какъ снѣжный шарикъ; щеки, грудь и шея, когда она смѣялась или шла, дрожали сладострастно; не краснѣя, она на жертву прихоти несла свои красы. Широко и неловко на ней сидѣла юбка; но плутовка поднять умѣла грудь, открыть плечо, ласкать умѣла буйно, горячо и, хитро передразнивая чувства, слыла царицей своего искусства“.

Паша („Ашикъ-Керибъ“).—„Гордый паша и большой охотникъ до пѣсенниковъ. Многихъ къ нему приводили и ни одинъ ему не понравился. Его чауши измучились бѣгая по городу (Халафу) и отыскивая пѣвцовъ. За пѣсни оставилъ у себя бѣднаго Ашикъ-Кериба.“

Петновъ („Маскарадъ“).—Одинъ изъ гостей на великосвѣтскомъ балу, просить Нину Арбенину что-либо спѣть.

Петруха („Вадимъ“).—Сынъ солдатки, „малый лѣтъ 17-ти, глупой наружности, съ рыжими волосами“, „складомъ и ростомъ богатырь“. „Говорить Петруха не умѣлъ и не любилъ“. „Онъ боялся матери больше, чѣмъ всѣхъ казаковъ на свѣтѣ, ибо привыкъ ее бояться“. „Избитый казаками, полуживой, П. остался на дворѣ; онъ охая и стоня, лежалъ на землѣ“, но тайны не выдалъ.

Петрушка („Вадимъ“).—Слуга Палицына.

Печорина, Варвара Александровна („*Княгиня Лиговская*“). — Сестра Григорія Александровича. Шестнадцатилѣтняя дѣвочка. Очень недурна собою; по словамъ маменьки, „не нуждалась въ приданомъ и могла занять высокую ступень въ обществѣ, съ помощію Божіей, хорошенькаго личика и блестящаго воспитанія“. Увѣрена, что молодые люди должны „забавлять дамъ“ и, по словамъ брата, «идеть большими шагами въ храмъ просвѣщенія». Увѣрена также, что дѣвушка въ семнадцать лѣтъ также благоразумна, какъ мужчина въ двадцать пять“.

Печорина, Татьяна Петровна („*Княгиня Лиговская*“). — Мать Печорина, уп. л. Когда „Жоржъ“, вмѣсто университетскаго экзамена, отправился погостить въ подмосковную къ тетущкѣ и обманъ открылся, „отчаяніе Т. П. было ужасно, брань ея неистощима“.

Печоринъ, Григорій Александровичъ („*Герой нашего времени*“), стр. — 39.

Печоринъ, Григорій Александровичъ („*Княгиня Лиговская*“). — «Между родными назывался „на французскій ладъ просто Жоржемъ“. Единственный сынъ богатыхъ родителей, гвардейскій офицеръ, двадцати-трехъ лѣтъ. Наружность П. была «непривлекательная»: онъ былъ небольшого роста, широко въ плечахъ, вообще нескладенъ, и казался сильнаго сложенія, неспособнаго къ чувствительности и раздраженію; походка его была нѣсколько осторожна для кавалериста, жесты его были отрывисты». „Часто онъ выказывалъ лѣнь и беззаботное равнодушіе, но сквозь эту холодную кору прорывалась часто настоящая природа человѣка. Звуки его голоса были то густы, то рѣзки, смотря по вліянію текущей минуты; когда онъ хотѣлъ говорить пріятно, то начиналъ запинаться, и вдругъ оканчивалъ ѣдкою шуткой, чтобы скрыть собственное смущеніе“; „въ свѣтѣ утверждали, что языкъ его золь и опасенъ, ибо свѣтъ не терпитъ въ кругу своемъ ничего сильнаго, потрясающаго, ничего, что бы могло обличить характеръ и волю: свѣту нужны французскіе водевили и русская покорность чуждому мнѣнію». Онъ „сжималъ свои чувства изъ «недовѣрчивости, или изъ гордости“.— Лицо П. смуглое, неправильное, но полное выразительности хранило, глубокіе слѣды прошедшаго и чудныя обѣщанія будущности.. толпа же говорила, что въ его улыбкѣ, въ его странно блестящихъ глазахъ есть что-то. Въ свѣтѣ П. «не былъ замѣченъ». «Онъ былъ еще человѣкъ новый»; онъ не оскорблялся равнодушіемъ свѣта къ нему, потому что оцѣнилъ свѣтъ въ настоящую его цѣну. Онъ зналъ, что заставить говорить объ себѣ легко, но зналъ также, что свѣтъ два раза сряду не занимается однимъ и тѣмъ же лицомъ: ему нужны новые кумиры, новыя моды, новые романы. П. нѣсколько времени «напрасно искалъ себѣ пьедестала, вставши на который, онъ могъ бы заставить толпу взглянуть въ себя». Ему надобно было, чтобы поддержать себя, приобрести то, что нѣкоторые называютъ свѣтскою извѣстностью, т. е. прослыть человѣкомъ, который можетъ дѣлать зло, когда ему вздумается». Въ короткомъ обществѣ, гдѣ умный, разнообразный разговоръ замѣняетъ танцы (рауты въ сторону), гдѣ говорить можно обо всемъ, не боясь цензуры тетусекъ, не встрѣчая чрезчуръ строгихъ и неприступныхъ дѣвъ, — въ такомъ кругу онъ могъ бы блистать и даже нравиться, потому что умъ и душа, показываясь наружу, придаютъ чертамъ жизнь, игру, и заставляютъ забыть ихъ недостатки». Тогда его разговоръ «блисталъ шутками, эпиграммами». «На балахъ Печоринъ съ своей невыгодною наружностью терялся въ толпѣ зрителей, былъ или печаленъ, или слишкомъ золь, потому-что самолюбіе его страдало. Танцуя рѣдко, онъ могъ разговаривать только съ тѣми дамами, которыя сидѣли весь вечеръ у стѣнки, — а съ этими-то именно онъ никогда не знакомился. У него прежде было занятіе — сатира. Онъ разбиралъ танцующихъ, и его колкія замѣчанія очень скоро расходились по залѣ и потомъ по городу. Но разъ какъ-то онъ подслушалъ въ мазуркѣ разговоръ одного длиннаго дипломата съ какою-то княжною. Дипломатъ подъ своимъ именемъ такъ и печаталъ всѣ его остроты, а княжна изъ одного приличія не хотала во все горло. Печоринъ вспомнилъ, что, когда онъ говорилъ то же самое и гораздо лучше одной изъ бальныхъ нимфъ дня три тому назадъ, она только пожала плечами и не взяла на себя даже трудъ понять его. Съ этой минуты онъ сталъ въ обществѣ больше танцовать и рѣже говорить умно и даже ему показалось, что его начали принимать съ большимъ удовольствіемъ».

Однимъ словомъ, онъ началъ постигать, что въ танцующемъ кавалерѣ ума не полагается». — Умъ у Печорина «рѣзкій и проницательный», характеръ «упорный», «воображеніе пылкое». На себя самого онъ «умѣлъ смотрѣть съ безпристрастіемъ» и преувеличивалъ свои недостатки. Трудность борьбы увлекала его, и «онъ далъ себѣ честное слово остаться побѣдителемъ». Онъ выработалъ свою систему, «вооружился» для борьбы несноснымъ наружнымъ хладнокровіемъ и терпѣніемъ. «Онъ зналъ аксіому, что, поздно, или рано, слабые характеры покоряются сильнымъ и непреклоннымъ. За минуту «полнаго блаженства» онъ отдалъ бы «годы двухмысленнаго счастья; скорѣй бы «рѣшился сосредоточить все свои чувства и страсти на одно божественное мгновеніе и потомъ страдать сколько угодно, чѣмъ мало-помалу растягивать ихъ и размѣщать по нумерамъ въ промежуткахъ скуки или печали». «До девятнадцатилѣтняго возраста Печоринъ жилъ въ Москвѣ. Съ дѣтскихъ лѣтъ онъ таскался изъ одного пансіона въ другой и, наконецъ, увѣнчалъ свои странствованія вступленіемъ въ университетъ, согласно волѣ своей премудрой маменьки. Онъ получилъ такую охоту къ перемѣнѣ мѣстъ, что если бы жилъ въ Германіи, то сдѣлался бы странствующимъ студентомъ. Все его путешествіе ограничилось поѣздками съ толпою такихъ же негодяевъ, какъ онъ, въ Петровскій, въ Сокольники и Марьину рощу. Они не брали съ собою тетрадей и книгъ — чтобъ не казаться педантами. Пріятели Печорина, которыхъ число было впрочемъ не очень велико, были все молодые люди, которые встрѣчались съ нимъ въ обществѣ, ибо и въ то время студенты были почти единственными кавалерами московскихъ красавицъ, вздыхавшихъ невольно по эполетамъ и эксельбантамъ, не догадываясь, что въ нашъ вѣкъ эти блестящія вывѣски утратили свое прежнее значеніе. Печоринъ съ товарищами являлся также на всѣхъ гуляньяхъ. Держась подъ руки, они прохаживались между вереницами каретъ, съ великому соблазну квартальныхъ. Встрѣтивъ одного изъ этихъ молодыхъ людей, можно было закрывши глаза, держать пари, что сейчасъ явятся и остальные. Въ Москвѣ, гдѣ прозванія еще въ модѣ, прозвали ихъ *la bande joyeuse*». На лекціи «онъ почти не ходилъ», намѣреваясь «пожертвовать нѣсколько ночей наукѣ и однимъ прыжкомъ догнать товарищей». Осуществить ему «это геройское намѣреніе» помѣшало одно обстоятельство: Печоринъ влюбился въ Вѣрочку Р—ву. На экзаменъ онъ не явился, увѣривъ мать, что экзаменъ отложенъ еще на три недѣли и что онъ все знаетъ». «Обманъ открылся», и въ комитетѣ дядюшекъ и тетюшекъ было положено, что его надобно отправить въ Петербургъ и отдать въ юнкерскую школу, гдѣ его, по убѣжденію дядюшекъ и тетюшекъ, прошколятъ и выучатъ дисциплинѣ». Онъ «какъ стойкъ выслушалъ брань и упреки матери, и „почти на колѣняхъ выпросилъ“ „разрешеніе вступить въ Гусарскій полкъ, стоявшій недалеко отъ Москвы». — Сближеніе съ Вѣрочкой испугало П., онъ, хотя и рано вступилъ на поприще разврата, но честь невинной дѣвушки была еще для него святыней». Онъ былъ еще такъ невиненъ душой, что боялся убить ее неожиданнымъ извѣстіемъ о своемъ отъѣздѣ въ полкъ. Наканунѣ отъѣзда, узнавъ, что Вѣрочка занемогла отъ тоски, онъ «цѣлую ночь не спалъ, чѣмъ свѣтъ сѣлъ въ дорожную коляску — и отправился въ полкъ...» Онъ уѣхалъ съ твердымъ намѣреніемъ забыть Вѣрочку. «Впродолженіе польской кампаніи, «Печоринъ отличался, какъ отличается всякій русскій офицеръ, дрался храбро, какъ всякій русскій солдатъ, любезничалъ со многими паннами; но милый образъ Вѣрочки постоянно тревожилъ его воображеніе». — «Печоринъ имѣлъ самый несчастный нравъ: впечатлѣнія, сначала легкія, постепенно врѣзывались въ его умъ все глубже и глубже, такъ что впоследствии эта любовь пріобрѣла надъ его сердцемъ право давности — священнѣйшее изъ всѣхъ правъ человѣчества». «Тайная досада» была одной изъ причинъ, что онъ началъ водочиться за Негуровой. Ухаживанье за Негуровой Печорину было необходимо для того „пѣдестала“, который онъ сооружалъ, для того, чтобы заставить толпу заглянуть на себя. Онъ зналъ, что въ „свѣтѣ“ фраза: „онъ погубилъ столько-то репутацій“ — значитъ почти: онъ выигралъ столько-то сраженій. «Сдѣлаться любовникомъ извѣстной красавицы было бы слишкомъ трудно для начинающаго а скомпрометировать дѣвушку молодую и невинную онъ бы не рѣшился». Негу-

рова была ни то, ни другое, и П. „избралъ своимъ орудіемъ Елизавету Николаевну“.

„Онъ пошелъ по слѣдамъ древнихъ волокитъ и дѣйствовалъ по формѣ, классически, онъ льстилъ ея самолюбію, блисталъ шутками, эпиграммами, касаясь до всего, даже до любовной метафизики“, не падалъ „молодыхъ и свѣжихъ соперницъ“ Негуровой: „Онъ неумолимо искалъ встрѣчь съ нею и, наконецъ, чуть ей не сказалъ (разумѣется, двусмысленнымъ образомъ), что „обожаетъ ее до безумія“. „Скоро всѣ стали замѣчать ихъ влеченіе другъ къ другу“. П. „избѣгалъ нескромныхъ вопросовъ, но за то дѣйствовалъ весьма открыто“. „Многіе уже стали надъ нимъ подсмѣиваться, какъ надъ будущимъ женихомъ; добрые пріятели стали уговаривать его, отъ безразсуднаго поступка, который ему не входилъ и въ голову. Изъ этого всего онъ заключилъ, что минута рѣшительнаго кризиса наступила“. Онъ воспользовался оброненнымъ во время бала замѣчаніемъ Негуровой:—„какъ хороша сегодня меньшая Р. и отвѣтилъ утвердительно. — Я непременно далъ себѣ слово танцовать съ нею сегодня, именно только потому, что она вамъ нравится“. — „Не правда ли, я очень догадливъ, когда хочу вамъ сдѣлать удовольствіе“. И остальную часть вечера онъ или танцовалъ съ Р., или стоялъ возлѣ ея стула, старался говорить какъ можно больше и казаться какъ можно довольнѣе. «Съ этого дня П. сталъ съ Негуровой разсѣяннѣе, холоднѣе; явно старался ей дѣлать тѣ мелкія непріятности, которыя замѣчаются всѣми и за которыя между тѣмъ невозможно требовать удовлетворенія. Говоря съ другими дѣвушками, онъ выражался объ ней съ оскорбительнымъ сожалѣніемъ. — „Любовь Негуровой къ Печорину, тайну которой она повѣряла своимъ подругамъ, давала ему „излишнее торжество“. Наконецъ, онъ написалъ ей письмо „искаженнымъ почеркомъ“, „какъ будто боясь, что с амья буквы измѣняютъ тайнѣ, — письмо, подъ которымъ, вмѣсто подписи рисовалась какая-то египетская каракуля очень похожая на пятна видимыя на лунѣ“. Въ немъ, неизвѣстный, которому „исторія жизни Негуровой была такъ-же знакома, какъ его собственная записная книжка“, хотѣлъ „сдѣлать доброе дѣло“ и писалъ о Печоринѣ: „онъ съ вами пошутитъ. Онъ недостойнъ васъ; онъ любитъ другую. Всѣ ваши старанія послужатъ только къ вашей гибели. Свѣтъ и такъ указываетъ на васъ пальцами“. Отказъ отъ дома Негуровыхъ, явился „неожиданнымъ успѣхомъ“ его „легкомысленнаго предпріятія“. Онъ не радовался однако, не думалъ о Негуровой; его занималъ другой образъ женщины — той, «которая была постоянною его мечтою въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, съ которою онъ былъ связанъ прошедшимъ, для которой былъ готовъ отдать свою будущность, и сердце его не трепетало отъ нетерпѣнія, страха, надежды“. При мысли о новой встрѣчѣ съ нею, послѣ долгой разлуки, онъ испытывалъ какое-то болѣзненное замираніе; „какая-то мутность и неподвижность мыслей, которыя, подобно тяжелымъ облакамъ, осаждали умъ его, предвѣщали одну близкую бурю душевную. Вспоминая прежнюю пылкость, онъ внутренно досадовалъ на теперешнее свое спокойствіе“. При входѣ въ домъ, гдѣ жила Вѣра, минувшее, какъ сонъ, проскользнуло въ его воображеніи, и различныя чувства внезапно шумно пробудились въ душѣ его. Онъ самъ испугался громкаго бѣненія сердца своего, какъ пугаются сонные жители города при звукѣ ночнаго набата“. Онъ дѣлалъ „рѣшительный шагъ“, но ему самому, были неизвѣстны его намѣренія, опасенія и надежды“. — Печоринъ недовѣрчивъ. Онъ пріучился объяснять „ласки или вниманіе женщинъ расчетомъ, или случайностью“. Онъ сомнѣвался и вѣрилъ одновременно, что Вѣра, выйдя замужъ за „старого, непріятнаго и обыкновеннаго человѣка“, не можетъ любить мужа. При встрѣчѣ съ нею П. „потерялъ все свое самообладаніе, и взоръ его затуманился, кровь прилила къ сердцу; онъ чувствовалъ, что поблѣднѣлъ, когда перешелъ черезъ порогъ гостиной княгини. Онъ самъ не зналъ, что говорилъ. „Опомнившись и думая, что сказалъ глупость, онъ принялъ какой-то холодный, принужденный видъ“ и чувствовалъ „затруднительное молчанье“. Во время начавшагося разговора П. «пристально устремивъ глаза на Вѣру Дмитріевну, старался, но тщетно, угадать ея тайныя мысли». Было время, когда онъ читалъ на лицѣ ея всѣ движенія мысли такъ-же безошибочно, какъ собственную рукопись“, а теперь онъ не понималъ Вѣры. „Изъ гордости онъ рѣшился показать, что, подобно ей, забылъ прошедшее и радуется ея счастью“... Но невольно въ его словахъ звучало оскорбленное самолюбіе.

По собственнымъ словамъ, онъ сталъ теперь уже „взвѣшивать слова свои и поступки“. „Когда я увлекался чувствомъ и воображеніемъ, надо мною смѣялись и пользовались моимъ простосердечіемъ. Но кто-же въ своей жизни не дѣлалъ глупостей, и кто не раскаивался? Теперь, по чести, я готовъ пожертвовать самую чистѣйшую, самую воздушную любовь для трехъ тысячъ душъ съ винокуреннымъ заводомъ и для какого нибудь графскаго герба на дверцахъ кареты. Надо пользоваться случаемъ, такія вещи съ неба не падаютъ“ (Вѣра, разставаясь съ Печоринымъ, клялась ему въ вѣчной любви и вышла замужъ за стараго графа). Онъ хотѣлъ „гордо вызвать на бой ненависть“ княгини, „чтобы увѣриться, такъ же ли она будетъ недолговременна, какъ любовь ея, и онъ достигъ своей цѣли“, «потому что самая ненависть ближе къ любви, нежели равнодушіе». Относясь съ презрѣніемъ къ князю, онъ не показывалъ своего чувства и очаровалъ Лиговскаго „своей любезностью“; отыскивая чиновника—нужнаго человѣка для устройства княжескихъ дѣлъ,—онъ самъ отправился на четвертый этажъ по грязной дворовой лѣстницѣ къ Красинскому, чтобы передать ему „препорученіе князя“.

Въ отвѣтъ на похвалы княгини Красинскому, превозносилъ „до невозможности его ловкость и красоту и увѣрялъ, что Красинскій „непремѣнно будетъ великимъ государственнымъ человѣкомъ“, если не останется вѣчнымъ титулярнымъ совѣтникомъ, но съ этой же минуты возненавидѣлъ Красинскаго.

Плѣнникъ („*Кавказскій плѣнникъ*“).—Взятъ въ плѣнъ Гиреемъ. „Обреченный тяжкой долѣ, почти сдружился онъ съ неволей“.

Повѣренный („*Странный человѣкъ*“).—„Человѣкъ среднихъ лѣтъ съ сѣдыми бакенбардами“. Ведетъ дѣла противъ Павла Григорьевича Арбенина.

Помѣщица („*Странный человѣкъ*“).—По словамъ мужика, злая сварливая барыня; «сѣчетъ за всякую малость, чаще безъ вины»; «разъ даже разсердилась и ножницами кольнула одну изъ своихъ дѣвушекъ, а за ослушаніе велитъ вывертывать руки на станкѣ—или же выщипывать бородку волосокъ по волоску».

Предводитель дворянства („*Казначейша*“).—„Весь спрятанъ въ галстукъ, фракъ до пятъ, дискантъ, усы, и мутный взглядъ“. „Амфитріонъ былъ предводитель, —и въ день рожденія жены, порядка ревностный блюститель, созвалъ губернскіе чины и цѣлый полкъ“.

Псарь („*Вадимъ*“).—«Переваливался», словно «стараясь поддержать свою голову въ равновѣсіи съ прочими частями тѣла», подходилъ къ солдаткѣ, «почесывая бока». «Съ-пьяна наткнулся на оглоблю телѣги, спотыкнулся, упалъ, проворчалъ нѣсколько ругательствъ; такъ и не поднялся на ноги и остался въ сладкомъ самозабвеніи».

Р.

Р*** («*Княгиня Лиговская*»). Уп. л. См. Печоринъ, стр. 90.

Р—въ («*Княгиня Лиговская*»).—Старинный знакомый Татьяны Петровны—матери Печорина.

Р—ва, Вѣрочна («*Княгиня Лиговская*»).—Дѣвичья фамилія Вѣры Дмитріевны Лиговской.

Радинъ, Александръ Дмитріевичъ («*Два брата*»).—Молодой человѣкъ лѣтъ за 30. Его «безцвѣтная молодость протекала въ борьбѣ съ судьбой и свѣтомъ; лучшія чувства, боясь насмѣшки», онъ «хоронилъ въ глубину сердца—они тамъ и умерли»: онъ сталъ честолюбивъ. Служилъ—его обходили. «Пустился въ большой свѣтъ, сдѣлался искуснымъ въ наукѣ жизни—и видѣлъ, какъ другіе безъ искусства счастливы. Всѣ читали на его лицѣ какія-то признаки дурныхъ свойствъ, которыхъ

не было, но ихъ предполагали,—и они родились. «Я былъ скромень»,—говорить онъ—«меня бранили за лукавство—я сталъ скрытенъ. Я глубоко чувствовалъ добро и зло; отецъ меня не ласкалъ, всѣ оскорбляли,—я сталъ злопамятенъ. Я былъ угрюмъ, братъ зесель и открытень, я чувствовалъ себя выше его—меня ставили ниже, я сдѣлался завистливъ. Я былъ готовъ любить весь міръ; меня никто не любилъ, и я выучился ненавидѣть *). Я во всемъ себѣ отказывалъ, вѣчно былъ молчаливой жертвой чужихъ прихотей, вѣчно боролся со своими страстями, не искалъ никакихъ послѣдствій, былъ самъ себѣ въ тягость, даже зла никому умышленно не сдѣлалъ... Я никому не дѣлалъ добра, боясь встрѣтить неблагодарность, презиралъ глупцовъ, боялся умныхъ, былъ далекъ отъ всѣхъ, не заботился ни о комъ. Разъ въ жизни встрѣтилъ «что-то похожее на любовь», и разъ же былъ въ жизни счастливъ. «И съ тѣхъ поръ остался «съ ядовитымъ сомнѣніемъ въ груди, съ сомнѣніемъ вѣчнымъ, которому нѣтъ границъ».

Критика: Н. Котляревскій въ своей работѣ («Лермонтовъ») отмѣчаетъ наибольшее сходство характера Печорина съ Ал. Радинымъ; характеръ послѣдняго, по мнѣнію изслѣдователя, „по всей вѣроятности, служилъ Лермонтову точкой отправленія въ его новой работѣ. Нѣкоторыя слова Р. цѣликомъ сложены въ уста Печорина и нѣтъ сомнѣнья, что Лермонтовъ дѣлалъ такія заимствованія умышленно, а не случайно“.

Радинъ, Дмитрій Петровичъ («*Два брата*»).—Отецъ Александра и Юрія, «старъ, слабъ, много жилъ, иногда слишкомъ весело, иногда слишкомъ печально»; чловѣкъ «строгихъ правилъ, не терпитъ безнравственности, безпутства». По его мнѣнію, «хорошій отецъ долженъ удержать сына отъ безчестныхъ поступковъ, а если сынъ его не слушаетъ, то мѣшать ему всѣми средствами». Сына своего Юрія «любитъ больше жизни и имъ только и дышетъ».

Радинъ, Юрій Дмитриевичъ («*Два брата*») — По словамъ кн. Лиговской «у него въ лицѣ есть что-то ядовитое, злое». Страстно любитъ Вѣру Лиговскую; былъ ею любимъ и «три года думалъ о ней. Три года сожалѣній, надеждъ, недоспанныхъ ночей, три года мучительныхъ часовъ тоски глубокой, неизлѣчимой», и вдругъ счастье и жизнь у него отняли.

Раевичъ («*Герой нашего времени*»).—Московскій фантъ и игрокъ. По характеристикѣ Грушницкаго, «это видно тотчасъ по золотой огромной цѣпи, которая извивается по его голубому жилету». У Р. трость—точно у Робинзона Крузо», «борода», и «прическа *à la moujik*».

Ребенокъ («*Вадимъ*»).—Бѣдный, одиннадцатилѣтній мальчикъ; заграждая путь какой-то толстой барынѣ, получилъ отъ нея ударъ въ затылокъ и, громко зашлавъ, упалъ на землю...

Рожа («*Княгиня Лиговская*»).—Графиня Розалія или Роза, по просто-народному Рожа. Уп. л. (гл. VIII); жена графа Острожскаго, высокая, стройная красавица.

Романовскій, Матвій («*Пѣсня про царя Ивана Васильевича*»).—Бояринъ. Уп. л.

Росламбекъ («*Измаилъ-Бей*»).—Родной братъ Измаила-бея; «умный, и лукавый князь», былъ «кумиромъ народа». «Властитель и полубогъ», привлекалъ всѣ помышленія, всѣ взгляды, и «чернь», «дивясь его дѣламъ», бѣжала «по его слѣдамъ». «Склонялся передъ русскими смиренно. А между тѣмъ съ отважной толпой, станицы раззорялъ во тьмѣ ночной. И возвратясь въ аулъ, на пиръ кровавый онъ плѣнниковъ дрожащихъ приводилъ и увѣрялъ ихъ въ дружбѣ и шутилъ и головы рубилъ имъ для забавы». Онъ выжидалъ «тиши ночной», чтобы напасть на враговъ. Съ появленіемъ Измаилъ-бея слава Росламбека падаетъ... Зависть овладѣваетъ умомъ Росламбека. Его посѣщаютъ кровавыя думы. Онъ одинокъ и угрюмъ въ толпѣ, но злой замыселъ хранить въ тайнѣ. Мысль о мести не покидаетъ его. Р. ждетъ часа, когда сразитъ того, кто явился въ его станъ и отнял у него славу. Онъ убиваетъ Измаила. «Небесный судъ да будетъ»

*) Ср. Печоринъ стр. 41.

надъ тобой, жестокий братъ, завистникъ вѣроломный, ты самъ намѣтилъ выстрѣлъ роковой, ты не нашелъ въ коряхъ руки наемной».

Русскій воинъ («Измаилъ-бей»).—Юноша. «Видъ печальный, блѣдный и худой», безстрашно ищетъ «въ бояхъ конца или славы». «Страха онъ не знаетъ, между всѣхъ отличенъ вдаль и казаковъ примѣромъ ободряетъ». Любитъ южный «водопадъ и зеленый лѣсъ», «съ восторгомъ» встрѣчаетъ «пышную зарю», но «взоровъ страстныхъ» красавицъ юга «не сравнить» «съ привѣтомъ сѣверныхъ очей». Судьба меня»,—говоритъ онъ, «блестящей радугою манила, невольно къ безднѣ подводила... И ждалъ я счастливаго дня! своей невѣстой дорогой смѣлъ ужъ ангела назвать, невиннымъ ласкамъ отвѣчать. И съ райской дѣвой забывать, что рай нѣтъ ужъ подъ луной. И вдругъ ударилъ страшный часъ—причина долготѣйшей муки. Призывъ войны, отчизны гласъ, раздался вѣстникомъ разлуки». Измаилъ воспламенилъ воображеніе его невѣсты и В. явился въ черкесскій станъ, «чтобы себѣ или князю Измаилу—здѣсь найти могилу».

Рябиновъ («Странный человекъ»).—Студентъ, лѣтъ 20; товарищъ Арбенина. На пирушкѣ заявляетъ: «господа! Коперникъ правъ: земля вертится!»

С.

С., Василій Петровичъ, майоръ («Герой нашего времени»).—См. Василій Петровичъ.

Сара («Испанцы»).—Старая еврейка.

Сашка («Сашка»).—«Межъ друзей своихъ не зналъ другого имени». Онъ былъ «москвичъ», «повѣса», «добрый малый»: «бралъ на мѣсяцъ, отдавалъ чрезъ годъ»; печалень ли, бывало, тотчасъ скажетъ! Когда же весель, счастливъ—глазъ не кажетъ». «Онъ ловокъ былъ, со вкусомъ былъ одѣтъ, изящно былъ причесанъ»—На пальцахъ перстни изливали свѣтъ, и галстукъ надушонъ былъ какъ на балѣ. Ему едва ли было двадцать лѣтъ, но блѣдностью казались покрыты его чело и нѣжныя ланиты... И на устахъ его, опаснѣй жама змѣй, насмѣшка вѣчная блуждала. Замѣтно было въ немъ, что съ раннихъ дней въ кругу хорошемъ, то есть въ модномъ свѣтѣ, онъ обжился; что часть своихъ ночей онъ убивалъ бесплодно на паркетѣ и что другую тратилъ не умнѣй... „Въ глазахъ его, открытыхъ, но печальныхъ, нашли бы вы безъ наблюденій дальнихъ, презрѣнье, гордость; хотъ онъ не былъ гордъ, какъ глухой турокъ или богатый лордъ, но все-таки себя въ числѣ двуногихъ онъ почиталъ умнѣе очень многихъ». «Онъ съ гордой былъ рожденъ душою», былъ «желчнаго сложенья». Онъ жилъ, «и жизнiю и чувствами играя», «одинъ съ свободою своею», «не зная ни врага, ни друга», и не склонялъ, онъ головы «передъ бичомъ язвительной молвы». Для него все равно—что годъ что день, что часъ, лишь можно было провести его «безпечно». Въ пять лѣтъ «добро и зло онъ началъ понимать, имѣлъ большую склонность къ разрушенiю»¹⁾. Онъ «не имѣлъ ни брата, ни сестры и такъ какъ мукъ его никто не вѣдалъ, до времени отвыкнувъ отъ игры, онъ жадному сомнѣнiю сердце предалъ. Нѣжностью наружной обманывать онъ почиталъ за зло, за низость, но правдивой мести знаки онъ не щадилъ, хотъ-бъ дошло до драки».—«Онъ былъ рожденъ подъ гибельной звѣздой, съ желаньями безбрежными какъ вѣчность, они такъ часто спорили съ душой и отравили лучшихъ дней безпечность. Они летали надъ его главою, какъ царская корона; но безъ власти вѣнецъ казался бременемъ, и страсти, впервые пробудясь, живымъ огнемъ прожгли алтарь свой, не найдя кругомъ достойной жертвы.

¹⁾ Ср. Арбенинъ („Отрывокъ“) и Арбенинъ („Странный человекъ“).

и въ пустынь свѣта на дружный зовъ не встрѣтилъ онъ отвѣта. И, прирѣвъ дѣтства милые дары, онъ началъ думать, строить міръ воздушный, и въ немъ терялся мыслию послушной. Съ юности онъ «привыкалъ толкаться межъ служанокъ», и одну изъ нихъ онъ полюбилъ «той любовью, которая по жиламъ съ южной кровью течетъ огнемъ, клокочетъ и кипитъ». И «голосъ муки» тогда «онъ понялъ какъ языкъ родной». — Въ модномъ пансіонѣ онъ «много пріобрѣлъ прекрасныхъ правилъ». Онъ пристрастился къ книгамъ, «но скоро ихъ оставилъ». «Онъ увидаль, что дружба, какъ поклонъ, двусмысленная вещь», «любилъ онъ заговоры злобы тайной разстроить словомъ, будто бы случайно; любилъ враговъ внезапно удивить, на крикъ и брань—насмѣшкою отвѣтить, или, притворясь разсѣяннымъ невѣждой, ласкать ихъ долго тщетною надеждой».

Селимъ («*Измаилъ-Бей*»).—См. Зара.

Селимъ («*Аулъ-Бастунджи*»). — Меньшой братъ Акбулата. Былъ «слабъ и нѣженъ», «чуждался битвъ и крови онъ и зла». «Онъ мать убилъ своимъ рожденьемъ» и «началъ жизнь свою, какъ многіе кончаютъ—преступленьемъ». «Онъ росъ одинъ, на волѣ, безъ заботъ». «Привыкъ онъ тучи видѣть подъ ногами, а подъ собой одинъ безбрежный сводъ». «Въ степи, застигнутый мечтами, одинъ сидѣлъ до поздней ночи», и «вкругъ него леталъ чудесный сонъ». Съ братомъ Акбулатомъ Селимъ неразлученъ и оба «никому они дѣла свои не повѣряли, и надменной воли склонить предъ чуждой волей не могли». Но съ той поры, когда въ ихъ саклю вошла женою Акбулата Зара, Селимъ вдругъ измѣнился. «Я гибну!—говоритъ онъ брату. «Я страдаю! Одною думой день и ночь томимъ!» Въ его «душѣ все шевелится груеть, какъ змѣй»... За поцѣлуй Зары,—говоритъ Селимъ Акбулату, «я отдалъ бѣ жизнь» и, «если-бъ могъ, не пожалѣлъ другой». «Какъ бѣдный рабъ онъ палъ» къ ногамъ Акбулата и волю далъ страдающую и слезамъ». — «О, ради прежней дружбы... прежнихъ лѣтъ, отдай мнѣ Зару! уступи! Я буду твоимъ рабомъ!» «Жизнь безъ нея—скупнѣй, страшнѣе гроба». «Любовь хитрѣй чѣмъ ревность, или злоба; я вырву Зару изъ твоихъ когтей, она моя—и быть должна моею!»

Слуга («*Странный человекъ*»).—Слуга Марьи Дмитріевны.

Слуга («*Странный человекъ*»).—Слуга Вѣлинскаго.

Слуга («*Маскарадъ*»).—Слуга Арбенина. Выдаетъ что Нина была на маскарадѣ. Шпіонитъ за приносимыми ей письмами и докладываетъ мужу.

Служки («*Вадимъ*»).—См. Монахи.

Слѣпой («*Герой нашего времени*»).—Мальчикъ лѣтъ четырнадцати «совершенно слѣпой отъ природы. „Сирота убогій“. Говорилъ съ Печоринымъ „малороссійскимъ нарѣчіемъ“, хотя „изъяснялся чисто по русски“. При прощаніи Янко что-то положилъ слѣпому въ руку, промолвивъ:—На, купи себѣ пряниковъ.—Только? сказалъ слѣпой.—Ну, вотъ тебѣ еще,—упавшая монета зазвенѣла, ударяясь о камень.—Слѣпой ее не поднималъ“. Когда лодка съ Янко и дѣвушкой унеслась, слѣпой остался сидѣть на берегу и „громко плакалъ, долго, долго“.

Снѣгинъ («*Странный человекъ*»).—Студентъ лѣтъ 20-ти, олинъ изъ друзей Арбенина. На товарищеской пирушкѣ въ то время, когда «всѣ пьютъ и дурачатся, просить убѣдительно Заруцкаго прочесть стихи Арбенина; характеризуетъ Арбенина наименованіемъ: «Странный человекъ».

Совѣтникъ («*Казначейша*»).—Въ числѣ игроковъ казначея былъ и «господинъ совѣтникъ, блюститель нравовъ, мирный сплетникъ».

Соколовъ, Матвѣй («*Вадимъ*»).—Приказчикъ Палицына; отсчиталъ 25 розогъ Олѣшкѣ Шушерину. Впослѣдствіи былъ связанъ казаками, брошенъ «въ холодный амбаръ» и обреченъ на голодную смерть.

Соколь («*Бояринъ Орша*») — Любимый рабъ Орши.

Солдатка («*Вадимъ*») — «Вдова солдатка, лѣтъ 30-ти, довольно бѣлая, здоровая, большая, русая, черноглазая, полногрудая, опрятная». Мать Петрухи. «При грозномъ словѣ: «пытка», она примѣтно поблѣднѣла, но ни тѣни нерѣшимости или страха не показалось на лицѣ ея, оживленномъ, быть-можетъ, новыми для нея, но не менѣе того благородными чувствами». На всѣ пытки, «несмотря на жилы и на покрас-

нѣвшее отъ боли лицо», «глубокій вздохъ былъ отвѣтомъ. Убѣдившись, что Петруха не выдалъ тайны, она, «содрагаясь, подошла къ нему, но въ глазахъ ея сіяла какая-то высокая, неизъяснимая радость: онъ не высказалъ, не выдалъ своей тайны душегубцамъ».

Синодала князь («Демонъ») — См. Князь Синодала.

Соррини („Испанцы“). — Натеръ итальянецъ-іезуитъ, служащій при инквизиціи.

„Я плутъ“ — говоритъ про себя Соррини:

„Я это знаю самъ, зачѣмъ скриваться
Передъ собой? Я плутъ, но умный плутъ“.
Да, впрочемъ, я не вижу тутъ худого;
Я сотворенъ, чтобъ жить и наслаждаться,
И всѣми средствами я долженъ достигать
Предположенной цѣли. Я достигъ —
И умный человекъ; не удалось — глупецъ!
Такъ судятъ люди большей частью.
Великій инквизиторъ обѣщаль
У нашего отца святого воспросить
Мнѣ шапку кардинала, если я
Явлюсь ея достойнымъ, то есть,
Обманывать и лицемѣрить научусь.
О! это важная наука въ мірѣ!
Наука женщинъ! съ нею прямо въ паны!
. Говорятъ
„Женщины должны быть неприступны
Для нашего сословья“, что такъ законъ велить...
Ужель законъ въ сей толстой книгѣ
Сильнѣй закона всякаго природы?
Безумецъ тотъ, кто думалъ удержать
Ничтожнымъ правиломъ, постановленьемъ
Движенія природы человекъ;
Онъ этимъ увеличилъ грѣхъ и только;
Далъ лишній совѣсти укоръ, и между тѣмъ
Желаніе усилилъ запрещеньемъ».

Въ загробную жизнь Соррини не вѣрять. Онъ спрашиваетъ: «что такое адъ и рай, когда металлъ, въ землѣ отрытый, можетъ спасти отъ перваго, купить другой? Не для толпы ль довѣчивой, слѣпой, сочинена такая сказка»? Онъ увѣренъ, что «проповѣдники объ раѣ и объ адѣ не вѣрятъ ни въ награды рая, ни въ тяжкія мученія, преисподней», «и добрый смыслъ велить не вѣрять, что душу будетъ вѣчный жечь огонь; черти за ноги повѣсятъ тѣхъ, которые ни рукъ, ни ногъ имѣть не будутъ». Грѣхи, по словамъ С., можно откупить лишь были-бъ деньги. Но для другихъ Соррини смиренный рабъ Божій. Онъ учитъ: «земная пища часто не должна ласкать того, кто пищею духовной владѣетъ».

«Нейдетъ»

Мнѣ быть свидѣтелемъ мірскихъ веселій
И юности пировъ гремящихъ.
Сѣдинамъ этимъ преклоняться должно въ прахъ
Передъ распятымъ, а не украшаться
Вѣнками радости: не пѣть я долженъ, но
Рыдать, моляся за грѣхи свои
И ваши — ибо стадо съ пастыремъ едино».

Бродяга испанецъ такъ опредѣляетъ разницу между собою и Соррини: «Мы дѣлаемъ злодѣйства, чтобы жить, а онъ живетъ, чтобы злодѣйства дѣлать». — Соррини не останавливается ни передъ какими средствами — мачеху Эмилию онъ подкупаетъ подарками, слугамъ приказываетъ, «что только можно: ядъ, страхъ огонь, мольбу употребить: — Убейте мачеху, служителей отца, лишь мнѣ испанку приведите». Угроза Фернандо убить Эмилию, если Соррини не отпуститъ ее съ нимъ.

не заставляеть его отказаться отъ своего плана. За смерть Эмилии, которой С. хотѣлъ овладѣть насильно, «онъ золь», какъ дьяволь» и грозить пытками инквизиціи Фернандо.

Упьюсь, какъ сладкимъ нектаромъ,
Его терзаньемъ, вздохами и визгомъ!...
Спади съ меня личина скромности,
Пуускай узнають всѣ, что итальянецъ
Соррини, по его веселію и пляскамъ,
Когда Фернандо будетъ издыхать
Въ огнѣ или подъ ударомъ палача,
Чѣмъ медленнѣй конецъ его придетъ.
Тѣмъ будетъ счастье мое полнѣй.
Оклевету его. Хоть самъ не вывернусь,
Но все же я упьюсь его мученьемъ.

Клевету С. зоветъ на помощь: онъ „никогда такъ не нуждался въ ней, „какъ нынѣ“, чтобъ «могъ облить врага холоднымъ ядомъ ея „зминыхъ жалъ“. С. не считаетъ себя отвѣтственнымъ за свои преступленія:—«постриженъ былъ насильно я въ мовахи,—пускай, пускай они за все отвѣтятъ, что сдѣлалъ я, пускай въ аду горять они“...

Сосѣдъ («Вадимъ»).—«Отецъ Ольги, сосѣдъ, другъ и позднѣе врагъ Палицына богатый дворянинъ», снабжалъ Палицына деньгами въ случаѣ нужды, ручался за него своею головою и, «подобно многимъ, кончилъ жизнь на соломѣ... «въ домѣ бѣднаго сосѣда»; «на жесткой постелѣ», «передъ кончиной, его сѣдая голова, неподвижная, сухая, подобная бѣлому камню, остановила на «Вадимѣ пронзительный взоръ, гдѣ горѣла послѣдняя искра жизни и ненависти»...

Софья княжна («Странный человекъ»).—Кузина Загорскиныхъ. По словамъ Бѣлинскаго,—«прехорошенькая и прелюбезная дѣвушка». Имѣеть злой язвительный языкъ; хитра и завистлива; любить безумно Арбенина; за равнодушіе губить его: она не останавливается ни передъ чѣмъ и «употребляетъ все, что имѣеть лживаго женская хитрость, чтобы разрушить его благополучіе». «Пусть погибну я»,—говоритъ С., «но въ утѣшеніе себѣ скажу—онъ не веселъ, когда я плачу, его жизнь неспокойнѣ моей». «Слабодушна и не тверда;» достигнувъ желаемого, чувствуетъ раскаяніе:—«О какъ бы я возвратила Арбенину его потерю», мучается С.

Старикъ («Маскарадъ»).—Родственникъ Нины. На похоронахъ ея замѣчаетъ, что на гробѣ «покровъ богатъ! парчу вы рассмотрѣли? У брата моего прошедшею весной на гробѣ былъ точъ въ точъ такой».

Старика дочь (старшая) («Вадимъ»).—Сидѣла и поддерживала голову сестры которая лежала у ней на колѣняхъ; ихъ волосы были растрепаны, перси обнажены, одежды изорваны; толпа веселыхъ казаковъ осыпала ихъ обидными похвалами, обидными насмѣшками...»

Старика дочь младшая («Вадимъ»).—«Розовая, фантастическая головка, достойная кисти Рафаэля, съ дѣтской, полусонной, полупечальной, полурадостной, невыразимой улыбкой на устахъ; она прилегла на плечо старика, такъ безопасно и доврчиво, какъ ложится капля росы небесной на листокъ, изсушенный полднемъ, измятый грозью и стопами прохожаго».

Старикъ («Вадимъ»).—Помѣщикъ села Краснаго, взятый въ плѣнъ и сидѣвшій въ одной изъ кибитокъ, изъ которыхъ видна была его «сѣдая лысая, желтая, исчерченная морщинами, угрюмая голова; лѣтъ 60-ти или болѣе; его взглядъ былъ мраченъ, но благороденъ, исполненъ той холодной гордости, которая иногда рождается съ нами, но чаще дается воспитаніемъ, образуется отъ продолжительной привычки повелѣвать себѣ подобными. Одежда старика была изорвана и мѣстами запятнана кровью. Онъ не хотѣлъ молча отдать наслѣдіе своихъ предковъ пошлымъ разбойникамъ, не хотѣлъ видѣть безчестіе дѣтей своихъ, не поднявъ меча за право собственности...» «Эти черты, отлитыя въ какую-то особенную форму величія и благородства, исчерченные когтями времени и страданій, старинныхъ страданій, слившихся съ его жизнью, какъ сливаются двѣ однородныя жидкости» «Ни близость

смерти, ни досада, ни ненависть—ничто не могло, казалось отуманить этого спокойнаго всепроникающаго взгляда, но вотъ онъ обратилъ ихъ во внутренность кибитки, и что же? двѣ крупныя слезы, засверкавъ, невольнo выбѣжали на сѣдыя рѣсницы и чуть-чуть не упали на подымающуюся грудь его». «Казакъ, однако, не смѣли подойти къ старику; его строгій, пронзительный взоръ порадовалъ ихъ дикія сердце непонятнымъ страхомъ».

Старичокъ («Отрывокъ»).—„Фигура, въ полосатомъ халатѣ и туфляхъ“; „сѣдой сгорбленный“; лицо блѣдное и длинное, было неподвижно, губы скаты; сѣрыя мутныя глаза, обведенныя красной каймой, смотрѣли прямо безъ цѣли“. Старичокъ производилъ странное впечатлѣніе: онъ дѣлался то выше, то толще, то почти совсѣмъ съживался“. Увидя его, Лугинъ подумалъ, не привидѣніе ли онъ. Во время бесѣды Лугинъ находился «подъ магнетическимъ вліяніемъ его сѣрыхъ глазъ».

Старуха («Герой нашего времени»).—Мать пьянаго казака-убійцы Вулича. «Сидѣла на толстомъ бревнѣ, облокотясь на свои колѣни и поддерживала голову руками». «Ея губы по временамъ шевелились... молитву онъ шептали, или проклятіе?» На обращеніе есаула къ старухѣ, убѣдить сына-сдаться и не заставляя «господь» дожидаться около хаты, только посмотрѣла пристально «и покачала головой».

Старуха («Герой нашего времени»).—На всѣ распросы Печорина отвѣчала, «что она глуха и не слышитъ; когда же Печоринъ взялъ за ухо слѣвнаго и сталъ его допытывать („говори, куда ты только таскался съ увломъ, а?“) старуха вдругъ услышала, и стала ворчать: вотъ выдумываютъ, да еще на убогаго! за что вы его? что онъ вамъ сдѣлалъ?».

Старуха 1-ая («Странный человекъ»).—Слабато здоровья; «все ревматизмы да флюсь». Задаетъ вопросъ: «развѣ можно графа похоронить какъ нищаго?»

Старуха 2-ая («Странный человекъ»).—См. Марфа Петровна.

Старушка-нищенка («Вадимъ»).—«Старушка, низенькая, сухая, съ большимъ брюхомъ». «Ея засученныя рукава обнажили двѣ руки, похожія на грабли, и полусиній сарафанъ, составленный изъ тысячи гадкихъ лохмотьевъ, висѣлъ криво и косо на этомъ подвижномъ скелетѣ. Выраженіе ея лица поражало умъ какою-то неизъяснимою низостью, какою-то гниlostью, свойственной мертвецамъ, долго стоявшимъ; вздернутый носъ, огромный ротъ, изъ котораго вырвался голосъ рѣзкій и странный, еще ничего не значили, въ сравненіи съ глазами нищенки! Это были два „сѣрые кружка, прыгающіе въ узкихъ щеляхъ, обведенныхъ красными каймами: ни рѣсницъ, ни бровей, и при всемъ этомъ взглядъ тяготящій, на поверхности души, производящій во всѣхъ чувствахъ болѣзненное стѣсненіе!» «Въ ея чертахъ» была «цѣлая повѣсть разврата и преступленій», «но ничего похожаго на раскаянье».

Старушка («Княгиня Лиговская»).—Когда дипломатъ на обѣдѣ у Печорина обозвалъ Москву «старой сплетницей», «разряженная старушка затрясла головой и чуть-чуть не подавилась спаржею».

Схимникъ («Вадимъ»).—Его блѣдное лицо приняли-бы за восковое, если-бъ голова порою не наклонялась и не шевелились губы; черная мантия и клубокъ увеличивали его блѣдность, и руки, сложенныя на груди крестомъ, подобились тѣмъ двумъ костямъ, которыя обыкновенно рисуются подъ адамовой головой».

Т.

Тамара («Демонъ»), — стр. 48.

Тамара. («Тамара»).—Царица. „Прекрасна, какъ ангелъ небесный, какъ демонъ коварна и зла“.

Танцорка («Монго»).—Ея отецъ «простой кузнецъ»—ее «сударыней зовутъ», и за нее «три раза въ сутки каналью-повара дерутъ». «Бѣтъ за троихъ, порой и болѣ, за обѣдомъ пьетъ «люнель», и съ ней «плохія шутки».

Танюша («Уланша»).—См.—Уланша.

Тришка («Вадимъ»).—Слуга Палицына, «давно желалъ бы пырнуть Палицыну ножъ въ бокъ за жену свою»...

Tess-de («*Сашка*»)—Учитель Саши, «чистый былъ французъ». Его отецъ богатый былъ маркизь, но жертвой сталъ народнаго волненья: на фонарѣ однажды онъ повисъ, какъ было въ модѣ, вмѣсто украшенья». Сынъ, оставивъ прахъ родителя судьбинѣ, не поклонился гордой гильотинѣ: онъ молча проклялъ вольность и народъ, и натошакъ отправился въ походъ; и, наконецъ, едва живой отъ муки, пришелъ въ Россію прославлять науки». «Педантъ полузабавный, имѣлъ онъ длинный носъ и тонкій вкусъ и потому «бралъ деньги преисправно». «Пять системъ имѣлъ маркизь, и на вопросъ «зачѣмъ»? Онъ отвѣчалъ вамъ гордо и свободно: «*Monsieur, c'est mon affaire!* (такъ мнѣ угодно)». «Парижскій Адонисъ», «покорный рабъ губернскихъ дамъ и музъ, онъ сочинялъ сонеты, хоть порою по часу бился съ рифмою одною; но каламбуровъ полный лексиконъ, какъ талисманъ, носилъ въ карманахъ онъ, и былъ увѣренъ въ дамской благодати», «не размышлялъ, что кстати, что не кстати».

Тирза («*Сашка*».—«Имя это дано по волѣ одного корнета» «Ея отецъ былъ жидъ» (у насъ служилъ шпиономъ; мать полька изъ подъ Праги)). Въ ея лицѣ характеръ южныхъ странъ изображался рѣзко. «Безвѣстная печаль смѣняласъ» вдругъ какою то веселостью недужной». «Вѣ было трудно сердцу приказать, какъ баловню ребенку». Свобода для нея «всего дороже». Подъ рубищемъ простымъ она росла, въ невѣжествѣ, какъ травка полевая проходимъ не замѣчена, ни зла, ни гордой добродѣтели не зная»; за первую ошибкой «мечты любви умчались какъ туманъ», и для того, чтобъ избѣжать второй ошибки, «она дарила всеѣмъ улыбки». Она была «свѣжа какъ персикъ молодой», застѣнчиво мила, какъ польская затѣйливая панна»; «гордый видъ чела казался ей приличень.» «Не наемный огонь горѣлъ въ очахъ, безъ цѣли томно; покрытый свѣтлой влагой иногда онъ блуждалъ, какъ порой звѣзда по небесамъ блуждаетъ». «Пламень южный въ ланитахъ рдѣлся, бѣлый полукругъ зубовъ жемчужныхъ быстро открывался, и душистый локонъ лоснясь катился черною струей» «на ликъ молодой». Она не знала что такое балъ, но, думалось ей, что могла-бъ кружиться ловко предъ толпою, терзать мужчинъ надменной красотою, въ высокія смотрѣться зеркала», могла-бъ блистать и въ свѣтѣ и ѣздить четверней въ каретѣ.

Трущовъ («*Маскарадъ*».—Человѣкъ маленькаго роста, «растрепанный, съ улыбкой откровенной, съ крестомъ и табакеркою». «Семь лѣтъ онъ въ Грузіи служилъ, посланъ былъ туда съ какимъ-то генераломъ, изъ-за угла кого-то тамъ хватилъ; пять лѣтъ за то былъ подъ началомъ, и крестъ на шею получилъ».

У.

Уланша («*Уланша*») «Громкое названье женщины—жертвы «потѣхи» цѣлаго эскадрона.

Урядникъ («*Герой нашего времени*».—Печоринъ жилъ у него на квартирѣ и любилъ его «за добрый нравъ», а въ особенности за хорошенькую дочку».

Уланъ («*Уланша*».—«Безъ вина, что жизнь улана? Его душа на днѣ стакана, и кто два раза въ день не пьянъ, тотъ, извините, не уланъ».

Управитель князя («*Два брата*».—Имѣетъ «честь рабски донести, что все въ подмосковной готово для принятія» его сіятельства. За «разсужденіе» («за что ваше сіятельство, изволили такъ прогнѣваться на Москву») получаетъ отъ князя на именованіе: «дурачина».

Ф.

Федосъй (*«Вадимъ»*).—Вѣрный посланецъ Юрія. За него готовъ «въ огонь и въ воду», п. ч. «Богъ велитъ мнѣ,—говоритъ Ф., служить тебѣ баринъ. Онъ меня спроситъ на томъ свѣтѣ: служилъ ли ты вѣрой и правдой господамъ своимъ». «Ужъ таково дѣло холопское». Умираетъ подъ топоромъ Вадима, спасая Ольгу.

Федосъй (*«Два брата»*).—Слуга Дмитрія Петровича.

Федька (*«Вадимъ»*).—Слуга.

Федька (*«Княгиня Лиговская»*).—«Маленькій Меркурій» Печорина; «гордятся великой довѣренностью господина, стрѣлой помчался въ лавочку», чтобы отнести письмо «на городскую почту».

Фотька (*«Вадимъ»*)—См. Атуевъ.

Фернандо (*«Испанцы»*).—Приемышь донъ-Альвареца. Сынъ Моисея. Найденъ былъ на „кладбищѣ“, среди котораго стояла церковь—забитая, съ худыми окнами“. Несмотря на утверждение Альвареца, что онъ содержалъ Фернандо „почти совсѣмъ какъ бы родного“, Фернандо помнить не одно оскорбленіе:

. каждый день
Я чувствовать былъ долженъ, что рождень
Я въ низкомъ состояніи, что обязанъ
Всѣмъ, всѣмъ тому, кого душою выше;
За то ли, что помотъ всеневный хлѣба,
Меня питавшій, долженъ былъ упрекомъ
Кольнуть мое встревоженное сердце?...
За это—благодарность отъ меня?
О, лучше бы отъ голоду погибнуть,
Чѣмъ выносить такіа укоризны!..

Любить взаимной любовью Эмилию, дочь Альвареца, но какъ «приемышь, безъ роду и племени, не можетъ жениться на ней». Эмилія одна во всемъ мірѣ ему сказала «люблю». «Ей одной онъ» повѣрилъ всѣ мысли, всѣ желанья. «Ты для меня родня, друзья—ты все мнѣ!» говоритъ онъ Э. Но для любви онъ не пожертвуетъ самолюбіемъ и гордостью. «Но что не будь—а даже для нея—малѣйшей не стерплю опять обиды! полно! Любовь возьметъ свое.. но не теперь».

Любовь приноситъ Фернандо одни мученія. Прощаясь съ Эмилией онъ говоритъ:—«Я думаю, что былъ бы счастливъ я, когда бы не съ кѣмъ было мнѣ проститься.. Ты будешь плакать—мнѣ двойная мука»... «Будущность и прошлая жизнь «безцвѣтная, съ прошедшимъ ядовитымъ» терзаютъ Ф. Цѣною жизни освободивъ изъ когтей иезуита Эмилию,*Ф. гордъ собою: «Какъ я великъ!—говоритъ онъ надъ трупомъ Эмиліи. «Пожертвовалъ собой, своей душой, пожертвовалъ такимъ созданиемъ, чтобъ освободить Эмилию, хоть вѣчно я не увижусь съ ней!.. Одинъ, одинъ, какъ жилъ, такъ и умрешь, Фернандо».—«Я былъ добръ»... говоритъ Фернандо Ноэми. Онъ не можетъ видѣть хладнокровно, какъ люди „стараятся другъ другу дѣлать зло, съ притворной добротой, когда совсѣмъ не просятъ ихъ“; за то, что не можетъ „видѣть общаго стремленья къ ничему, или для золота разбитыя сердца!..“ „Безъ правилъ любишь ты“—говоритъ Фернандо Ноэми,

. „Испанцы только
Безъ правилъ ненавидятъ ближних!
У нихъ и рай, и адъ—все на вѣсахъ;
И деньги сей земли владѣютъ счастьемъ неба,
И люди заставляють демоновъ краснѣть

Коварствомъ и любовію ко злу.
 У нихъ отецъ торгуетъ дочерьми,
 Жена торгуетъ мужемъ и собою,
 Король народомъ, а народъ свободой;
 У нихъ, чтобъ угодить вельможѣ или
 Монаху, можно человѣка,
 Невиннаго предать кровавой пыткѣ...
 И сжечь за слово на костръ“...

Онъ хочетъ мстить и... „цѣлый миръ“, всю „землю“ его „подвигъ испугаетъ“...
 Онъ „мести душу подарилъ“ и не уступитъ „судьбѣ, хотя бы демонъ удивился
 чего Ф. не сможетъ сдѣлать“.

На судѣ святой инквизиціи, когда Фернандо пытали долго:
 Вопросы дѣлали—онъ все молчалъ; ни слова
 Они не вырвали у гордаго Фернандо“.

Х.

Хадерилиазъ («*Ашикъ-Керибъ*»).—Св. Георгій—покровитель Кериба.

Хаджи-Абрекъ («*Хаджи-Абрекъ*») — «Молодой черноокій» черкесъ. „Хаджи безстрашный не садился ни разу даромъ на коня». Съ тѣхъ поръ, какъ былъ убитъ братъ его Бей-Булатъ, онъ только хочетъ слезъ да крови... Въ немъ преступленій сладострастье, въ нихъ ядъ и рай души его»... «За единый часъ мщенія онъ не взялъ бы вселенной“. Онъ нашелъ убійцу и готовъ былъ сразить врага, но—«это-ль мщенье? Что смерть? Ужель одно мгновенье заплатитъ мнѣ за столько лѣтъ печали, грусти, мукъ? О, нѣтъ! Онъ чтонибудь да въ мірѣ любить: найду любви его предметъ и мой ударъ его погубитъ!» «Нѣжный образъ Леилы не остановилъ его: «блеснула пашка. Разъ—и два... и покатила голова.. И окровавленной рукою съ земли приподнялъ онъ ее, и острой пашки лезвіе, обтеръ волнистою косою».

Критика: Въ Х.-А. или Вадимъ, по замѣчанію Михайловскаго. „Лермонтовъ цѣнить конечно, не звѣрскую ихъ жестокость, а лишь ту пропорціональность или эквивалентность мысли и дѣла, который онъ тщетно искалъ вокругъ себя, въ своихъ современникахъ«. Л. ищетъ людей, «у которыхъ не глядѣли врознь, а сливались въ дѣло». Ихъ же ищетъ, на нихъ любитъ онъ и въ нетронутомъ цивилизаціей Кавказѣ. Злодѣйскіе поступки, совершаемые всѣми этими Оршами, Вадимами, Хаджи-Абреками, Измаилами-беями, если и пугаютъ Лермонтова своимъ кровавымъ блескомъ, то немедленно же находятъ себѣ въ его глазахъ и оправданіе и поэтическую красоту въ той цѣльности настроенія, въ той безповоротной рѣшимости, съ которой они совершаются. А отсутствіе этихъ чертъ въ окружающей его жизни въ такой-же мѣрѣ оскорбляетъ его“. [*Михайловскій*. Соч. т. V. «Герой безвременья»].

Ч.

Часовой («*Герой нашего времени*»).—На предложеніе Максима Максимовича осмотрѣть ружье и «ссадить» кружившагося около крѣпости Казбича, отвѣчалъ:—Слушаю ваше высокородіе; только онъ не стоитъ на мѣстѣ.—«Прикажи!»—отвѣтилъ

смѣясь штабсъ-капитанъ.—Эй, Любезный!—закричалъ часовой, махая рукой:—пожди маленько, что ты крутишься какъ волчокъ? Потомъ «прицѣлился»... бацъ!.. мимо,—только порохъ на полкѣ вспыхнулъ. «Когда Максимъ Максимовичъ пристыдилъ его за промахъ, отвѣтилъ:—Ваше высокоблагородіе! умирать отправился; такой проклятый народъ, сразу не убьешь».

Челяевъ («*Отранный человекъ*»).—На вопросъ Вышневека («когда-то русскіе будутъ русскими?») отвѣчаетъ:—«когда они на сто лѣтъ подвинутся назадъ и будутъ просвѣщаться и образовываться снова-здорово».

Черкесы («*Кавказскій плытникъ*»).—«Въ буркахъ, въ шапкахъ черныхъ; «на каждомъ лукъ, кинжалъ, колчанъ, и шашка на ремняхъ наборныхъ, два пистоleta и арканъ».

Чиновникъ («*Маскарадъ*»).—Заходилъ «сейчасъ лишь изъ правленья» къ баронессѣ Штраль, чтобы переговорить объ ея дѣлѣ.

Ш.

Штраль баронесса («*Княгиня Лиговская*»).—Не имѣетъ „никакого понятія о любви“, хотя «не ребенокъ». По словамъ Печорина, уморила двухъ мужей, теперь за третьимъ, который, къ счастью его нѣмецъ, и поэтому, вѣрно, ее переживетъ. Дама лѣтъ тридцати, чрезвычайно свѣжая и моложавая, «съ гордымъ видомъ». «Слыла неприступной добродѣтелью». Когда Печоринъ заявилъ, что „рѣшился побѣдить скромность“ баронессы «упрямствомъ», отвѣтила «съ презрительной улыбкой»:— «вы не первые, и вамъ это не удастся».

Штраль баронесса («*Маскарадъ*»).—«Женщина съ душой», какъ называетъ ее Арбенинъ. Молодая, красивая, свѣтская вдова; задумывается надъ судьбою свѣтской женщины:

„Подумаешь: зачѣмъ живемъ мы? Для того-ли,
Чтобъ вѣчно угождать на чуждый нравъ
И рабствовать всегда! Жоржъ Зандъ почти что правъ.
Что нынѣ женщина? Созданіе безъ воли,
Игрушка для страстей иль прихоти другихъ!
Имѣя свѣтъ судей и безъ защиты въ свѣтъ,
Она должна таить весь пламень чувствъ своихъ,
Иль удушить ихъ въ полномъ цвѣтѣ.
Что женщина? Ее отъ юности самой
Въ продажу выгодамъ, какъ жертву, убираютъ.
Винять въ любви къ себѣ одной,
Любить другихъ не позволяютъ.
Въ груди ея порой бушуетъ страсть:
Боязнь разсудокъ мысли гонить,
И если какъ-нибудь, забывши свѣта власть,
Она покровъ съ нея уронить,
Предается чувствамъ всей душой—
Тогда прости и счастье и покой!
Свѣтъ тутъ: онъ тайны знать не хочетъ; онъ по виду,
По платью встрѣтитъ честность и порокъ,—
Но не снесетъ приличіямъ обиду,
И въ наказаніяхъ жестокъ!..“

Ш. боится свѣта. Полюбивъ Звѣздича, который, по ея мнѣнію, „ничтожный“, жалкій человекъ“, она, „въ пылу самозабвенья, готова „быть можетъ, такъ отъ скуки, отъ досады, отъ ревности“, къ нему на шею кинуться, моля дать ей два сладкія мгновенья, не требуя любви, но только сожалѣнья“, и дерзко скажетъ: я твоя!» Но баронесса не хочетъ, чтобы «смѣхъ толпы пустой, и шепотъ злобныхъ сожалѣній» касался ея имени. Она отводитъ «этотъ смѣхъ и шепотъ» на свою пріятельницу и бросается въ „цѣпь ужасныхъ предпріятій“.—«Теперь я спасена—полезный мнѣ урокъ»,—съ облегченіемъ говоритъ Штраль, направивъ «злословіе свѣта» на ложную дорогу (на Нину Арбенину). «Ужасное предпріятіе» заходитъ далеко. О судьбѣ Нины Штраль не заботится, но опасность грозящая князю Звѣздичу, пугаетъ баронессу: „Я,—говоритъ она,—хочу его спасти, во что бы то ни стало,—буду просить и унижаться; обличу себя въ обманъ, преступленія!» Штраль рѣшается ѣхать къ князю; «не требовать любви и не выпрашивать признанья»,

Рѣшилась я пріѣхать къ вамъ,
Забывъ и стыдъ, и страхъ,—все, свойственное намъ.
Нѣтъ, то обязанность святая.
Былая жизнь моя прошла,
И жизнь ужъ ждетъ меня иная.
Но я была причиной зла,
И, свѣтъ навѣки покидая,
Теперь все прежнее загладить я пришла.

Я перенести свой стыдъ готова;
Я не спасла себя—спасу другого.

Она рѣшаетъ бросить свѣтъ «навѣки»; и немедленно уѣзжаетъ въ деревню. „Фантазіи! Романы!.. Хоть рукой махни!“ опредѣляетъ одинъ изъ гостей на балу отъѣздъ баронессы.

Шушеринъ, Олешка («Вадимъ»).—Молодой слуга Палицына (см. Вадимъ, стр. 60-я.

Э.

Эмилія („Испанцы“).—Дочь донъ-Альвареца. Любитъ пріемыша Фернандо, „нѣжнѣй всего на свѣтѣ“; объ окружающихъ отзывается: «вѣдь надо-жъ мнѣ окруженной быть такимъ народомъ!»...

Послѣ изгнанія Фернандо изъ дома Альвареца, Эмилія все такъ же любитъ его, ходитъ въ черномъ платьѣ, потому что „черный цвѣтъ—печали цвѣтъ“. Думая что Фернандо умеръ, она «не ищетъ блаженства—нѣтъ его, нѣтъ въ свѣтѣ ничего—Фернандо умеръ! Онъ умеръ... умеръ... онъ погибъ на вѣки». Слѣдуя совѣту Фернандо, хочетъ идти въ монастырь: «Фернандо умеръ! я хочу исполнить его желанье... онъ меня любилъ!» «Счастье ей тяжело». Отвергаетъ любовь Соррини и, подъ угрозой кинжала, видя невозможность спасенія, проситъ у Бога смерти, чтобы избѣгнуть безчестья. Умираетъ подъ кинжаломъ Фернандо, освобождающаго Э. отъ «когтей» іезуита.

Ю.

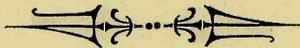
Юрій („Вадимъ“).—Сынъ Палицына, молодой офицеръ, „простой, добрый и умный юноша“. „Лицо Юрія было изъ тѣхъ, которыя“ нравятся женщинамъ: что-то доброе и вмѣстѣ буйное, пылкость безъ упрямства, веселость безъ насмѣшки“. „Длинные русые волосы его вились вокругъ шеи, и голубые глаза не отражали свѣтъ, но, казалось, изливали его на все, что имъ встрѣчалось“. „Въ звукахъ его голоса «ясно выражались благородныя «чувства». Ребенкомъ трепеталъ онъ при словѣ „бука“ и былъ баловнемъ родителей, грозой слугъ и особенно служанокъ“.

Въ юности „слава“ стала его „кумиромъ, война „наслаждениемъ.“ „Ю. мечталъ“, о походѣ въ Турцію,—„гдѣ онъ упитаетъ кровью невѣрныхъ свою острую шпагу“, будетъ гордо „попирать разрубленные, низверженные чалмы поклонниковъ корана“. Какъ счастливъ онъ будетъ, когда самъ Суворовъ ударитъ его по плечу и молвить: «Молодецъ! хватъ! лучше меня!..» «Онъ не былъ мстителемъ», но за измену любимой женщины (Зары) рѣшился мстить изменой всѣмъ женщинамъ вмѣсто одной». «Въ столицѣ, на пышныхъ праздникахъ, Ю. съ злобною радостью старался ссорить своихъ красавицъ». «Онъ забавлялся сей тайной, но убійственной войною» У него остались одни воспоминанія. «Онъ все перечувствовалъ, и прелесть новизны не украшала его страсти къ Ольгѣ; — «когда онъ не былъ съ нею вмѣстѣ, то скука и спокойствіе не оставляли его;] но, приближаясь къ ней, онъ вступалъ въ очарованный кругъ, гдѣ не узнавалъ себя, и благословлялъ свой плѣнъ, и вѣрилъ, что никогда не любилъ сильнѣе теперешняго». «Онъ почерпалъ неистовый пламень, бурныя желанія, гордую волю»—«все только въ глазахъ Ольги», «въэтого волшебнаго круга онъ былъ человѣкъ какъ и другой—просто умный юноша».

„Онъ смутно чувствовалъ, что это его послѣдняя страсть, узелъ, который судьба, не умѣя расплести, перерубить, подобно Александру“.—„Я мужчина, я твердъ душой и тѣломъ, говорилъ онъ Ольгѣ... Но если надобно умереть, я умру не вздрогнувъ, не простонавъ... Клянусь, никто подъ небесами не скажетъ, что твой другъ склонилъ колѣна передъ низкими палачами!..“

Я.

Янко («Герой нашего времени»).—«Удалецъ» - контрабандистъ. Человѣкъ средняго роста въ татарской бараньей шапкѣ, но остриженъ былъ по-казацки; за ремненнымъ поясомъ его торчалъ большой ножъ». Наказываетъ слѣпому «беречь то мѣсто», гдѣ богатые товары». Бѣдетъ вмѣстѣ съ дѣвушкой «искать работы въ другомъ мѣстѣ». «Мнѣ вездѣ дорога, гдѣ только вѣтеръ дуетъ и море шумитъ».

Faint, illegible text at the top of the page, possibly bleed-through from the reverse side.

R

Extremely faint, illegible text covering the bottom half of the page, likely bleed-through from the reverse side.

ПЕРЕЧЕНЬ

ПРОИЗВЕДЕНІЙ ¹⁾ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

И ВХОДЯЩИХЪ ВЪ НИХЪ ТИПОВЪ,

ОБРАЗОВЪ ²⁾, ЛИЦЪ И ИМЕНЪ ³⁾.

¹⁾ Произведенія въ «Перечнѣ» расположены въ алфавитномъ порядкѣ и выдѣлены **жирнымъ** шрифтомъ.

²⁾ Типы и образы, вошедшіе въ «Словарь», отмѣчены *курсивомъ*.

³⁾ Лица и имена, набранныя обыкновеннымъ шрифтомъ, отнесены въ «Указатель» (см. 49—103 стр.).

1. **Азраиль**, поэма. Написана въ 1831 г. Прообразъ позднѣйшихъ произведеній Л.: «Ангела Смерти» (Азраиль—ангелъ смерти у мусульманъ) и «Демона».

Азраиль.—Дѣва.

2. **Ангель смерти**, восточная повѣсть (1831 г.). Посвящается, дальней родственницѣ и другу Л., А. М. Верещагиной. Посвященіе: «Тебѣ, тебѣ мой даръ смиренный...».

Ада.—Ангелъ смерти.—Зораимъ.

3. **Арбенинъ**, драма въ пяти дѣйствіяхъ. Представляетъ обработку текста для сцены ранѣе написанной драмы «Маскарадъ» (см. ниже). Желая видѣть свою пьесу на сценѣ и руководясь исключительно цензурными соображеніями, Л. «по возможности смягчалъ и сглаживалъ» «характеры и страсти» первоначальной редакціи. Опущены сцены маскарада, исключены нѣкоторыя лица (Трушовъ, Штраль-баронесса, Чиновникъ). «Четырехъактный Маскарадъ» въ новой редакціи получилъ пять актовъ. Лермонтову, однако, не пришлось увидѣть постановки А. на сценѣ. Въ старыхъ изданіяхъ сочиненій Л. пьеса печаталась подъ заглавіемъ «Маскарадъ» (вторая редакція), хотя названіе совершенно не отвѣчало ея идеѣ. Самъ Л. въ письмѣ къ Раевскому опредѣленно называетъ переработку «Маскарада» для сцены: «Арбенинымъ».

Арбенинъ.—Звѣздичъ, князь.—Казаринъ.—Маска.—Нина (Арбенина). Олинъка.—Шприхъ.

4. **Ашикъ-Керибъ**, турецкая сказка. Написана въ 1837—1838 г.г. Появилась въ печати лишь въ 1846 г. (Альманахъ «Вчера и сегодня»).

Аякъ-ага.—Кериба-мать и сестра.—Керибъ-Ашикъ.—Купецъ.—Куршудъ-бекъ.—Куршуда-братъ.—Магуль-Мегери.—Паша.—Хадерилиазъ.

5. **Аулъ Бастунджи**, юношеская поэма въ двухъ главахъ (1832 г.). Посвященіе: «Тебѣ, Кавказъ, суровый царь земли, я посвящаю стихъ небрежный...».

Амбулатъ.—Зара.—Мулла.—Селимъ.

6. **Бояринъ Орша**, поэма въ трехъ главахъ; каждой главѣ сопутствуетъ эпиграфъ изъ Байрона. Дѣйствіе происходитъ «на берегу Днѣпра крутомъ, близъ рубежа Литвы чужой», въ эпоху опричины (Ср. ниже «Литвинка»). Отдѣльныя строфы «Боярина Орши», какъ напр. «Ты слушать исповѣдь мою пришелъ», сначала входили въ «Исповѣдь» и затѣмъ въ «Литвинку», позднѣе въ окончательной редакціи вошли въ «Мцыри». Обработка поэмы шла съ 1833 г. до 1836 г.

Арсеній.—Игуменъ.—Монахъ.—Орша, Михаилъ.—Орши-дочь.—Соколъ.

7. **Бѣглець**, горская легенда. Въ печати появилась лишь въ 1845 г. въ альманахѣ «Вчера и сегодня».

Гарунъ.

8. **Бѣла**, рассказъ вошедшій въ первую часть «Героя нашего времени».

Азамать.—Бѣла.—Казбичъ.—Лѣкарь.—Максимъ Максимовичъ.—Печоринъ.—Часовой.

9. **Вадимъ**, юношеская повѣсть изъ эпохи пугачевщины (1831—1832 г.г.). Напечатана въ 1873 г. («Вѣстникъ Европы», октябрь), подъ заглавіемъ «Юношеская повѣсть».

Анюта.—Атуевъ.—Вадимъ.—Грицько.—Зара.—Ипать.—Казакъ.—Мужикъ.—Ольга.—Орленко.—Палицына, Наталья Сергѣевна.—Палицынъ, Борисъ Петровичъ.—Петруха.—Псарь.—Солдатка.—Старуха.—Соколовъ.—Юрій.—Федька.—Федосѣй.—Шушеринъ.

10. **Госпиталь**,—одинъ изъ образчиковъ «юнкерской музы» Л. См. ниже «Уланша».

Герой нашего времени, романъ въ пяти отдѣльныхъ рассказахъ, связанныхъ общностью одной художественной идеи. Всѣ эти рассказы написаны и появились въ печати въ разное время: 1) «Бѣла» напечатана первоначально въ «Отеч. Зап.» 1839 г. (т. II) подъ заглавіемъ «Б., рассказъ. Изъ записокъ офицера на Кавказѣ», 2) «Фаталистъ», напечатанъ въ томъ же журналѣ

(1839 г. т. VI); 3) «Тамань», (Ив. 1840 г. т. VIII); 4) «Максимъ Максимычъ» и 5) «Княжна Мери», появилась въ первый разъ въ отдѣльномъ изданіи «Героя нашего времени». Спб. 1840 г. Въ этомъ изданіи Л. сгруппировалъ главы романа въ иномъ порядкѣ, чѣмъ онѣ появлялись въ печати ч. I-я. 1) «Бѣла», 2) «Максимъ Максимычъ». Ч. II. «Журналъ Печорина»: 1) «Тамань», 2) «Княжна Мери» и 3) «Фаталистъ»). Ко второму изданію «Г. Н. В.» Л. присоединилъ предисловіе.

Азамать.—Апфельбаумъ.—Бѣла.—Вернеръ.—Вуличъ.—Г--ва, Вѣра.—Г—въ, Семень Васильевичъ.—Господинъ.—Грушницкій.—Дама толстая.—Драгунскій капитанъ.—Дѣвушка.—Ефимычъ.—Еремѣичъ.—Иванъ Игнатьевичъ (капитанъ).—Казакъ.—Казбичъ.—Лакей.—Лиговская, княгиня.—Лиговская, княжна Мэри.—Максимъ Максимычъ.—Н., полковникъ.—Настя.—Печоринъ, Григорій Александровичъ.—Раевичъ.—Слѣпой.—Старуха.—Урядникъ.—Часовой.—Янко.

11. **Два брата**, драма въ пяти дѣйствіяхъ (1835—1836 г.г.). Сюжетомъ драмы послужило «происшествіе», случившееся съ авторомъ въ Москвѣ. Появилось въ печати лишь въ 1880 г. въ изданіи «Юношескихъ драмъ Л., вышедшихъ подъ редакціей П. А. Ефремова.

Лиговская, княгиня (Вѣра).—Лиговскій, князь.—Радины: Александръ Дмитріевичъ, Дмитрій Петровичъ и Юрій Дмитріевичъ.—Федосѣй.

12. **Демонъ**, поэма. Д. можетъ быть названъ трудомъ всей литературной дѣятельности Л. Первые наброски поэмы относятся еще къ 1829 г. послѣдняя редакція къ послѣднему году жизни поэта. Поэма долго не могла увидѣть печати, но рукописные списки съ нея ходили по рукамъ. Первая попытка Краевского напечатать «Д.» въ «Отечест. Зап.» 1841 г. не увѣнчалась успѣхомъ «по независимымъ отъ редакціи обстоятельствамъ». Эти же «независящія обстоятельства» вызвали два заграничныхъ изданія поэмы (Берлинъ и Карлсруэ 1856 г. 1857 г.); только въ 1860 г. редакторъ «сочиненій Л.», покойный С. С. Дудышкинъ, нашелъ возможность опубликовать въ Россіи полный текстъ «Д.». Въ юбилейныя изданія 1891 г. внесены новые варианты къ поэмѣ, по вновь найденнымъ рукописямъ Л. Въ первоначальной редакціи поэмы дѣйствіе происходило въ Испаніи. Дѣйствующими лицами являлись демонъ и какая-то монахиня. Въ 1837 г. Л. подвергаетъ коренной переработкѣ свое произведеніе: дѣйствіе переносится на Кавказъ и, вмѣсто испанской монахини, является знакомый образъ Тамары.

Демонъ.—Гудаль.—Князь Синодала.—Тамара.

Драматическія произведенія. Л. написано пять драм. произведеній: 1) «Испанцы», трагедія; 2) «Люди и страсти». («Menschen und Leidenschaften»); 3) «Странный человѣкъ»; 4) «Маскарадъ» и 5) «Два брата». Работа надъ первымъ изъ названныхъ произведеній начата еще въ 1830 г., работы надъ послѣднимъ относятся къ 1836 г. Л. особенно тяготѣлъ къ области драмы. Опасаясь, что цензура не пропуститъ на сцену «Маскарадъ», Л. принимается за сценическое приспособленіе его и даетъ новую редакцію пьесѣ (см. «Арбеининъ»). Однако и въ этомъ урѣзанномъ и смягченномъ видѣ пьеса не увидѣла подмостковъ театра и, несмотря на хлопоты А. И. Муравьева, имѣвшаго сильную руку въ 3-ьемъ отдѣленіи, не была допущена къ представленію при жизни Л.; только въ 1875г. осуществилось желаніе поэта. (Вольфъ. «Хроника петерб. театровъ»).

13. **Джуліо**, повѣсть. Авторская помѣтка: «1830 г. Великимъ постомъ и послѣ». «Я слышалъ этотъ разсказъ отъ одного путешественника». Мѣсто дѣйствія—Италія.

Джуліо.—Лора.—Мелина.

14. **Измаиль-бей**, восточная повѣсть 1832 г. Появилась въ печати, послѣ смерти Л., въ 1843 г. «Отеч. Зап.»

Зара.—Измаиль-бей.—Росламбекъ.—Русскій воинъ.—Селимъ.—Старикъ.

15. **Испанцы**, трагедія въ стихахъ. Самое раннее изъ драматическихъ произведеній Л.; написано въ 1830 г. (пять актовъ). Посвященіе: «Не отвергай мой слабый даръ». Дѣйствіе происходитъ въ Кастили, во времена инквизиціи.

Альварецъ, довь.—Доминиканецъ.—Марія, донна.—Моисей.—Ноэми.—Сара.—Сорриви.—Фернандо.—Эмилија.

16. **Исповѣдь**. Написана въ 1830 г. Мѣсто дѣйствія Испанія. При дальнѣйшей переработкѣ «Исповѣдь», какъ часть, вошла въ «Боярина Оршу» и позднѣе въ новой редакціи въ «Мцыри».

Журналъ Печорина. Подзаголовокъ второй части «Героя нашего времени», куда вошла трилогія: 1) Тамань; 2) Княжна Мери и 3) «Фаталистъ». Л. предпослалъ трилогіи особое предисловіе съ извѣщеніемъ о смерти Печорина и обѣщаніемъ «когда нибудь» отдать «на судъ свѣта» всю жизнь его героя.

17. **Кавказскій плѣнникъ**, поэма. Самое раннее изъ эпическихъ произведеній Л. (1828 г.). Эпиграфъ изъ Гонза: «Geniesse und leide! Dulde und entbehre! Liebe, hoff' und glaube». Нѣкоторые стихи и отдѣльныя выраженія, равно какъ и сюжетъ поэмы, цѣликомъ заимствованъ у Пушкина.

Гирей.—Плѣнникъ.—Черкешенка.—Черкесы.

18. **Казначейша**, поэма. Первое изъ произведеній Л., переданное поэтомъ, по просьбѣ Жуковского, для печати. Написано въ 1835—1836 г.г.; напечатано въ «Современникѣ» 1838 г. Сюжетомъ для поэмы послужила повѣсть Шидловскаго «Пригожая казначейша», напечатанная въ 1835 г. въ «Библіотекѣ для чтенія».

Авдотья Николаевна Бобковская (казначейша).—Бобковскій (казначей).—Гаринъ.—Исправникъ.—Предводитель дворянства.—Совѣтникъ.

19. **Каллы** (по черкесски-убійца). Первая изъ юношескихъ поэмъ Л., посвященная Кавказу, если не считать явно подражательнаго «Кавказскаго плѣнника». Написана въ 1831 г. Основной мотивъ «К.» ср. съ основнымъ мотивомъ позднѣйшаго «Хаджи-Абрека».

Аджи.—Амбулатъ.—Амбулата-дочь.—Мулла.

20. **Княгиня Лиговская**,—неоконченный романъ въ девяти главахъ. Работа надъ романомъ относится къ 1835 г. и представляетъ первую попытку Л. создать тотъ типъ, который нашелъ полное выраженіе въ «Героѣ нашего времени». Романъ имѣетъ автобіографическое значеніе. Отношенія Печорина къ Негуровой напоминаютъ отношенія самого Л. къ Сушковой-Хвостовой. (См. Записки Сушковой-Хвостовой и письмо Л. къ М. А. Лопухиной, въ декабрь 1834 г.). Романъ появился въ печати лишь въ 1882 г. («Русскій Вѣстникъ». Январь). Ср. Печорина изъ «Княгини Лиговской» съ Печоринымъ изъ «Героя нашего времени», стр. 85 и 39.

Браницкій.—Горшенковъ.—Дипломатъ.—Господинъ-рыжій.—Лиговская, княгиня Вѣра Дмитріевна.—Лиговской, князь Степанъ Степановичъ.—Красинская.—Красинскій.—Мареуша.—Негуровы: Катерина Ивановна, Елисавета Николаевна и Николай Петровичъ.—Печорины: Варвара Александровна, Татьяна Петровна и Григорій Александровичъ.—P***.—Старушка.—Штраль, баронесса.—Федька.

21. **Княжна Мери**. См. «Герой нашего времени».

Апфельбаумъ.—Вернеръ.—Вѣра (Г—ва).—Г—въ, Семень Васильевичъ.—Грушницкій.—Драгунскій капитанъ.—Иванъ Игнатьевичъ.—Лиговская, княгиня.—Лиговская, княжна Мери.—Печоринъ, Григорій Александровичъ.

22. **Корсаръ**, юношеская поэма Л. (1828 г.) въ трехъ частяхъ. Разсказъ ведется отъ перваго лица (Корсаръ).

Корсаръ.

Лермонтовъ, Михаилъ Юрьевичъ. Біографическую канву см. въ началѣ выпуска, стр. 6. Источники для изученія Л. см. ниже стр. 113.

23. **Литвинка**, поэма (1830 г.). Въ позднѣйшее произведеніе «Бояринъ Орша» Л. внесъ много изъ «Литвинки».

Арсевій.—Арсенія-жена.—Клара (Литвинка).—Старуха.—Сторожъ.

24. **Люди и страсти**, драма въ пяти дѣйствіяхъ. Подлинное заглавіе по нѣмецки: «Menschen und Leidenschaften, ein Trauerspiel». Написана въ 1830—31 г.г. Нѣкоторыя сцены вошли въ позднѣйшее драматическое произведеніе «Станный человѣкъ». Пьесъ предшествуетъ посвященіе: «Тобою только вдохновенный»... Драма имѣетъ автобіографическое значеніе; въ ней разсказана «ужасная судьба отца и сына—жизнь розно и въ разлукѣ умереть». Подъ именемъ Громовой, въ деревнѣ которой происходитъ дѣйствіе, выведена бабка поэта Е. А. Арсеньева:

въ Николаѣ Михалычѣ Волинѣ сгруппированы черты характера Юрія Васильевича Лермонтова и самъ авторъ вывелъ себя подъ именемъ Юрія Волина.

Василиса.—Волины: Василій Михалычъ, Любовь Васильевна, Николай Михалычъ, Элиза и Юрій Николаевичъ.—Громова, Марфа Ивановна.—Дарья.—Заруцкій.—Иванъ.—Слуга.

25. **Максимъ Максимовичъ**. См. «Герой нашего времени».

Лакей.—*Максимъ Максимовичъ*.—Н., полковникъ.—*Печоринъ*.

26. **Маскарадъ**, драма въ четырехъ дѣйствіяхъ. Написана въ 1834—1835 гг.; напечатана со значительными цензурными урѣзками въ первомъ по-смертномъ изданіи «Сочиненій Л.».хлопоты автора о постановкѣ на сцену драмы не увѣнчались успѣхомъ. «Маскарадъ» былъ признанъ «пьесой неблагона-мѣренной», «по причинѣ рѣзкихъ страстей и характеровъ, а также потому, что въ ней добродѣтель недостаточно вознаграждена». Этотъ отзывъ заставилъ Л., для того чтобы увидѣть пьесу на сценѣ, приняться за передѣлку драмы и при-способленіе ее къ требованіямъ цензуры и сцены (См. выше: «Арбенинъ» и «Драматическія произведенія»).

Арбенинъ.—Звѣздичъ, князь.—Казаринъ.—Маска.—Неизвѣстный.—Нина (Арбенина).—Трущовъ.—Шприхъ.—Штраль, баронесса.—Чиновникъ.

27. **Монго**, поэма. Написана въ 1836 г. въ началѣ полковой жизни Л.— послѣднее воспоминаніе шалостей «юнкерской музы». Монго—школьное прозвище друга Л.—Алексѣя Аркадьевича Столыпина, Маешка—такое же прозвище самого Л. Упоминаемая въ поэмѣ «танцорка юная»—«краса и честь балетной сцены»— артистка Пименова; ея «покровитель» Н. Н.—казанскій помѣщикъ и откупщикъ— Моисеевъ.

Маешка.—Монго.—Н. Н.—Танцорка.

28. **Мцыри**, поэма въ XXVII главахъ. Единственная изъ написанныхъ Л. поэмъ, которую онъ самъ велючилъ въ первое изданіе своихъ стихотвореній. По разсказу г. Висковатова, одна встрѣча Л. на Военно-Грузинской дорогѣ навела поэта на мысль о созданіи «Мцыри». Въ Мцхетѣ Л. случайно познакомился со старымъ монахомъ изъ близняго упраздненнаго монастыря. Старикъ разсказалъ поэту о своей судьбѣ. Сынъ горь, онъ еще ребенкомъ попалъ въ плѣнъ къ русскимъ. На обратномъ пути русскаго отряда мальчикъ сильно заболѣлъ и былъ оставленъ на излѣченіе въ монастырѣ. Долго юный плѣнникъ не могъ свыкнуться съ новой жизнью,—тосковалъ по роднымъ горамъ и пытался бѣжать. За одну изъ такихъ попытокъ онъ поплатился долгой и трудной болѣзнью. Выздоровѣвъ, онъ смирился и навсегда остался въ монастырѣ.—Написаны «Мцыри» («Мцыри» по-грузински—неслужащій монахъ, нѣчто въ родѣ послушника) въ 1840 г. Эпиграфомъ взяты стихъ изъ «Книги Царствъ»: «Вкушая вкусивъ мало меда и се азъ умираю».

Монахъ.—*Мцыри*.

29. **Начатая повѣсти**. Два отрывка. Во второмъ изъ нихъ описывается дѣтство Саши Арбенина. Въ разсказѣ много автобіографическихъ чертъ.

I. В***, графиня.—Лугинъ.—Минская, графиня.—Никита.—Старичокъ.

II. Арбенины: Александръ Сергѣевичъ (Саша) и Сергѣй Васильевичъ.

30. **Петергофскій праздникъ**, поэма. Юнкерское произведеніе Л. См. «Госпиталь» и «Уланша».

Псевдонимы Лермонтова: *Графъ Діарбекуръ* и *Степановъ* въ «Школьной зарѣ» (см. ниже).

31. **Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалаго купца Калашникова**. Написана въ 1837 г. Послѣ окончательной отдѣлки «Пѣсни» на Кавказѣ, Л. въ томъ же году переслалъ рукопись А. А. Краевскому, издававшему тогда «Литературныя прибавленія къ Русскому Инвалиду»; однако, появиться въ печати «Пѣсня» смогла лишь въ 1838 г. и то безъ имени автора. Цензура долгое время не допускала къ печати произведеніе опальнаго поэта. Ходатайство Жуковскаго предъ министромъ народнаго просвѣщенія, въ вѣдѣніи котораго находилась цензура, увѣнчалось успѣхомъ лишь наполовину: министръ (Уваровъ) разрѣшилъ печатаніе «Пѣсни», но съ условіемъ, чтобы подъ ней не значилось фамиліи ссыльнаго Лермонтова.

Алена Дмитріевна Калашишкова. — Еремѣевна. — Иванъ Васильевичъ Грозный. — Калашишкова, Степанъ. — Кирибѣевичъ.

32. Сашка, «нравственная поэма». Написана еще въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ (1833 г.). Л. продолжалъ работать надъ поэмой до 1836 г., но не закончилъ ея (обрывается на второй главѣ). Нѣкоторыя строфы въ новой редакціи вошли въ позднѣйшія пьесы, такъ напр. строфы III и IV въ исправленномъ видѣ вошли въ пьесу «Памяти А. И. Одоевскаго» (1839 г.). Декабристъ Одоевскій въ 1836 г. былъ переведенъ изъ Сибири на Кавказъ «рядовымъ для выслуги». Скончался во время похода 15 августа 1839 г.

Зафиръ. — Квятиня. — Мавруша. — Н., Иванъ Ивановичъ. — Н., Марья Николаевна. — Параша. — Tess, de marquis. — Тирза. — Сашка (Александръ Ивановичъ).

33. Сказка для дѣтей (1839—1841 гг.). Л. не закончилъ «Сказки»; появилась въ печати въ январѣ 1842 г. («Отеч. Зап.»).

Нина. — Нины отецъ.

Собраніе сочиненій М. Ю. Лермонтова. При жизни Л. появилось два изданія «Героя нашего времени». Спб. 1840 и 1841 г. и одно изданіе «Стихотвореній». Спб. 1840 г. Первое посмертное изданіе «Сочиненій Л.» (изд. Смирдина) вышло въ въ 3-хъ томахъ 1842 г. Въ началѣ пятидесятихъ годовъ прошл. ст. право литературной собственности на соч. Л. перешло къ фирмѣ Глазунова, которой и былъ сдѣланъ рядъ изданій. Изъ нихъ наиболѣе полно изданіе, вышедшее подъ редакціей С. С. Дудышкина. Съ 1875 г. редакція «Сочиненій Л.» переходитъ къ П. А. Ефремову, которымъ въ 1880 г. были выпущены, не входившія ранѣе въ собраніе сочиненій, «Юношескія драмы и поэмы Л.» (Спб. 1880 г. Изд. Глазунова). Только съ 1891 г., когда право на сочиненія Л. стало достояніемъ всего русскаго общества, появляется рядъ новыхъ, дѣйствительно полныхъ собраній сочиненій поэта. Такъ появились изданія: А. Рихтера—редакція П. А. Висковатова; Маркса и позднѣе фирмы «Просвѣщеніе»—редакція А. И. Введенскаго, и Гербека—редакція И. М. Болдакова. При работахъ по настоящему выпуску мы пользовались текстомъ этихъ трехъ изданій.

Стихотворенія Лермонтова. Первые стихотворныя попытки Л. относятся къ 1828 г.

34. Странный человекъ, романтическая драма въ 13 сценахъ; каждая сцена имѣетъ особую дату (съ 26 августа по 12 мая). Дѣйствіе происходитъ въ Москвѣ. Въ предисловіи къ драмѣ, напечатанной въ первый разъ въ изданіи «Соч. Л.» 1860 г., и въ новой редакціи, опубликованной лишь въ 1880 г., авторъ говоритъ: «я рѣшился изложить драматически происшествіе истинное, которое долго беспокоило меня, и всю жизнь, можетъ быть, занимать не перестанетъ»... «Лица, изображенныя мною, всѣ взяты мною съ природы, и я желалъ бы, чтобъ они были узнаны». «Стр. человекъ»—последняя изъ юношескихъ драмъ Л. Написаніе ея относится къ 1831 г. (См. выше «Драматическія произведенія»).

Аннушка. — Арбенины: Марья Дмитріевна, Владиміръ Павловичъ и Павелъ Григорьевичъ. — Бѣлинскій, Дмитрій Васильевичъ. — Вышневскій. — Гость. — Докторъ. — Загорскины: Анна Николаевна и Наталья Федоровна. — Заруцкій. — Иванъ. — Мужикъ. — Н., графъ. — Повѣренный. — Рябиновъ. — Слуга. — Снѣгинъ. — Софья. — Старуха. — Челяевъ.

35. Тамань, рассказъ изъ «Журнала Печорина». См. «Герой нашего времени».

Дѣвушка. — Казакъ. — Печоринъ. — Стѣпой. — Старуха. — Янко.

36. Уланша, поэма. Въмѣстѣ съ «Госпиталемъ» и «Петергофскимъ праздникомъ» представляетъ характерный образчикъ «юнкерской музы Л.». Написана въ 1834 г. для «Школьной зари (см. ниже). Упоминаемый въ poemѣ Лафа—товарищъ Л. по школѣ—юнкеръ Поливановъ.

Лафа. — Танюша („Уланша“). — Уланъ.

37. Фаталистъ, рассказъ составляющій главу «Героя нашего времени». Появился въ печати послѣ «Бѣлы» («Отеч. Зап.» 1839 г. т. VI) со слѣдующимъ предисловіемъ автора: «Предлагаемый здѣсь рассказъ находится въ запискахъ Печорина, переданныхъ мнѣ Максимомъ Максимовичемъ. Не смѣю надѣяться,

чтобъ всё читатели «От. Зап.» помнили оба эти незабвенныя для меня имени, и потому считаю нужнымъ напомнить, что Максимъ Максимовичъ есть тотъ добрый штабсъ-капитанъ, который разсказалъ мнѣ исторію Бѣлы, напечатанную въ 3-й книжкѣ «От. Зап.». Печоринъ—тотъ самый молодой человекъ, который похитилъ Бѣлу.—Передаю этотъ отрывокъ изъ записокъ Печорина въ томъ видѣ, въ какомъ онъ мнѣ достался».

Вуличъ.—Еремѣичъ.—Ефимычъ.—Максимъ Максимовичъ.—Настя.—Печоринъ.—С., майоръ (Василій Петровичъ).—Старуха.—Урядникъ.

38. **Хаджи-Абрекъ**, поэма (1833—1834 гг.). Первое изъ появившихся въ печати, безъ вѣдома автора, произведеній Л. («Библиотека для чтенія» 1835 г.). Товарищъ по училищу и родственникъ Л. отдалъ рукопись «Хаджи-Абрека» редактору «Библ. для чтенія», О. И. Сенковскому, который, «къ досадѣ» поэта, напечаталъ поэму въ журналѣ за полной подписью Лермонтова.

Бей-Булатъ.—Леила.—Лезгинецъ.—Хаджи.

39. **Черкесы**, поэма. Одна изъ самыхъ раннихъ и чисто-подражательныхъ пьесъ Л. Авторская дата: «1828 г. Въ Чембарѣ. За дубомъ». Цѣлые стихи въ поэмѣ заимствованы у Пушкина; нѣкоторыя мѣста почти дословно повторяютъ Лермонтовскаго «Кавказскаго плѣнника».

Школьная заря. Рукописный журналъ, выходившій въ 1834 г. въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Рукописи складывались авторами въ особый ящикъ; еженедѣльно по средамъ рукописи вынимались, подшивались и прочитывались на общихъ собраніяхъ. Л. принималъ дѣятельное участіе въ юнкерской литературѣ; подъ псевдонимами графа Дярбекира и Степанова появлялись и расходились въ спискахъ «юнкерскія пьесы Л.»; самъ же поэтъ, бывшій уже въ то время авторомъ такихъ произведеній, какъ «Ангель», «Парусъ», «Два великана», вскорѣ получилъ среди товарищей наименованіе «новаго Баркова».

МАРИИ ИРИИ
 БИБЛИОТЕКА
 ИМЕНИ
 Г. ЛЕРМОНТОВА
 Самарское

Источники для изучения Лермонтова:

а) **Биографіи:** *Введенскій, А. И.* М. Ю. Л.—ъ, при первомъ томѣ полного собранія сочиненій Л. (первое изданіе А. Маркса, СПБ. 1891 г.), Т-ва «Просвѣщеніе»; тамъ же указаны важнѣйшіе источники. *Вискозатовъ, П. П.* Подробная біографія Л. занимаетъ отдѣльный шестой томъ полного собранія сочиненій Л. въ изданіи А. Рихтера, М. 1889—1891 г.; тамъ же подробный перечень источниковъ.—*Котляревскій, Н. А.* Лермонтовъ, его личность и произведенія, СПБ. 1905 г. (Второе изданіе).

Критика: *Аздѣвъ, М. В.* Русское общество въ герояхъ и героиняхъ литературы, СПБ. 1907 г. (второе изданіе);—*Андреевскій, С. А.* Литературныя чтенія, СПБ. 1891 г., или третье дополненное изданіе той же книги, вышедшей подъ заглавіемъ «Литературные очерки», СПБ. 1902 г.—*Буренинъ, В. П.* Критическіе этюды. СПБ. 1888 г.—*Бѣлинскій В. Г.* Полное собраніе сочиненій, подъ редакціей С. А. Венгерова. Томъ V и VI, СПБ. 1902—1905 г.—*Введенскій, А. И.* Общественное самосознаніе въ русской литературѣ, СПБ. 1900 г. изданіе П. Мельникова.—*Веселовскій, Алексѣй Н.* „Этюды и характеристики“ (ст. «Этюды о байропизмѣ»), М. 1907 г. третье изданіе.—*Владиміровъ, П.* Историческіе и народно-бытовые сюжеты въ поэзи Л. Киевъ. 1892 г.—*Головинъ, К.* Русскіе романы и русское общество. СПБ. 1897 г.—*Григорьевъ, А. А.* Сочиненія т. 1. С. ПБ. 1876 г.—*Добролюбовъ, Н. А.* Сочиненія, СПБ. 1876 г. т. 2. («Что такое обломовича?»)—*Землинскій, В.* Русская критическая литература о произведеніяхъ Лермонтова. 2-е изданіе второе, М. 1904 г. (собраны статьи, вышедшія до 1862 г.). *Ивановъ, И. И.* Лермонтовъ. Энциклопедическій Словарь Брокгауза. *Коробка, Н. А.* Личность въ русскомъ обществѣ. СПБ. 1903 г.—*Котляревскій, Н. А.* Личность поэта и еѣ произведенія, СПБ. 1905 г. *Михайловскій, Н. К.* Сочиненія, т. 5, изд. 1897 г. («Герой бывременья») и (по поводу книги Андреевскаго). Литература и жизнь, СПБ. 1899 г.—*Овсяннико-Куликовскій Д. Н.* Исторія русской интеллигенціи. Т. 1. (Печоринъ). М. 1907 г. второе изд. Саблина.—*Острогорскій, В. П.* Этюды о русскихъ писателяхъ, СПБ. 1891 г.—*Пытинъ, Н. А.* Исторія русской литературы. Изд. второе. С. ПБ. 1903 г. т. 4.—*Розановъ, В. В.* Литературные очерки. СПБ. 1899 г.—*Соловьевъ, Вл. С.* Сочиненія. СПБ. 1903 г. т. 8.—*Спасовичъ, В. В.* Сочиненія, СПБ. 1889 г. т. 2.

Послѣдовательность типовъ въ творествѣ Лермонтова:

Демонъ (1828 г.).	Печоринъ («Княгиня Лиговская»).
Арбенинъ («Странный человекъ»).	Радинъ («Два брата»).
Волинъ («Люди и страсти»).	Печоринъ («Герой нашего времени»).
Вадимъ.	«Сказка для дѣтей».
Измаиль-бей.	
Мцыри.	
Арбенинъ («Маскарадъ»).	

Демонъ (1841 г.).

Мѣсто дѣйствія въ произведеніяхъ Лермонтова.

Востокъ: „Азраилъ“, „Ангель смерти“.

Испанія: Первоначальная редакція „Демона“, Испанцы.

Италія: „Джулио“.

Кавказъ: „Кавказскій плѣнникъ“, „Черкесы“, „Каллы“, „Ауль Бастунджи“, „Измаиль-Бей“, „Хаджи-Абрекъ“, „Мцыри“, „Демонъ“, „Герой нашего времени“.

Москва: „Сашка“, „Пѣсня про царя Ивана Васильевича Грознаго“.

С.-Петербургъ: „Уланша“, „Петергофскій праздникъ“, „Госпиталь“, „Монго“, „Княгиня Лиговская“, „Сказка для дѣтей“.

Деревня: „Люди и страсти“, „Вадимъ“.

Тамбовъ: „Казначейша“.

Содержаніе второго тома.

„Литературные типы М. Ю. Лермонтова“.

(Выпускъ 3-ій).

Редакція Н. Носкова.

	Стр.
I. Отъ редакціи	5
II. М. Ю. Лермонтовъ (біографическая канва)	7
III. Характеристики:	
1. Арбенинъ	8
2. Вѣла	14
3. Вернеръ	16
4. Вѣра	18
5. Грушницкій	21
6. Демонъ	22
7. Дѣвушка	28
8. Калашникова	28
9. Калашниковъ	29
10. Кирибѣевичъ	30
11. Максимъ Максимовичъ	31
12. Мери	35
13. Мцыри	36
14. Печоринъ	39
15. Тамара	48
IV. Указатель типовъ, образовъ и лицъ (краткія характеристики:	
Авдотья Николаевна—Аякъ-Ага	51
Баронъ—Бѣлинскій	58
В**—Вѣра	60
Г...ва—Гудаль	63
Дама—Дѣвушка	66
Еремѣичъ—Ефимовна	68
Загорскина—Зораимъ	—
Иванъ—Исправникъ	72
Казакъ—Куршудъ-бекъ	77
Лакей—Лѣваръ	77
Магуль-Мегери—Мцыри	—
Н. полковникъ—Нозми	82
Оленька—Орми дочь	85
Палицина—Псарь	87
Р**—Рябиновъ	91
С. Василій Петр.—Софія	93
Тамара—Трущовъ	97

	Стр.
Уланша—Управитель	98
Федосѣй—Фернандо	99
Хадериліазъ—Хаджи	100
Часовой—Челяевъ	101
Штраль—Шушеринъ	102
Эмилиа	—
Юрій	—
Янко	103
V. Перечень произведеній Лермонтова и входящихъ въ нихъ типовъ, образовъ и лицъ	105
VI. Источники для изученія произведеній Лермонтова	113
VII. Послѣдовательность типовъ въ творествѣ Лермонтова	114
VIII. Мѣсто дѣйствія въ произведеніяхъ Лермонтова	114

Продолжается подписка на 1909 годъ

НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ТЕКУЩАЯ ЖИЗНЬ“.

Идя навсрѣчу ясно выраженной потребности общества, Редакція обратитъ вниманіе на отдѣлы критики, поэзіи, беллетристики, библиографіи, живописи, музыки и театра, при чемъ особенно сочувственно отнесется къ молодымъ дарованіямъ.

Въ научномъ отдѣлѣ въ теченіи 1909 года будетъ помѣщенъ рядъ статей по вопросамъ обществовѣдѣнія, права, исторіи, психологіи, философіи, религіи, а также итоги экономической и законодательной жизни какъ Россіи, такъ и другихъ странъ.

Редакція считаетъ своевременнымъ образованіе постояннаго „студенческаго отдѣла“, являющагося выразителемъ взгляда студенчества на вопросы профессиональные и академическіе.

ВЪ ЖУРНАЛЪ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ:

Леонидъ Андреевъ, С. А. Ауслендеръ, К. С. Баранцевичъ, А. Г. Бать, Александръ Блокъ, проф. С. А. Венгеровъ, Юрій Верховскій, В. В. Водовозовъ, Сергѣй Городецкій, Модестъ Гофманъ, О. О. Грузенбергъ, Н. М. Зарницынъ (Антиповъ), проф. И. И. Иванюковъ, А. А. Измайловъ, Анатолій Каменскій, проф. Н. И. Карѣевъ, проф. М. М. Ковалевскій, Н. В. Корецкій, В. Н. Кудрявцева, Н. Н. Лебедевъ, М. К. Лемке, прив.-доц. Н. О. Лосскій, Семенъ Мартиросовъ, Л. А. Моисеевъ, Петръ Муринскій, Н. Д. Носковъ, проф. Д. Г. Овсянко-Куликовскій, М. Противный, Г. М. Переплетниковъ, И. Н. Потапенко, прив.-доц. М. А. Рейснеръ, Алексѣй Ремизовъ, пр.-доц. В. Н. Сперанскій, Федоръ Сологубъ, прив.-доц. Е. В. Тарле, Г. Г. Фейгинъ, проф. М. И. Фридманъ, Е. Н. Чириковъ, прив.-доц. А. А. Чупровъ и мног. друг.

Подписная цѣна съ пересылкой и доставкой: на годъ 4 р., на 6 мѣс. 2 р. 25 к., на 3 мѣс. 1 р. 20 к., на 1 мѣс. 40 коп.

Допускается разсрочка—1 р. при подпискѣ и по 1 р. черезъ мѣсяць.

Въ отдѣльной продажѣ цѣна книжки 50 коп.

Редакція и Контора: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Литейный просп., № 64, кв. 13. Телеф. 78-43.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на первую серію выходящихъ подъ редакціей педагоговъ
Сборниковъ юношескаго и дѣтскаго творчества

Ю Н А Я М Ы С Л Ь.

Вышли два сборника, въ четырехъ выпускахъ.

Каждая книжка издается въ двухъ выпускахъ: для юношества и для дѣтей. Въ обоихъ изданіяхъ будутъ также и статьи педагоговъ по вопросамъ интересующимъ молодежь.

Редакція ставитъ себѣ задачей будить самодѣятельности юной творческой мысли, содѣйствовать нормальному и здоровому росту ея въ сферѣ свойственныхъ возрасту представленій и переживаній.

Въ сборникахъ „ЮНОЙ МЫСЛИ“ помѣщаются беллетристическія произведенія, статьи по всѣмъ отраслямъ знанія, критическіе разборы, иллюстраціи, рисунки, фотографіи, ноты, различныя задачи.

Основные положенія программы изданія.

1. Личность. Ея переживанія. Выработка основъ міросозерцанія. Отношеніе человѣка къ другимъ людямъ. Участіе въ общей созидательной работѣ, какъ обязанность, налагаемая на каждого за пользованіе благами культуры.

II. Общество. Картина культурнаго развитія. Значеніе сотрудничества и солидарности людей.

III. Природа. Человѣкъ и природа. Познаніе и художественное воспроизведеніе природы.

Основная идея, которая, по мнѣнію редакціи, должна объединить эти три отдѣла и лечь въ основу юношескаго міросозерцанія—это идея вѣчнаго: развитія не престаннаго движенія впередъ, къ лучшему.

Всѣ рукописи молодыхъ сотрудниковъ предоставляются редакціи бесплатно. Они должны сопровождаться указаніемъ имени и фамиліи автора, его возраста, гдѣ онъ учится (уч. зав. и классъ) и адреса. Подъ статьями будутъ печататься имя, инициаль фамиліи и обозначеніе возраста. Обратнo рукописи не возвращаются. Адресующіеся въ редакцію съ запросами прилагаютъ 7-коп. марку на отвѣтъ.

Подписная цѣна на серію въ 4 сборника (восемь выпусковъ) съ перес. — 1 р., за гран.— 2 р.

Адресъ редакціи: СПБ., Суворовскій, 23.

Редакторы-издатели: { С. Ю. Блуменау.
М. А. Минцлова.

Иллюстрированное

Собраніе Сочиненій

С. Т. Аксакова.

1) Дѣтскіе годы Вогрова внука 2) Семейная хроника и др. будетъ дано въ числѣ книгъ

Библиотеки „Всходовъ“

(См. объявленіе на обложкѣ.)

Поступила въ продажу **новая** книга:
СЕРДЦЕ ЧЕЛОВѢКА.

Книга для класснаго и домашняго чтенія съ послѣдующими бесѣдами.

Составилъ **Г. Г. Тумимъ**,
Преподаватель Восьмикласснаго Коммерческаго Училища въ Лѣсномъ.

Цѣна 1 р. 40 коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
Н. П. Карбасникова.

Кромѣ того имѣются въ продажѣ слѣдующія книги

Г. Г. Тумима:

I.

КНИГА ДЛЯ КЛАСНАГО ЧТЕНІЯ.

Составлена по порученію Педагогическаго Комитета Восьмикласснаго
Коммерческаго Училища въ Лѣсномъ.

Цѣна (въ папкѣ) 60 коп.

Изданіе Восьмикласснаго Коммерческаго Училища въ Лѣсномъ.

II.

СЧАСТЛИВЪ ТОТЪ,

КТО ЛЮБИТЪ ВСЕ ЖИВОЕ.

Книга для класснаго и домашняго чтенія съ послѣдующими бесѣдами.

Цѣна 1 руб., съ пересылкой 1 руб. 25 коп.

Изданіе **Н. П. КАРБАСНИКОВА.**

III.

КЛАСНЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЧТЕНІЯ И БЕСѢДЫ
на урокахъ русскаго языка въ младшихъ
классахъ среднихъ учебныхъ заведеній.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ (исправленное и дополненное).

Цѣна 40 коп.

Изданіе **Н. П. КАРБАСНИКОВА.**

НОВЫЯ ИЗДАНИЯ

„БИБЛИОТЕКИ ВСХОДОВЪ“

- Два героя. Очеркъ. В. Фирсова и Л. Спицыновой. Ц. 5 р. 25 к.
- Подъ Рождество. Сборникъ рождественскихъ разсказ. 8 рис. Ц. 25 к.
- Въ странѣ утренняго спокойствія. В. Сѣрошевскаго. 26 фотогр. автора. Ц. 30 к.
- Приключенія шести лѣсныхъ четвероногихъ. Джемса Гринвуда. 12 отд. карт. Ц. 60 к.
- Кавказъ. С. Анисимова. Со многими рис. въ текстѣ. Ц. 40 к.
- Т. Г. Шевченко. Н. Носкова. 8 рис. Ц. 30 к.
- М. С. Щепкинъ. Н. Носкова. 14 рис. Ц. 30 к.
- Дѣти скорби. Пов. А. Алтаева. 8 рис. Ц. 40 к.
- Наши друзья. Разсказы - о животныхъ. 9 рис. Ц. 25 к.
- Борьба за существованіе. Д. Котляръ. 20 рис. Ц. 25 к.
- Въ волиахъ безконечности. Е. Игнатъева. 50 рис. Ц. 60 к.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1909 годъ

НА ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ, ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„МІРЪ“.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ 4 р., на полгода 2 р., на 3 мѣс. 1 р. Для выписывающихъ за-границу къ означенной цѣнѣ прибавляется стоимость доставки. Цѣна отдѣльнаго № 20 коп.

ПРИ СОПРУДНИЧЕСТВѢ СЛѢДУЮЩИХЪ ЛИЦЪ:

Агафоновъ В. К., Арабажинъ К. И., Арцыбашевъ М. П., проф. Батюшковъ Ф. Д., Баранцевичъ К. С., Баршъ Г. З., Беренштамъ В. В., Бернштейнъ Н. Д., Богушевскій Л. Л., Борисякъ А. А., Будищевъ А. Н., Бухъ Л. К., Велиховъ Л. А., Вейнбергъ А. А., Венгерова З., Вересаевъ В., Вечесловъ М. Г., Гриневская И. А., Гласко В. И., Гусевъ-Оренбургскій С. И., Дымовъ О. И., проф. Ермаковъ В. П., Заринъ А. Е., проф. Зографъ Н. Ю., Игнатъевъ Е. И. (Альфъ), Измайловъ А. А., проф. Ивановковъ И. И., Каменскій А., проф. Красновъ А. Н., Купринъ А. И., Лейтесъ К. С., Лаврентъевъ Д. К., Левъ Мовичъ, Леонтьевъ П. П., Ленскій В., проф. Лесгафтъ П. Ф., Марковичъ В. А., Маціевскій Л. М., Минцловъ С. Р., Морозовъ Н. А., Нелидова Е. Н., Нелидовъ Б. Н., Новиковъ А. И., Новорусскій М. В., Носковъ Н. Д., Платоновъ, проф. Перетцъ В. Н., Петлюра С., пр.-д. Поварнинъ С. И., Потапенко И. Н., Поршъ М., Потъхинъ Ѳ. Ѳ., Протопоповъ Д. Д., Рославлевъ А. С., Селивановъ А. Ф., Свирскій А. И., Сергѣй Горный, Сиромаха, Танъ, Тихоновъ В. А., Тотоміанцъ В. Ѳ., Тумимъ Г. Г., проф. Туганъ-Барановскій М. И., Цензоръ Д., Яновскій А. Е., д-ръ Яцута К. З. и др.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ:

С.-Петербургъ, Лиговская, 47. ☎ Телефонъ № 288-70.

Редакторъ: А. Л. Богушевскій.

Издатель: В. Л. Богушевскій.

СЛОВАРЬ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ТИПОВЪ.

(Материалы для характеристики общества по типамъ русскихъ писателей).

Вышли первые два выпуска: 1—2) „Литературные типы Тургенева“. 3) Лермонтовъ. 4) Гоголь — выйдетъ въ концѣ февраля 1909 г.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО И ВТОРОГО ВЫПУСКОВЪ:

- а) Предисловіе. б) И. С. Тургеневъ, біографическая канва.
в) Характеристики типовъ въ освѣщеніи автора и критики.

Подробныя характеристики слѣдующихъ типовъ и образовъ:

Акимъ.—Алексѣй Петровичъ.—Аратовъ.—Астаховъ.—Ася.—Бабуринъ.—Бамбаевъ.—Базарова, А. В.—Базаровъ, В. И.—Базаровъ, Е. В.—Берсенева.—Василій Васильевичъ.—Веретьевъ.—Ворошиловъ.—Вязовникъ.—Герасимъ.—Голушкинъ.—Губаревъ.—Гуськовъ.—Елена.—Ельцова (Вѣра).—Засѣкина (Зинаида).—Злотницкія, Софія и Варвара.—Инсаровъ.—Ирина.—Калинычъ.—Калломѣйцевъ.—Каратаевъ.—Касьянъ.—Кирсановъ. Аркадій.—Кирсановъ, Н. П.—Кирсановъ, П. П.—Колосовъ.—Колтовской, И. П.—Колтовской, М. П.—Кукшина.—Курнатовскій.—Лаврецкая, Г. П.—Лаврецкій, И. П.—Лаврецкій, Ф. И.—Лежневъ.—Леммъ.—Лиза.—Литвиновъ.—Луверья.—Лучиновъ.—Лучковъ.—Маріанна.—Маркеловъ.—Марья Павловна.—Машурина.—Миличъ, Клара.—Моргачъ.—Н. Н.—Наталья.—Наумъ.—Неждановъ.—Недопосинъ.—Овсяниковъ.—Остродумовъ.—Павель Александровичъ.—Паклинъ.—Паншинъ.—Пасынковъ.—Перекатова.—Пагасовъ.—Полозова.—Пунинъ.—Пѣночкинъ.—Радиловъ.—Ратчъ.—Рудинъ.—Санинъ.—Сипягина.—Сипягинъ.—Соломинъ.—Стаховъ, Ув. Ув.—Стегуновъ.—Сусанна.—Татьяна Борисовна.—Трифонъ Ивановичъ.—Харловъ.—Хвалынский.—Шестова, Т.—Шубицъ.—Чертопхановъ.—Чулкатуринъ.—Феничка.—Фимушка.—Фомушка.

г) Указатель всѣхъ типовъ, образовъ и лицъ, входящихъ въ произведенія Тургенева, съ краткими характеристиками (свыше пятидесяти характеристикъ).

д) Перечень произведеній Тургенева съ историко-литературными справками и указателемъ типовъ и образовъ по произведеніямъ.

е) Сводъ нарицательныхъ именъ.

д) Группировка типовъ (классовая).

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ ВЫПУСКИ: ПЯТЫЙ И ШЕСТОЙ (ГРИБОБДОВЪ и Л. Н. ТОЛСТОЙ).

Въ дальнѣйшіе выпуски войдутъ: Пушкинъ, Грибоедовъ, Островскій, Салтыковъ, Герценъ, Л. Н. Толстой, Гончаровъ, Писемскій, Успенскій Гл., Чеховъ, Достоевскій, Горькій и др.

Въ составъ выпусковъ до 10 печатныхъ листовъ (листь около 70 тысячъ буквъ) входятъ: а) краткая біографія писателя, б) характеристика типовъ въ освѣщеніи самого автора, в) оцѣнка типа въ критикѣ, г) указанія на преемственность типа, д) бібліографія предмета, е) сводъ нарицательныхъ именъ.

Весь матеріалъ расположенъ въ алфавитномъ порядкѣ.

Общая редакція Н. Д. НОСКОВА и Г. Г. ТУМИМА.

Сотрудники: проф. Адриановъ С. А., Боцяновскій В. Ф., Вейнбергъ А. Е., Игнатьевъ Е. И., Палайловъ А. А., Катперевъ Н. А., Конрадъ П. П., Либровичъ С. Ф., Львовичъ В. Л., Майеръ Н. В., Мартиросовъ С. Е., Носковъ Н. Д., прив.-доц. Поварнинъ С. И., Райковъ Б. Е., Соколовъ Н. Мих., Тумимъ Г. Г.

Все изданіе составитъ 12—15 выпусковъ и будетъ закончено въ теченіе трехъ лѣтъ. Принимается подписка на первые шесть выпусковъ по цѣнѣ шесть рублей съ доставкой и пересылкой. Въ отдѣльной продажѣ цѣна первымъ тремъ выпускамъ 3 руб. безъ пересылки. Выписывающіе изъ конторы пользуются бесплатной пересылкой.

Разсрочка платежа: 4 руб. при подпискѣ и по 1 руб., при полученіи пятого и шестого выпусковъ.

Контора „Словаря Литературныхъ Типовъ“ :
С.-Петербургъ, 4 Рождественская, д. 8, „ВХОДЫ“.